Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

СОРОКА АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ И ЛИВИИ)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Огнева Валентина Васильевна

Орел – 2026

Список сокращений и условных обозначений

АО – Административный орган (предлагаемая Совместная комиссия безопасности)
ВСАЛ – Вооружённые силы Арабской Ливии
ВНК – Всеобщий национальный конгресс (Ливия)
ДДР – Disarmament, Demobilization and Reintegration (разоружение, демобилизация и реинтеграция)
ЕС – Европейский союз
ЕПФ – Европейский фонд мира (European Peace Facility, EPF)
ИГ – «Исламское государство» (террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации)
ЛАВС – Libyan Arab Armed Forces (Ливийские арабские вооружённые силы)
ЛНА – Ливийская национальная армия
ЛПРД – Программа реинтеграции и развития Ливии (Libya Reintegration and Development Programme, LPRD)
МООНПЛ – Миссия Организации Объединённых Наций по поддержке в Ливии
НАТО – Организация Североатлантического договора
ННК – Национальная нефтяная корпорация Ливии
НПС – Правительство национальной стабильности (Ливия)
ПНЕ – Правительство национального единства (Ливия)
ПНС – Правительство национального согласия (Ливия)
РДР – Разоружение, демобилизация и реинтеграция
РСБ – Реформа сектора безопасности
СВК – 5+5 Joint Military Commission (Совместная военная комиссия)
СМК – Совместный военный комитет
ССБ – Сектор безопасности
ССР – Security Sector Reform (реформа сектора безопасности)
ООН — Организация Объединённых Наций
UNSMIL – United Nations Support Mission in Libya (Миссия ООН по поддержке в Ливии)
HoR – House of Representatives (Палата представителей Ливии)
NOC – National Oil Corporation (Национальная нефтяная корпорация Ливии)

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ **4**
ГЛАВА 1. ПОЛИТИКО-ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ **26**
МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ЛИВИЕЙ **26**
1.1. Влияние колониального прошлого на современные 26
итало-ливийские отношения 26
1.2. Внутри и внешнеполитические факторы активизации миграционных процессов в условиях постколониального развитияливийской государственности 43
1.3. Договорно-правовые основы сотрудничества Италии и Ливии в миграционной сфере 62
ГЛАВА 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И СЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ **91**
2.1. Конфликтогенность в странах Ближнего и Среднего Востока как имманентный фактор вынужденных миграций 91
2.2. Масштабы, основные маршруты и структура миграционной палитры в Италии 121
2.3. Тенденции геополитизации миграционных процессов и ключевые вопросы адаптации и интеграции мигрантов в принимающемитальянском обществе 137
ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИВИИ И ИТАЛИИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ФИЛЬТРАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ **172**
3.1. Ливия и Европейский Союз: поиск совместных решений проблем миграции 172
3.2. Поддержка Евросоюзом проевропейских политических сил и усиление давления на политические институты в Ливии 187
3.3. Ключевые практикоориентированные подходы к урегулированию миграционного кризиса в Италии 206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ **223**
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК **228**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследованияобусловлена, во-первых, тем, что для современной системы международных отношений характерно нарастание масштабов и интенсивности миграционных процессов, сопровождающееся их включением в сферу политического и геополитического противоборства. Миграция утрачивает исключительно демографическое и социально-экономическое измерение, приобретая значение инструмента внешнеполитического воздействия, механизма перераспределения ответственности между государствами и фактора внутриполитической мобилизации. В особенности это проявляется в регионах, где пересекаются интересы ведущих международных акторов и сохраняется высокий уровень конфликтности. Центральное Средиземноморье в данном отношении выступает одним из наиболее показательных пространств, где миграционные потоки оказываются встроенными в более широкий комплекс политических и военно-стратегических процессов.

Во-вторых, актуальность исследования определяется состоянием итало-ливийских отношений, в рамках которых миграционная проблематика занимает устойчивое место в двусторонней и многосторонней повестке. Разрушение институтов государственности в Ливии, сопровождаемое длительной политической фрагментацией, привело к утрате эффективного контроля над миграционными потоками и трансформации страны в ключевое транзитное звено. В этих условиях взаимодействие Италии с ливийскими акторами приобрело сложный и неоднородный характер, включающий элементы сотрудничества, делегирования функций и политического давления. Изучение данного комплекса отношений позволяет выявить особенности формирования механизмов управления миграцией в условиях институциональной нестабильности транзитного государства.

В-третьих, значимость темы обусловлена трансформацией миграционной политики Европейского союза, в которой центральное место занимает проблема

распределения ответственности между государствами-членами и выработки согласованных подходов к регулированию потоков. Отсутствие единой стратегии, расхождения в оценке механизмов квотирования и подходов к экстернализации границ формируют устойчивую зону напряжения внутри Европейского союза. В этих условиях Италия выступает одним из ключевых акторов, инициирующих пересмотр сложившихся практик и продвигающих более жесткие меры внешнего контроля. Анализ данных процессов имеет значение для понимания динамики институционального развития европейской миграционной политики.

В-четвертых, исследование приобретает актуальность в связи с необходимостью осмысления взаимосвязи между миграционными процессами и внутриполитическими трансформациями государств. На примере Италии прослеживается влияние масштабов миграции на электоральное поведение, партийно-политическую конкуренцию и изменение приоритетов государственной политики. Усиление позиций правоцентристских сил, корректировка законодательства и переход к стратегиям внешней фильтрации потоков свидетельствуют о глубокой взаимосвязи между внешними вызовами и внутренней политической динамикой. Изучение данного аспекта позволяет рассматривать миграцию как фактор, оказывающий непосредственное воздействие на политические процессы национального уровня.

В-пятых, обращение к теме геополитизации миграции обусловлено необходимостью разработки теоретических подходов, позволяющих интерпретировать миграционные процессы в системе международных отношений как элемент борьбы за влияние и ресурсы. Формирование устойчивых миграционных маршрутов, их адаптивность к изменениям внешней среды, а также вовлеченность в них различных государственных и негосударственных акторов свидетельствуют о сложной структуре исследуемого явления. Вследствие этого анализ геополитических детерминант миграции приобретает значение для развития политологической теории и формирования научно обоснованных представлений о механизмах функционирования современной международной системы.

В целом представляется важным выявить, каким образом общеевропейские миграционные процессы повлияли на отношения Ливии и Италии, какие процессы на территории Ливии спровоцировали осложнения двусторонних отношений с ближайшим соседним европейским государством – Итальянской Республикой.

Геополитизация миграционных процессов, их противоречивые тенденции требуют усиления политического взаимодействия и ответственности всех заинтересованных сторон по фильтрации миграционных потоков, эффективности управления миграционными процессами и минимизации последствий миграционного кризиса. Следует учитывать, что современная нестабильность на европейском континенте развивается в условиях системного противостояния между коллективным Западом во главе с США, в котором украинское направление выполняет функцию ключевого инструмента геополитического давления и перераспределения сил.

Последствия данного конфликта проявляются в трансформации экономических связей, санкционных режимах и перераспределении бюджетных приоритетов европейских государств, что оказывает опосредованное воздействие на их социальную и миграционную политику. Усиление внешнеполитической напряжённости сопровождается ростом внутрисоюзных разногласий относительно распределения финансовой нагрузки, механизмов солидарности и пределов национального суверенитета в сфере регулирования трансграничной мобильности.

В этих условиях эволюция итало-ливийского взаимодействия приобретает дополнительное измерение: миграционная политика оказывается включённой в более широкую конфигурацию стратегического соперничества и начинает функционировать как элемент внешнеполитической тактики. Анализ последствий приёма мигрантов для социально-экономической и политической динамики Италии позволяет рассмотреть данное направление как часть общей геополитической перестройки европейского пространства.

Объект исследования – миграционные процессы в системе современных международных отношений (на примере взаимодействия Итальянской Республики и Ливии).

Предмет исследования — механизмы и инструменты геополитизации миграционных процессов в системе итало-ливийского взаимодействия, включая договорно-правовые, институциональные и политико-стратегические формы их регулирования в рамках Европейского союза.

Цель исследования — комплексный анализ состояния геополитизации миграционных процессов на примере Италии и Ливии, определение приоритетных направлений институционального и политико-правового совершенствования механизмов их регулирования.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих научных **задач**:

1. Концептуализировать историко-политологические предпосылки формирования миграционных потоков между Италией и Ливией, уточнить понятийно-категориальный аппарат исследования.

2. Раскрыть договорно-правовые основы итало-ливийского сотрудничества в миграционной сфере и определить их значение для институционализации совместного управления потоками.

3. Проанализировать геополитические факторы, масштабы, маршруты и структурные характеристики миграционных процессов в Средиземноморском регионе.

4. Выявить значимые причины и тенденции геополитизации миграции, включая трансформацию её из гуманитарной проблемы в элемент внешнеполитического инструментария государств и наднациональных институтов.

5. Определить перспективные направления взаимодействия ЕС, Италии и Ливии в сфере фильтрации и регулирования миграционных потоков, с учётом трансформации сектора безопасности и политических институтов Ливии.

6. Обосновать ключевые практико-ориентированные подходы к урегулированию миграционных процессов в Италии, включая институциональные, правовые, дипломатические и организационные меры.

Гипотеза исследования. Исторически обусловленный процесс геополитизации миграции на основе изучения итало-ливийского кейса, усиливающаяся тенденция взамозависимости между страной исхода мигрантов (Ливия) и приема мигрантов (Италия) требуют поиска наиболее адекватных сложившейся ситуации политических стратегий и нивелирования рисков, связанных с миграционными вызовами, понимания перспектив политики ЕС в отношении миграции. С учетом этого устойчивость итало-ливийского взаимодействия в сфере миграционного регулирования определяется уровнем институциональной целостности и управленческой способности ливийского государства, эффективностью осуществляемых Италией мер в сфере миграции, более значимой роли Европейского Союза в решении миграционных проблем.

Эмпирическая база исследования сформирована с учётом многоуровневого характера исследуемой проблемы и включает несколько взаимосвязанных групп документации.

1. Международно-правовые акты и договоры.

К данной группе отнесены универсальные и региональные документы, определяющие правовые рамки регулирования миграции и статуса беженцев: «Конвенция ООН о статусе беженцев» от 28 июля 1951 года[1]; «Декларация о европейской идентичности» 1973 года[2], акты Международной организации труда, соглашения Шенгенского пространства, директивы и регламенты Европейского союза, (в частности, Дублинские соглашения: регламент № 604/2013[3]);

[1]Конвенция ООН о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[2]Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (accessed: 20.02.2024).

[3] Сайт Еврокомиссии.URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/common-european-asylum-system/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en.

«Стратегический компас по обороне и безопасности[4] Евросоюза» 2021 года, принятый в 2022 году, «Белая книга» Совета Европы по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве»[5].

2. Двусторонние договоры и соглашения Италии и Ливии.

В самостоятельную подгруппу выделены договорно-правовые акты, непосредственно регулирующие взаимодействие сторон в сфере миграции, безопасности и контроля границ[6].

3. Национальное законодательство Италии.

К этой группе относятся законы и правительственные акты с силой закона (decreto-legge), регулирующие режим въезда, пребывания, международной защиты и внутренней безопасности: «Национальная стратегия по предотвращению незаконного въезда мигрантов»[7]; законодательные акты, регулирующие статус иностранцев и функционирование системы приёма[8].

4. Официальные документы международных организаций.

---

[4]A Strategic Compass for Security and Defence. For a European Union that Protects its Citizens, Values, Interests, and Contributes to International Peace and Security. Working Document of the European External Action Service. Brussels: European External Action Service; 2021.

[5]White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity». URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf (accessed: 22.02.2024).

[6] Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/v2000.pdf (дата обращения: 24.10.2025); Agreement between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders (Schengen Agreement). Schengen, 14 June 1985. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42000A0922(01) (дата обращения: 24.10.2025); Convention between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Consular Relations. Tripoli, 9 December 1998. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 2000, n. 54. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:accordo:1998-12-09; (дата обращения: 24.10.2025); Convention concerning Migrations in Abusive Conditions and the Promotion of Equality of Opportunity and Treatment of Migrant Workers (No. 143) (adopted at Geneva on 24 June 1975). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312288 (дата обращения: 24.10.2025).

[7]Strategia nazionale per prevenire l'ingresso illegale di migranti publicazione. URL: https://www.esteri.it/mae/it/ (accessed: 23.06.2018).

[8]Legge 12 novembre 2004, n. 271. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 14 settembre 2004, n. 241, recante disposizioni urgenti in materia di immigrazione. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 13 novembre 2004, n. 266. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-11-12;271 (датаобращения: 24.10.2025); Legge 30 dicembre 1986, n. 943. Norme in materia di collocamento e trattamento dei lavoratori extracomunitari immigrati e contro le manomissioni di carattere razziale. – Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 8 gennaio 1987, n. 6. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1986-12-30;943 (датаобращения: 24.10.2025); Legge 30 luglio 2002, n. 189. Modifica alla normativa in materia di immigrazione e di asilo (Legge Bossi–Fini). Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 26 agosto 2002, n. 199. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189 (датаобращения: 24.10.2025); Legge 6 marzo 1998, n. 40. Disciplina dell'immigrazione e norme sulla condizione dello straniero. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 6 marzo 1998, n. 59. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1998-03-06;40 (дата обращения: 24.10.2025).

Использованы отчёты и материалы Европейской комиссии, Европейского парламента, Европейского совета, Frontex, EUAA, UNHCR, IOM, UNSMIL, а также аналитические доклады профильных структур ЕС по вопросам безопасности и внешнего измерения миграционной политики.

5. Статистические данные и базы эмпирической информации (самостоятельная группа источников).

В отдельную группу выделены количественные и аналитические данные, формирующие эмпирическую основу исследования:

– базы данных Eurostat;

– статистические материалы ISTAT;

– отчёты OECD;

– Displacement Tracking Matrix (IOM);

– данные Frontex о пересечении внешних границ ЕС;

– Cruscotto Statistico Министерства внутренних дел Италии;

– оперативные панели UNHCR по морским прибытиям;

– демографическиепрогнозыООН (WorldPopulationProspects);

– экономические индикаторы Всемирного банка[9].

6. Аналитические доклады и научные публикации.

В исследовании использованы материалы международных исследовательских центров (ECFR, SWP, Chatham House, Clingendael, DCAF, ISPI, CSIS и др.), а также публикации российских и зарубежных авторов, посвящённые проблематике геополитики Средиземноморья, реформирования сектора безопасности в Ливии, экстернализации границ ЕС и интеграционной политики Италии[10].

---

[9]Frontex. Risk Analysis Reports, Annual/Quarterly Statistical Data.URL: https://frontex.europa.eu (датаобращения: 27.11.2025); International Organization for Migration (IOM). Displacement Tracking Matrix. URL: https://dtm.iom.int (датаобращения: 27.11.2025); ISPI. Matteo Villa. Dati e analisi sui flussi migratori nel Mediterraneo. URL: https://www.ispionline.it (датаобращения: 27.11.2025); Ministero dell'Interno. Dipartimento della Pubblica Sicurezza. Cruscotto Statistico Giornaliero. URL: https://www.interno.gov.it (датаобращения: 27.11.2025).

[10]Center for Strategic and International Studies (CSIS).New and Old Crises and Instability in the Middle East and North Africa.Washington, 2016. URL: https://www.csis.org/analysis/new-old-crises-and-instability-middle-east-and-north-africa-2016 (датаобращения: 10.11.2025); Chatham House. Conclusions: implications for disarmament, demobilization and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/10/sprint-41/06-conclusions-implications-disarmament-demobilization-and-reintegration (датаобращения: 21.11.2025); Chatham House. Security actors in Misrata, Zawiya and

7. Медиа-материалы и публичные заявления.

Включают официальные заявления должностных лиц Италии, ЕС и Ливии, интервью, пресс-релизы, материалы авторитетных международных СМИ[11].

8. Архивные и исторические документы.

В работе использованы документы колониального периода, дипломатическая переписка и исторические договоры, позволяющие реконструировать долгосрочные основания итало-ливийских отношений[12].

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концептуальные положения и выводы исследователей, разрабатывающих теории политического реализма (Г. Моргентау, К. Уолтц, Дж. Миршаймер), социального конструктивизма (А. Вендт, П. Катценштейн), системного анализа международных отношений (Д. Истон, М. Каплан), а также современные миграционные теории — теорию «push–pull» факторов (Э. Ли), теорию транснационализма (Н. Глик-Шиллер, Л. Баш), концепцию секьюритизации миграции (Б. Бузан, О. Вевер).

Социально-конструктивистский подход используется для анализа дискурсивных практик, в рамках которых миграция интерпретируется как угроза, гуманитарный вызов либо ресурс развития. Системный анализ обеспечивает рассмотрение миграционных процессов как элемента более широкой

Zintan since 2011: Conclusions – Implications for disarmament, demobilisation and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2023/12/security-actors-misrata-zawiya-and-zintan-2011/06-conclusions-implications-disarmament (дата обращения: 21.11.2025); ACAPS. Italy: Country overview (updated 2025). URL: https://www.acaps.org/en/countries/italy (датаобращения: 10.11.2025); European Council on Foreign Relations (ECFR). Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (датаобращения: 21.11.2025).

[11] Al Jazeera. 2024: A Year that Turned the Tables in War-Torn Syria. 02 Jan 2025. URL: https://www.aljazeera.com/gallery/2025/1/2/2024-a-year-that-turned-the-tables-in-war-torn-syria (дата обращения: 10.11.2025); Al Jazeera. World Leaders React to Trump's Middle East Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/1/29/world-leaders-react-to-trumps-middle-east-plan (датаобращения: 10.11.2025); Anti-migrant Security Decree bis becomes law in Italy. Fairplanet. URL: https://www.fairplanet.org/story/anti-migrant-security-decree-bis-becomes-law-in-italy/ (дата обращения: 10.11.2025); ASGI. Decreto Rilancio: regolarizzazione dei lavoratori stranieri. URL: https://www.asgi.it/allontamento-espulsione/decreto-rilancio-regolarizzazione-migranti-2020/ (датаобращения: 10.11.2025); Assindatcolf. Lavoro domestico e pandemia: i dati del 2020. URL: https://www.assindatcolf.it/news/lavoro-domestico-pandemia-2020 (датаобращения: 10.11.2025); CBS News. Palestinian President Mahmoud Abbas Rejects Trump's Middle East Peace Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.cbsnews.com/news/palestinians-mahmoud-abbas-rejects-trumps-middle-east-peace-plan (дата обращения: 10.11.2025).

[12] Lettera del Governatore Generale della Libia I. Balbo al Ministero dell'Africa Italiana. 30 dic. 1938. URL: https://acs.cultura.gov.it/ (дата обращения: 23.10.2025).

международной структуры, где изменения в одной подсистеме (безопасность, экономика, демография) вызывают трансформации в других. Использование миграционных теорий позволило выявить сочетание структурных факторов происхождения потоков (конфликты, демографическое давление, экономическая асимметрия) и институциональных механизмов их перераспределения, а также проследить процесс геополитизации миграции как политической практики.

Диссертация построена на комплексном системном подходе, позволившем рассматривать миграцию как целостное явление, включённое в структуру международных и внутриполитических взаимодействий. В исследовании использованы:

1. Общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция, логический анализ, позволившие выявить причинно-следственные связи и структурировать эмпирический материал.

2. Методы политического и историко-политологического анализа, обеспечившие реконструкцию эволюции итало-ливийских отношений и выявление факторов их трансформации.

3. Сравнительно-исторический (компаративный) подход, позволивший сопоставить различные этапы миграционного взаимодействия и изменения в общеевропейской политике.

4. Проблемно-хронологический метод, применённый при анализе динамики кризисных процессов и нормативных реформ.

5. Специальные методы исследования:

– статистический анализ (обработка данных Eurostat, ISTAT, Frontex, UNHCR);

– контент-анализ политических заявлений и официальных документов;

– анализ международных договоров и нормативных актов;

– мониторинг миграционных показателей;

– институциональный анализ;

– структурно-функциональный анализ механизмов регулирования;

–кейс-стади (анализ конкретных эпизодов итало-ливийского взаимодействия и реформ сектора безопасности).

Степень разработанности темы исследования. Исследование опирается на широкий массив отечественных и зарубежных работ, посвящённых теории международных отношений, проблематике региональной безопасности, трансформации государственности в Северной Африке и миграционным процессам в Средиземноморье. Теоретическое осмысление международных процессов представлено в трудах Г. Моргентау[13], Э. Карра[14], И. Валлерстайна[15], З. Бжезинского[16]. Их концептуальные разработки позволяют рассматривать миграцию в качестве фактора перераспределения силы, элемента геополитической конкуренции и компонента трансформации международной системы.

Проблематика регионализма и европейской интеграции раскрыта в работах Ф. Сёдербаума[17], Л. ван Лангенхове[18], Э.В. Саида[19]. Современные миграционные теории представлены в трудах Э. Ли[20], С. Каслса и М. Миллера[21], Д. Массей[22], О.Д. Воробьёвой[23], М. Савоскул[24]. Их подходы дают возможность рассматривать миграцию одновременно как структурный, социальный и политизированный процесс.

Стоит отметить коллективные монографии, статьи и исследования Г.М. Сидоровой, О.Г. Карповича, А.Г. Володина, В.В. Штоля, Р.Н. Шангараева и

---

[13]Моргентау Г. Политика между нациями: борьба за власть и мир. М.: АСТ, 2009. 800 с.
[14]Карр Э. Двадцатилетний кризис 1919–1939. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
[15]Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 552 с.
[16]Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. А. Утина. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
[17]Сёдербаум Ф. Теория нового регионализма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 272 с.
[18]Лангенхове Л. ван. Создание регионов в международной политике. М.: Весь Мир, 2013. 256 с.
[19]Саид Э. В. Ориентализм / пер. с англ. А. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 424 с.
[20] Lee E. A Theory of Migration.Berlin: Springer, 1966. 129 p.
[21] Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. New York: Guilford Press, 2019. 401 p.
[22]Массей Д., Араго Х., Граумеу Г., Куаоуци А., Пеллегрино А., Тейлор Дж. Э. Миры в движении: международная миграция в конце тысячелетия / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2006. 312 с.
[23]Теории международной миграции / под ред. О. Д. Воробьевой. М.: Институт социологии РАН, 2014. 312 с.
[24]Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 2015. № 4(50). С. 56–63.

др.[25] Для изучения темы диссертации были полезны работы и публикации таких видных международников из научных институтов РАН, МГИМО, МГУ, посвященные глобальным политическим аспектам интеграции в Европе, как В.А. Тишков, А.А. Громыко, Т.В. Зверева, Л.О. Бабынина, А.В. Фененко, В.П. Жарков, В.С. Малахов, М.Ю. Апанович, Н.Н. Зинченко, И.П. Цапенко[26].

Специальное вниманиеинтеграционным и миграционным проблемам Европейского союза уделено в многочисленных научных публикациях, таких отечественных и зарубежных учёных, как Е.А. Бугакова, В.В. Войников, Е.В. Печенова, И.В. Потапенкова, Г.В. Осипов, А.Н. Смирнов, Ф. Ферраротти[27], Г. Хаас, М. Лемберг-Пидерзен[28].

---

[25]Международная политика и безопасность:новые контуры современного мира/ А. В. Борисов, А. А. Варфаламеев, С. М. Гаврилова [и др.]. М.:«Квант Медиа»,2021. 624 с.; Африка и контуры формирующегося мира: монография / О. Г.Карпович, Г. М.Сидорова, Р. Н.Шангараев, А. А. Шахалова; Дипломатическая академия МИД России. М.: «Сам полиграфист», 2024. 252 с.; Вопросы теории и истории международных отношений. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2010. 300с.; Карпович О.Г., Сидорова Г.М. «Мягкая сила»: теория и практика в международных отношениях. М: МГЛУ, 2018. С. 68; Сидорова Г.М. Вооруженные конфликты и гуманитарные катастрофы в Африке: их причины и последствия // Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов: монография / под общ.ред. д. и. н., профессора П. А. Меркулова. Орёл. 2019. 399с.; Штоль В. В Влияние Европейской составляющей в области безопасности и обороны на взаимоотношения НАТО и Европейского союза (изд. переработанное и дополненное). М.: Научная книга, 2003. 44 с.; Неймарк М. А. Что показывает «Стратегический компас» Европы // Обозреватель. 2022. № 5-6 (388–389). С. 40–49; Зверева Т.В. Миграционная политика ЕС на современном этапе // Дипломатическая служба. 2019. № 4. С. 38–45; Сидорова Г. М. О тенденциях распространения радикального ислама в Африке // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 2. С. 90–105; Сидорова Г.М. Доктринальные установки США: лидерство и гегемония // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1(46). С.259–264; Шангараев Р.Н., Тимакова О. А. Мультикультурализм в политическом процессе Европейского союза: от кросс-культурного конфликта к межконфессиональному взаимопроникновению // Вестник учёных-международников. 2023. №3 (25). С. 69–82.

[26] Зверева Т. Общая миграционная политика ЕС: новый старт? //Международная жизнь. Июль, 2021. С. 94–103; Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63; Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.; Бабынина Л. О. Гибкая интеграция в Европейском Союзе: теория и практика применения. М.: URSS, 2012. 304 с.; Фененко А. В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. Том 1, № 21. 2023. С. 6–42; Жарков В. П., Малахов В. С., Симон М. Е., Летняков Д. Э. Феномен глобальных миграций: политико-экономический аспект. М: Изд-во РАНХиГС при президенте Российской Федерации, 2016 г. 70 с.; Апанович М. Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе М., 2018. 176 с.; Зинченко Н .Н. Миграция население. Теория и практика международного-правового регулирования. М., 2003. 264 с.; Цапенко И. П. От иммиграционного контроля к управлению миграционными процессами // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 10. С. 23–33; Цапенко И. П. Управление миграцией: опыт развитых стран. М., 2009. 384 с.; Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М., 2015. 272 с.

[27]Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия / под ред. Г. В. Осипова. М.: ИСПИРАН, 2016. С. 116; FerrarottiF. OltreilrazzismoVersolasocietamultirazzialeemulticulturale.Roma: Armando, 1988. 206 р.ПотапенковаИ. В. МиграционноерегулированиеЕС: интеграционныепредпосылкиипроблемыправовогообеспечения // ВестникМосковскогоуниверситетаМВДРоссии.2018.№4. С.12–15; Смирнов А. Н. Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // Полис.2005. № 4. С. 30–52.

[28] Haas H. De, The myth of invasion. Irregular migration from West African to the Maghreb and the European Union.Oxford:International Migration Institute, ottobre 2007; Lemberg-Pedersen M., Effective Protection or Effective Combat? EU Border Control and North Africa // Gaibazzi P., Bellagamba A., Dünnwald S. (a cura di). EurAfrican Borders

Важное место в исследовании темы занимают труды, в которых проанализировано влияние миграционных потоков на принимающие страны, в их негативных и позитивных аспектах и рассмотрены перспективы интеграции переселенцев в европейское общество. Среди них работы Г.И. Глущенко, Б.В. Долгова, В.П. Жаркова, В.А. Пономарева, Г.А. Цысиной, А.П. Кошкина, И.С. Семененко, О.А. Тимаковой, Т.А. Шубниковой, С.В. Рапиной, М.В. Берендеева, Д.Д. Бартоломью[29], Р. Кинга, Н. Маи и др[30].

Вклад в научное изучение темы внесён научными трудами и исследованиями, описывающими влияние миграционных процессов на ситуацию в Италии и Ливии, а также на взаимоотношения данных государств, в полной мере позволяющие раскрыть разногласия, оказывающие негативное воздействие на попытки дипломатического урегулирования. Среди них монографии Т.В. Зоновой, О.Н. Барабанова, В.Ю. Копыловой, И.В. Гребёнкиной, И.Г. Животовской, П. Готфрид, Д. Перо[31], Л. Дженнари, Дж. Кресчини, А.М. Мороне, С. Тревисанат, С. Касу[32]. Отметим публикацию В.В. Огневой и А.А. Эрендженова[33], в которой исследуются трансформация политики безопасности приграничных территорий, механизмы реагирования на кризисные угрозы и влияние геополитической нестабильности на миграционные процессы.

---

and Migration Management: Political Cultures, Contested Spaces, and Ordinary Lives. NewYork:PalgraveMacmillan, 2017.P. 29–60.

[29] БартоломьюД.Д. Стохастические модели социальных процессов. М., 1985. 295 с.; Глущенко Г. И., Пономарев В. А. Миграция и развитие.М.: Издательство «Экономика», 2009.454 с.; Цысина Г. Мировой миграционный процесс и миграционная политика стран Запада // Общество и экономика.2011.№ 1.С. 100–110; Миграционный кризис в Европе / под ред. А. П. Кошкина.Вып. 6. М.: РЭУим. Г. В. Плеханова, 2016.С.124–126.

[30] King R., Mai N. Italophilia Meets Albanofobia: Paraboxes of Assimetric Assimilation and Identity Processes among Albanian Immigrants in Italy // Ethnic and Racial Studies. L., 2009.Vol. 32, N 1.P. 117–138.

[31] Барабанов О. Н. Современная внешнеполитическая идеология Италии // Полис.2002. № 6. С. 160–175; ГотфридП. Страннаясмертьмарксизма. М., 2009. С. 249; Pero D. Left-wing politics, civil society and immigrants in Italy: The case of Bologna // J. ofethnica. racialstudies. L., 2005.Vol. 28, N 5.P. 832–858.

[32] Gennari L., Cecchini C. L., Crescini G., Esternalizzazione delle frontiere e gestione della rotta mediterranea tra esigenze di sicurezza e tutela dei diritti fondamentali in Giovannetti M., Zorzella N. (a cura di), Ius migrandi. Trent'anni di politiche e legislazione sull'immigrazione in Italia. Milano:Franco Angeli, 2020.P. 133–163; Morone A. M. Prigionia e deportazione nella Libia post Gheddafi // Augusti E., Morone A. M., Pifferi M. (a cura di). Il controllo dello straniero. I "campi" dall'Ottocento a oggi. Roma: Viella, 2017. 678 p.

Trevisanut S., Respingimenti in mare dal punto di vista del diritto del mare, con particolare riferimento alla cooperazione tra Italia e Libia in Patroni Griffi A. (a cura di), Rassegna di diritto pubblico europeo. Napoli:Edizioni Scientifiche Italiane, luglio–dicembre 2011, anno X - numero 2.P. 239–254; Casu S. Accordi Italia – Libia: il rinnovo del memorandum. 25.11.2019. URL: https://www.iusinitinere.it/accordi-italia-libia-il-rinnovo-del-memorandum24416#_ftn2 [UC: 13/01/2022].

[33] Огнева В.В. Эрендженов А.А. Тенденции изменений в реализации политики безопасности регионов российского пограничья в контексте политического кризиса вокруг Украины // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 3-14.

А.Г. Лихоносов, Н.А. Васецкий и Ю.Ф. Пивоваров рассматривают возможности применения системной методологии к исследованию политических процессов, уделяя внимание характеру взаимосвязей между элементами политической системы и условиям её устойчивости[34]. Проблемы этнополитической безопасности, предупреждения межэтнических конфликтов и воздействия миграционных процессов на общественные отношения исследуются А.Г. Лихоносовым, Н.А. Чичулиным и Д.Ю. Бурчаковым[35]. В работах К.Н. Лобанова раскрываются изменения роли военной силы в международных отношениях, политико-территориальные последствия вооружённых конфликтов, а также процессы социальной деструкции, сопровождающиеся вынужденными перемещениями населения и распространением последствий конфликтов за пределы непосредственно вовлечённых в них государств[36]. А.Г. Лихоносов и В.М. Шевцов исследуют зависимость устойчивости государства от состояния внутренних и внешних общественных связей, включая политические, социальные, этнокультурные и географические факторы[37].

В постпандемийный период исследовательский интерес сместился в сторону изучения геополитизации миграции, внешнего измерения миграционной политики Европейского союза и трансформации механизмов управления миграционными потоками в Средиземноморье. Данные вопросы получили отражение в работах О.А. Глубокой[38], К.Д. Смольковой[39], М.В. Клиновой[40],

---

[34] Лихоносов А.Г., Васецкий Н.А., Пивоваров Ю.Ф. Применение системной методологии для исследования политических процессов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 5. С. 24–30.

[35] Лихоносов А.Г., Чичулин Н.А., Бурчаков Д.Ю. Система обеспечения этнополитической безопасности России: отечественный опыт и современность // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2026. Т. 17. № 2 (51). С. 30–36.

[36] Лобанов К.Н. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку // Via in Tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 2. С. 474–485; Лобанов К. Военное противоборство на Украине в ракурсе моделирования конфликтинга и процессов социальной деструкции // Балканске Синтезе. 2023. Т. 10. № 1. С. 51–68; Лобанов К.Н. Российская внешнеполитическая стратегия в контексте тенденций современных межгосударственных отношений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ежегодник: в 3 ч. М., 2026. С. 223–227.

[37] Лихоносов А.Г., Шевцов В.М. Традиционные общественные отношения в стране – основа устойчивости государства // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: сборник статей форума. Воронеж, 2024. С. 631–636.

[38] Глубокая О. А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и общество. 2025. № 2. С. 99–113.

[39] Смолькова К. Д. Миграционная дипломатия как инструмент внешней политики в современных международных отношениях // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 6(118). С. 2558–2565.

Ш.Э. Мачадо Ортеги и И.В. Рыжова[41]. Они раскрывают взаимосвязь миграции, безопасности и внешнеполитического регулирования в условиях современных международных кризисов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Введено в научный оборот и концептуально обосновано положение о колониальном наследии Италии как структурном факторе современного итало-ливийского взаимодействия, оказывающем воздействие на формирование и геополитизацию миграционных процессов в центрально-средиземноморском регионе. Геополитизация определяется как процесс трансформации миграционного регулирования в инструмент стратегического взаимодействия внешних акторов. В исследовании показано, что формирование государственных границ Ливии, элементов её институциональной архитектуры и базовых параметров экономической модели в первой половине XX века предопределило долговременную зависимость двусторонних отношений от исторического опыта колониального периода. Раскрыт амбивалентный характер исторической памяти в ливийском обществе, сочетающий травматическое восприятие колониального подчинения с сохранением институциональных элементов государственности, возникших в период итальянского присутствия. Обосновано, что колониальное наследие продолжает воспроизводиться через экономические, социальные и миграционные каналы взаимодействия, включая функционирование итало-ливийских общин и устойчивые формы трансграничной мобильности. Представленный подход отличается от существующих исследований рассмотрением колониального опыта как действующего элемента международно-политического процесса, влияющего на современные формы внешнеполитического взаимодействия имиграционного регулирования в Средиземноморье.

---

[40]Клинова М. В., Трофимова О. Е. Европейский союз и страны Магриба: новая «старая» стратегия // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4(128). С. 50–67.

[41]Мачадо Ортега Ш. Э., Рыжов И. В. Иммиграционная политика ЕС в 2020 году: анализ изменений и перспективы в контексте Пакта о миграции и убежище // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. 2024. С. 55–59.

2. Выявлена и обоснована особенность трансформации итальянскогоподхода к регулированию миграционных процессов, отражающая переход отинтеграционной модели к модели секьюритизации миграционной политики.На основе анализа законодательных изменений, внешнеполитическихрешений и политической риторики показано, что с середины 2010-х гг. в Италии закрепляется курс на ужесточение миграционногорегулирования, выраженный в пересмотре механизмов предоставлениямеждународной защиты, расширении административных инструментовконтроля и усилении мер пресечения нелегального въезда. Установлено также, что данный процесс сопровождается усилением противоречийвнутри Европейского союза по вопросам распределения миграционнойнагрузки и координации общеевропейской политики, что стимулируетформирование более автономной внешнеполитической стратегии Италии вмиграционной сфере. В отличие от существующих подходов секьюритизация миграции рассматривается как элемент трансформациимеждународно-политического поведения государства в условиях кризисарегиональной системы безопасности.

3. Выявлены и систематизированы причиныи тенденции геополитизации миграционных потоковпо центрально-средиземноморскому маршруту, обусловленные изменением положения Ливии в региональной системе международных отношений. К ним отнесены: институционально-территориальная фрагментация ливийского государства и связанное с ней ослабление государственного контроля над сухопутными и морскими границами; наличие конкурирующих центров власти и подконтрольных им вооружённых формирований; вовлечённость внешних государств в ливийский конфликт и обусловленное этим сохранение политической нестабильности; изменение баланса сил и конфигурации безопасности в Северной Африке; использование миграционного регулирования в отношениях Ливии, Италии и Европейского союза как инструмента политического взаимодействия и взаимного давления. Установлено, что воздействие указанных детерминант проявляется не столько в

непосредственном формировании миграции населения Ливии, сколько в превращении её территории в устойчивое транзитное пространство для перемещения мигрантов из государств Африки к южной границе Европейского союза. Ослабление государственного контроля создаёт возможности для функционирования трансграничных сетей нелегальной перевозки мигрантов, тогда как конкуренция внутренних и внешних политических акторов затрудняет формирование единого механизма контроля над миграционными потоками. В результате центрально-средиземноморский маршрут приобретает значение пространства пересечения миграционных процессов и интересов государств, а способность Ливии контролировать транзит непосредственно влияет на миграционную безопасность Италии и характер её взаимодействия с ливийскими политическими структурами.

4. Обосновано положение о комплексном воздействии миграционных потоков из Ливии на социально-экономическую и политическую динамику Италии в условиях трансформации международной миграционной системы. Показано, что миграция выполняет компенсаторную функцию в условиях демографического спада и дефицита рабочей силы, одновременно усиливая нагрузку на инфраструктуру прибрежных регионов и систему социального обеспечения. Выявлена тенденция неравномерности территориального распределения мигрантов: первичная миграционная нагрузка концентрируется в южных регионах Италии, тогда как возможности их последующей занятости в большей степени сосредоточены в экономически развитых северных провинциях. Установлено, что положение Италии как одного из первых государств ЕС на центрально-средиземноморском маршруте способствует ужесточению национального миграционного регулирования, изменению политической риторики и усилению требований к распределению миграционной нагрузки между государствами — членами ЕС. Представленный подход позволяет раскрыть взаимосвязь социально-экономических последствий миграции с изменением внутриполитических и внешнеполитических приоритетов Италии.

5. Раскрыта специфика трансформации механизмов регулирования миграционных процессов в Италии, выразившаяся в переходе от преимущественно интеграционного подхода к сочетанию национальных ограничительных мер и внешнеполитической экстернализации миграционного контроля. Показано, что после миграционного кризиса 2015–2016 гг. и особенно при правительстве Дж. Мелони ужесточение национального законодательства сопровождается переносом части функций по сдерживанию миграционных потоков за пределы территории Италии. Специфика итальянского подхода состоит в сочетании двустороннего взаимодействия с Ливией, использования механизмов Европейского союза и создания контролируемых Италией процедур рассмотрения миграционных дел за её территориальными пределами. Такой подход не заменяет общеевропейские механизмы, а дополняет их национальными инструментами превентивного ограничения миграции по центрально-средиземноморскому маршруту. Установлено, что его эффективность зависит от устойчивости государственно-политических институтов стран-партнёров и согласованности национальных мер Италии с миграционной политикой Европейского союза.

6. Предложены и обоснованы перспективные направления развития итало-ливийского взаимодействия в сфере регулирования миграционных процессов в условиях трансформации региональной системы международных отношений. К ним отнесены укрепление двусторонних механизмов контроля над центрально-средиземноморским маршрутом, развитие институционального взаимодействия с ливийскими структурами в сфере пограничной безопасности и согласование национальных инициатив Италии с механизмами Европейского союза и ООН. Установлено, что возможности реализации данных направлений определяются институциональной фрагментацией Ливии, состоянием её сектора безопасности и вовлечённостью внешних акторов. Показано, что переход Италии к модели секьюритизации расширяет использование самостоятельных инструментов сдерживания миграционных потоков, однако их результативность зависит от восстановления управленческой способности ливийских институтов и сочетания

двустороннего сотрудничества с многосторонними механизмами. Представленный подход позволяет определить пределы и перспективы относительной автономности Италии в регулировании миграции по центрально-средиземноморскому маршруту.

Область диссертационного исследования соответствует паспорту научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования: п. 2 «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин»; п. 9 «Геополитические факторы и процессы»; п. 15 «Демографические и миграционные процессы в международных отношениях и мировой политике».

Научная новизна исследования определяется разработкой комплексного,системного подхода к анализу геополитизации миграционных процессов на примере итало-ливийского взаимодействия и заключается в следующем.

1. В исследовании концептуализировано понятие геополитизации миграционных процессов применительно к центрально-средиземноморскому региону. Геополитизация миграции раскрыта как процесс включения миграционных потоков в систему международно-политического взаимодействия и перераспределения влияния между акторами.Уточнено понятие международной миграции в контексте его геополитической обусловленности, следствием чего данное явление приобретает цикличный, в ряде случаев спорадический характер.

2. Обосновано положение о колониальном наследии Италии как устойчивом структурном факторе современного итало-ливийского взаимодействия, оказывающем влияние на формирование миграционных маршрутов и характер внешнеполитических стратегий сторон в Средиземноморье.

3. Выявлены причины и тенденции геополитизациимиграционных потоков по центрально-средиземноморскому маршруту (институциональная фрагментация

Ливии, преобразование региональной системы безопасности, вовлечённость внешних акторов, изменение баланса сил в Северной Африке).

4. Установлено, что преобразования миграционной политики Италии сопровождаются переходом от интеграционной модели к модели секьюритизации миграционных потоков, при которой регулирование миграции приобретает функции инструмента внешнеполитической стратегии и обеспечения национальной и региональной безопасности.

5. Раскрыта специфика многоуровневого механизма регулирования миграционных процессов, основанного на сочетании национальных ограничительных мер, двустороннего взаимодействия Италии и Ливии, инструментов экстернализации миграционного контроля, координационных механизмов Европейского союза.

6. Предложены перспективные практико-ориентированные подходы к совершенствованию международно-политических механизмов регулирования миграционных процессов, направленные на повышение эффективности взаимодействия политических акторов в условиях изменения региональной системы безопасности и усиления геополитической конкуренции в Средиземноморье.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении категориального аппарата анализа миграционных процессов в системе международных отношений через призму их геополитизации. В работе конкретизировано содержание понятия «геополитизация миграции» как аналитической категории политической науки и как характеристики современной практики международного взаимодействия, при которой миграционные потоки выступают инструментом давления, перераспределения ответственности и трансформации баланса сил.

Исследование способствует углублению понимания теоретических положений политического реализма, в рамках которого миграция рассматривается как фактор перераспределения ресурсов и влияния, а также социального конструктивизма, акцентирующего роль дискурса и исторической

памяти в формировании внешнеполитических стратегий. Одновременно работа интегрирует положения системного анализа и современных миграционных теорий.

Теоретическая значимость проявляется также в обобщении теоретико-методологических подходов к исследованию взаимосвязи внутренней миграционной политики и внешнеполитического поведения государства. Дополнительное теоретическое значение имеют выводы, касающиеся роли исторической памяти и постколониального наследия в структурировании современных межгосударственных отношений. В совокупности полученные обобщения и выводы расширяют исследовательские подходы к анализу миграции как феномена, находящегося на стыке внешней политики, региональной безопасности и внутренней политической динамики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных выводов и аналитических обобщений в деятельности профильных органов государственной власти Российской Федерации. Материалы диссертации могут быть востребованы в работе Министерства иностранных дел Российской Федерации при выработке подходов к взаимодействию с государствами Средиземноморья и Северной Африки, а также при формировании позиции России по вопросам международного регулирования миграции в рамках ООН и других многосторонних площадок. Для Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных органов, осуществляющих управление миграционными процессами, представляют интерес выводы, касающиеся механизмов фильтрации миграционных потоков, взаимодействия с государствами происхождения и транзита, а также правовых инструментов противодействия нелегальной миграции, транснациональной преступности и смежным угрозам безопасности. Исследование европейского опыта, включая сочетание рестриктивных и интеграционных мер, позволяет оценить их институциональную эффективность.

Результаты работы могут быть использованы при корректировке миграционной стратегии Российской Федерации в части:

– совершенствования внешнего изменения миграционной политики, связанного с заключением двусторонних соглашений о реадмиссии и взаимодействии по линии правоохранительных структур;

– уточнения механизмов распределения ответственности между федеральным и региональным уровнями управления;

– соотнесения мер обеспечения безопасности с задачами социальной адаптации и интеграции иностранных граждан;

– разработки инструментов превентивного реагирования на возможную геополитизацию миграционных потоков в сопредельных регионах.

Практический интерес представляет также анализ взаимосвязи миграционной политики и внутриполитической динамики. Материалы диссертации могут быть использованы в образовательной практике при подготовке специалистов в области международных отношений, регионоведения, политической аналитики и государственного управления, включая разработку специализированных курсов по миграционной дипломатии, региональной безопасности и политике регулирования трансграничной мобильности.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается корректностью исходных методологических принципов, достаточной теоретической и эмпирической базой исследования, апробацией материалов исследования. Основные результаты и содержание исследования прошли научную апробацию в научных статьях в ведущих рецензируемых периодических изданиях рекомендованных ВАК, в статьях в других изданиях общим объемом 1,85 п.л.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. Сорока, А.Ю. Эволюция современной миграционной политики Италии [Текст] / А.Ю. Сорока // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 5 (74). – С. 1686–1693. (0,4 п.л.).

2. Сорока, А.Ю. Вопросы социально-культурной интеграции беженцев в Италии [Текст] / А.Ю. Сорока // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 6 (75). – С. 1970–1975. (0,3 п.л.).

3. Сорока, А.Ю. Проблемы миграции во взаимоотношениях Италии и Ливии: к истории вопроса [Текст] / А.Ю. Сорока // Вестник учёных-международников. – 2023. – № 4 (26). – С. 310–320. (0,6 п.л.).

4. Сорока, А.Ю. Геополитические последствия ливийского фактора в миграционном кризисе Европейского союза [Текст] / А.Ю. Сорока // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 11. – С. 402–405. (0,25 п.л.).

Публикации в иных научных изданиях:

5. Сорока, А.Ю. Геополитические последствия центрально-средиземноморского маршрута для внутриполитической стабильности Италии [Текст] / А.Ю. Сорока // Оригинальные исследования. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 226-232. (0,3 п.л.).

Результаты исследования были также представлены в форме докладов и обсуждены на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня.

Структура работы. Данная диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИКО-ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ЛИВИЕЙ

1.1. Влияние колониального прошлого на современные итало-ливийские отношения

Феномен колониализма остается одним из основных объяснительных конструктов при изучении системы современных международных отношений. Несмотря на формальное завершение эпохи метрополий, структуры, созданные в колониальный период, продолжают оказывать воздействие на политические, экономические и социокультурные связи между государствами. Колониальные практики определили не только территориальные границы и систему политического управления, но и способы восприятия партнеров в международной среде. Это задает специфику современным отношениям между бывшими метрополиями и колониями, в рамках которой историческая асимметрия воспроизводится в новых формах зависимости.

В политической науке исследование этой проблематики получило развитие в нескольких направлениях. В рамках постколониальной теории (Э. Саид[42], Г. Спивак[43], Х. Бхабха[44]) внимание сосредоточено на воспроизводстве колониальных иерархий через политический дискурс и символические практики, включая язык дипломатии, международные договоры и модели помощи. Представители структуралистских школ международных отношений (И. Валлерстайн[45], С. Амин[46]) анализируют колониальное наследие, как основу неравномерного развития мировой системы, где бывшие метрополии сохраняют

---

[42] Саид Э. В. Ориентализм / пер. с англ. А. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 424 с.

[43] Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Urbana: UniversityofIllinoisPress, 1988. P. 271–313.

[44] БхабхаХ. К. Нацияинарратив. Культура, идентичность, литературная теория / пер. с англ. С. Малахова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 608 с.

[45] Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: УниверситетДмитрияПожарского, 2015. 552 с.

[46] Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976. 367 p.

контроль над периферийными пространствами через экономические и институциональные механизмы. В русле неореалистических и геополитических подходов (Н. Спайкмен[47], З. Бжезинский[48], Ж. Аттали[49]) колониальное прошлое рассматривается как источник устойчивых зон влияния, где прежние имперские центры продолжают бороться за контроль над ресурсами и коммуникациями. По мнению А.Г. Лихоносова, Н.А. Васецкого и Ю.Ф. Пивоварова, «устойчивость политических систем достигается усилением связи или увеличением количества связей»[50].

Для итало-ливийских отношений колониализм также выступает в качестве специфического фактора. Италия стала одной из последних европейских держав-участниковколониальной гонки. Она стремилась компенсировать свою позднюю модернизацию через территориальную экспансию в регион Северной Африк. Именно Ливия стала фактором формирования итальянской имперской идентичности.

Анализ колониального наследия в системе итало-ливийских связей следует рассматривать как способ выявления долговременных факторов геополитической взаимозависимости. Акцент смещается на выявление механизмов преемственности между колониальной системой управления и современными формами взаимодействия Италии и Ливии, проявляющимися в регулировании миграционных потоков, экономическом сотрудничестве и распределении политического влияния в регионе Средиземноморья.

Научная задача раздела заключается в определении роли колониального опыта как системообразующего элемента в формировании политических и территориальных основ ливийской государственности и в объяснении того, каким образом этот опыт продолжает воздействовать на современную

---

[47] Spykman N. J. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. 170 p.

[48]Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. А. Утина. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.

[49]Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / пер. с франц. Ю. М. Колкер. М.: Международные отношения, 1993. 350 с.

[50] Лихоносов А.Г., Васецкий Н.А., Пивоваров Ю.Ф. Применение системной методологии для исследования политических процессов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 5. С. 24.

внешнеполитическую стратегию Италии и на ее подход к проблеме миграции из Северной Африки.

Ливийское государственное пространство приобрело современные очертания в эпоху итальянского господства, когда колониальная администрация создала систему административных границ, позднее превратившуюся в основу национальной территории. Тогда же была определена конфигурация будущего государства, которое, пройдя через этап деколонизации, сохранило территориальную форму, восходящую к первой половине XX века.

Несмотря на смену политических режимов и геополитические преобразования в регионе, Ливия продолжает существовать в колониальных границах. Единственным внешнеполитическим конфликтом в эпоху суверенитета стал спор с Чадом в 1970–1980-х гг., возникший на почве проблем колониальной демаркации границ и связанных с ними территориальных притязаний[51].

В двадцатые и тридцатые годы, на фоне затухающей политики «умиротворения» и поиска новых союзов, Рим сделал ставку на экспансию: колониальные проекты воспринимались не как периферийная политика, а как продолжение борьбы за место в системе великих держав. Именно тогда Италия попыталась утвердить собственное геополитическое присутствие в Северной Африке, превратив ливийское направление в главный инструмент укрепления своего международного статуса.

Итальянские действия по расширению колониальных владений, главным образом в пределах Ливии, подчинялись стратегической установке на укрепление африканской империи. В этом курсе приоритет отдавался продвижению на юго-восток, в направлении Эфиопии, где Рим стремился утвердить своё влияние как фактор регионального равновесия и символ возрождения имперского статуса.

Следует отметить, что формирование ливийских границ в гораздо большей степени определялось расстановкой сил между европейскими державами, нежели потребностями местного населения. Взаимные противоречия Италии, Франции, Великобритании и Германии оказывали непосредственное воздействие на

[51]El-Khazen F. The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976. BloomsburyPublishing, 2020.P. 128–167.

очертания будущего ливийского государства, превращая регион в арену соперничества за влияние в Северной Африке. Процесс демаркации границ имел истоки ещё в период османского владычества, когда территориальное устройство зависело от административных решений Стамбула и не обладало устойчивыми географическими ориентирами.

До итальянской экспансии ливийские земли оставались периферией Османской империи, где управление осуществлялось через Триполитанский вилайет и Киренаикскую мутасаррифи́ю, подчинённую непосредственно центральным властям[52]. Однако чёткие внешние границы между этими областями отсутствовали. Южные регионы представляли собой обширное пустынное пространство, заселённое кочевыми и полукочевыми племенами арабов, берберов и туарегов.

Формальная власть султана здесь ограничивалась символическим признанием его верховенства: политические и правовые институты Османской Порты практически не функционировали. Для ослабленной империи Ливия не являлась стратегическим приоритетом, поэтому меры по её административному устройству и обороне носили эпизодический характер. В результате именно европейские державы, а не местные сообщества, определяли дальнейшую судьбу территории, что делает пример Ливии показательным для понимания практик колониального разграничения[53].

В доколониальный период территориальное положение Ливии постепенно определялось под воздействием внешних сил, прежде всего Франции и Великобритании, чьи колониальные администрации в сопредельных регионах — Тунисе, Алжире, Нигере, Чаде, Судане и Египте — предпринимали самостоятельные шаги по установлению пограничных линий. Эти действия носили односторонний характер и лишь частично согласовывались с османскими властями.

---

[52]Коробов С. А. Трансформация общественной идеологии в Италии под влиянием колониальной политики в период итальянско-турецкой войны 1911–1912 гг. // Клио. 2020. № 2(158). С. 33.
[53]Видясова М. Ф. Ливия. Куда идет страна 140 племен? М.: ООО «Садра», 2019. С. 19.

Формирование южных пределов будущей Ливии во многом определялось дипломатическими соглашениями, заключёнными ещё до установления итальянского господства. Особое место среди них занимает англо-французский договор 1898 года[54], дополненный соглашением следующего года. Первоначально он имел целью урегулировать затянувшееся соперничество Лондона и Парижа в обширном пространстве между бассейнами Нила и Нигера, положив конец Фашодскому кризису и установив чёткие ориентиры раздела сфер влияния в Центральной Африке.

Однако последствия этого акта вышли далеко за пределы первоначального замысла. Определяя зоны британского и французского контроля, стороны фактически провели линию, ставшую предельной границей распространения власти Османской империи на юге ливийских владений.

Условная демаркация, обозначенная на картах без точных координат и без последующей фиксации на местности, проходила от пересечения шестнадцатого меридиана по Гринвичу с Тропиком Козерога и далее к востоку, до двадцать четвёртого меридиана. Эта схема, не будучи юридически оформленной, тем не менее задала вектор будущего разграничения, оказав долговременное влияние на географическую конфигурацию Ливии в колониальный и послеколониальный периоды.

Это создавало основу для последующих территориальных споров.

Более точное разграничение наблюдалось лишь в прибрежных районах, где сосредоточивались основные экономические интересы колониальных держав. Однако амбиции Лондона и Парижа выходили далеко за пределы существующих владений. Пограничные города Гадамес и Тобрук рассматривались ими как потенциальные направления дальнейшего продвижения. При этом итальянские притязания на ливийские земли уже воспринимались в европейских столицах как легитимный элемент международной политики, который следовало учитывать в дипломатических расчетах и будущих соглашениях.

---

[54]Anglo-French Convention of 1898. Declaration between the United Kingdom and France supplementing the Agreement of 1898 (1899) // British and Foreign State Papers. 1898–1899 / Compiled by the Librarian and Keeper of the Papers of the Foreign Office. London: Her Majesty’s Stationery Office, 1903. Vol. 91. P. 8–11.

Показательным примером закрепления баланса интересов европейских держав в Северной Африке стало франко-итальянское соглашение 1902 года[55], заключённое в период премьерства Д. Дзанарделли. Этот документ отражал взаимное признание Францией и Италией стратегических приоритетов друг друга: Париж соглашался с особым значением Ливии для Рима, тогда как Италия подтверждала законность французских притязаний в Марокко. По свидетельству французского посла в Риме, средиземноморское направление воспринималось итальянским правительством как «краеугольный камень» национальной внешней политики, и потому урегулирование отношений с Францией имело для него принципиальное значение.

Подобные соглашения, затрагивавшие территории формально независимых государств — Османской империи и Марокко, — соответствовали практике времени, когда колониальные сделки между великими державами воспринимались как естественный элемент международных отношений. В тексте соглашения Италия также подтвердила признание границы, установленной франко-британским актом от 21 марта 1899 года, что фактически означало принятие существующего распределения сфер влияния в Северной Африке. Однако одновременно Рим открыто выражал недовольство расширением позиций своих соперников на османских землях, видя в этом угрозу собственным имперским амбициям.

Развитие этих противоречий привело к вооружённой фазе: в сентябре 1911 года Италия объявила войну Османской империи. Уже к осени 1912 года сопротивление турецких войск было сломлено, что ознаменовало окончательное установление итальянского господства и начало нового, колониального этапа в истории Ливии[56].

---

[55] The 1902 Barrère-Prinetti Treaty (secret exchange of letters between France and Italy) // Case concerning the Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom). Memorial of the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. 26 Aug. 1991. United Nations International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/node/104198 (датаобращения: 10.10.2025).

[56] Исламская Ливия (XIX–XX века) / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб. М.: Ин-твостоковеденияРАН, 2019. С. 54.

Установление итальянского контроля над Ливией после войны 1911–1912 гг. не привело к немедленному формированию устойчивой системы колониального управления. На протяжении последующих десятилетий итальянское присутствие сочетало военное подавление сопротивления с постепенным административным и экономическим освоением территории. Различия между Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, сохранение племенных и региональных связей, а также неодинаковая степень фактического контроля первоначально препятствовали унификации колониального пространства.

С усилением фашистского режима политика Италии приобрела более централизованный характер. Военное подавление сопротивления сопровождалось административным объединением территорий, развитием транспортной инфраструктуры, переселением итальянского населения и включением Ливии в хозяйственную систему метрополии. В 1934 г. Триполитания и Киренаика были объединены в колонию Ливия, что закрепило переход от преимущественно военно-территориального контроля к институциональному оформлению итальянского присутствия.

Для последующего развития итало-ливийских отношений принципиальное значение имели три последствия колониального периода. Во-первых, административное объединение неоднородных территорий закрепило государственные границы, внутри которых сохранялись выраженные региональные различия. Во-вторых, экономическое и инфраструктурное освоение сформировало устойчивую ориентацию Ливии на северное, средиземноморское направление связей. В-третьих, колониальное управление создало асимметричную модель отношений Италии и Ливии, основанную на сочетании экономической заинтересованности Рима с его стремлением воздействовать на процессы, непосредственно затрагивающие безопасность южного Средиземноморья.

Поэтому колониальный период имеет значение для настоящего исследования не как самостоятельный этап политической истории Ливии, а как источник ряда устойчивых характеристик последующего двустороннего

взаимодействия. После получения Ливией независимости прямой контроль исчез, однако географическая близость, сформированные экономические связи и исторически сложившаяся асимметрия интересов сохранили особое положение Ливии во внешней политике Италии.

Италия сумела закрепить свои позиции в Северной Африке преимущественно политико-дипломатическими средствами, не вступая в прямое противостояние с другими европейскими державами. Таким образом, формирование границ Ливии происходило мирным, по европейским меркам путём, но в то же время сопровождалось усилением колониальной зависимости и включением территории в орбиту имперской экспансии Италии[57].

При анализе миграционных процессов принципиально важно учитывать территориальное происхождение потоков населения, направляющихся из Ливии в Италию и далее в государства Европейского союза.

Формальный характер колониальные границы Ливии получили в 1910 году, когда было заключено турецко-французское соглашение[58] Оно установило линию разграничения между Тунисом и османскими владениями – линия тянулась от побережья в районе Рас-Аджедира до точки пересечения границ Ливии, Алжира и Туниса.Отсутствие границ ранее позволяло Италии интерпретировать территориальные вопросы в собственных интересах.

Период Первой мировой войны стал для Италии временем активного внешнеполитического маневрирования между двумя противостоящими блоками — Антантой и Центральными державами. 29 сентября 1911 года Италия объявила войну Османской империи. В течение октября итальянские войска захватили Триполи, Тобрук, Хомс и некоторые другие города.

Рим сумел добиться от союзников признания своих колониальных интересов и расширения возможностей на африканском направлении. После

---

[57] Юсифзаде А. М. Итальянская агрессия в Северной Африке // Вопросы истории. 2024. № 2. С. 167.

[58] Convention between France and Turkey relative to the frontier between the Regency of Tunis and the Vilayet of Tripoli (19 May 1910) // International Boundary Study No. 121: Libya–Tunisia Boundary. 7 April 1972. URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs121.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

перехода Италии на сторону Антанты условия Лондонского договора 1915 года[59]: в случае победы Великобритания и Франция гарантировали Риму территориальные компенсации за отсутствие германских колониальных приобретений. Даже после подписания мирного договора с Османской империей, включавшего двусмысленные формулировки о статусе Ливии.

Однако уже к концу 1912 года на её территории фактически утвердился итальянский протекторат. Первые шаги новой администрации были направлены преимущественно на организацию управления и укрепление позиций метрополии, тогда как вопрос окончательной демаркации границ временно оставался второстепенным.

Османская империя формально сохранила свою власть в Триполитании, но на этой территории оставлялись итальянские войска. Практически сразу же вспыхнуло восстание ливийцев под руководством шейха ордена сенуситов Омара Мухтара, против итальянских колониальных войск. К 1915 году итальянцы фактически контролировали только порты на севере Ливии. В 1917 году восстание закончилось заключением соглашений между итальянцами и повстанцами.

25 октября 1920 года правительство Италии признало шейха Сиди Идриса, главу сенусийя, имевшему огромное влияние в Куфре и других оазисов, эмиром Киренаики. С 1922 года, после прихода фашистов к власти в Италии, Идрис находился в Египте и использовал Египет как базу для партизанского движения, ставившего целью независимость Ливии.

Франко-итальянское соглашение 1919 года[60] стало первым двусторонним соглашением, закрепившим западные и южные рубежи колониальной Ливии. Линия границы проходила от Гата — точки пересечения владений Ливии, Туниса и Алжира — до Туммо по горному хребту. Транспортные коридоры оставались

---

[59] Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy, signed at London 26 April 1915 (Treaty of London 1915) // The Treaty of London (1915) [PDF] Сент-Томас University: Dept. of World History. URL: https://wp.stu.ca/worldhistory/wp-content/uploads/sites/4/2015/08/The-Treaty-of-London.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

[60] France-Libya: Agreement of 19 September 1919 (Franco-Italian Arrangement) // No. 4340. Franco Libye. United Nations Treaty Series 1958, vol. 202, p. 154–158. URL: http://www.worldlii.org/int/other/treaties/UNTSer/1958/202.pdf (датаобращения: 20.10.2025).

под контролем Италии. Далее граница тянулась до места соединения территорий Ливии, Нигера и Чада. Однако фактическая демаркация на местности в тот период не проводилась, и линия оставалась условной.

Лишь в 1955 году, после провозглашения независимости Ливии, франко-ливийский договор окончательно подтвердил границы с Алжиром и Нигером[61]. Демаркация новой линии границы проводилась в сложных природных условиях пустынной зоны и осуществлялась совместными усилиями представителей Италии, Египта и Великобритании. Итогом этих работ стало уточнение южного контура ливийской территории: граница была сдвинута дальше, вглубь Сахары, и в состав итальянских владений вошёл Саррский треугольник — регион, ранее относившийся к спорным приграничным землям.

Определение восточного рубежа состоялось в 1925 году на основании итальянско-египетского соглашения от 6 декабря[62]. До заключения этого соглашения 1925 года ориентиром для определения восточной границы служил фирман султана, дарованный египетскому паше 13 февраля 1841 года. В нём граница лишь приблизительно обозначалась в районе залива Канаис, значительно восточнее нынешнего Соллума.

Подписанный в 1925 году договор зафиксировал новое положение рубежа, приведя его к современному виду. На практике это означало согласование линии между Италией и Великобританией, под властью которой тогда находился Египет, и окончательное юридическое закрепление восточной границы ливийских колониальных владений.

Таким образом, совокупность рассмотренных соглашений сформировала территориальные пределы Ливии, сохраняющиеся до настоящего времени. При

---

[61]Treaty of Friendship and Good-Neighbourliness between the French Republic and the United Kingdom of Libya (10 August 1955) // United Nations Treaty Series, vol. 1596, p. 37-55. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0190.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

[62] Italian-Egyptian Agreement on the Western Land Borders of Egypt (6 December 1925) // International Boundary Study No. 61: Libya – Egypt (United Arab Republic) Boundary. United States Department of State, Office of the Geographer.URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs061.pdf (датаобращения: 20.10.2025).

этом процесс окончательного закрепления её границ продолжался и в последующие десятилетия.

В 1935 году было заключено соглашение «Лаваля — Муссолини»[63], которое впоследствии оказало значительное влияние на политическое положение уже независимой Ливии. Италию во французских дипломатических кругах рассматривали как ревизионистскую силу. Итальянское правительство было способно при определённых обстоятельствах образовать союз с Германией – прямая угроза безопасности Франции одновременно на северном исредиземноморском направлениях.

П. Лаваль в январе 1935 года отправился в Рим, чтобы договориться с Б. Муссолини и нейтрализовать риски. Переговоры длились несколько дней и охватывали широкий спектр вопросов — от европейской безопасности до африканских территориальных претензий. Из восьми подписанных документов в печать попали лишь четыре. Вопрос ливийской границы не был центральным в переговорах, однако именно он стал одним из инструментов дипломатического торга, позволив Б. Муссолини закрепить за собой дополнительные аргументы в будущих африканских экспансионистских планах[64].

Ключевым итогом переговоров для Б. Муссолини стало неформальное заявление П. Лаваля о «незаинтересованности» Франции в эфиопских делах. До этого именно Париж поддерживал наиболее устойчивые и доброжелательные отношения с Эфиопией среди всех европейских держав, выступая, в отличие от Италии, в роли умеренного партнёра и, в отличие от Великобритании, избегая прямой конфронтации.

Принятая П. Лавалем линия поведения фактически означала отказ Франции от противодействия итальянской экспансии и заметно изменила расстановку политических сил в Европе. После этого вероятность того, что Великобритания решится в одиночку противостоять Риму, стала минимальной. При этом

---

[63] Accords Franco-Italiens signés à Rome le 7 janvier 1935 (“Accords Laval-Mussolini”) // Documents diplomatiques français. 1932–1939. 1er janvier 31 mars 1935. Paris: Ministère des Affaires étrangères; Imprimerie Nationale, 1982. P. 253–261. URL: https://djibouti.frontafrique.org/?doc117 (датаобращения: 23.10.2025).

[64] Vandewalle D. J.A History of Modern Libya. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 2006. P. 65.

продвижение Италии на юг, к ливийско-суданскому и чадскому пограничью, имело не только символический, но и стратегический характер: захват Саррского треугольника и полосы Аузу приближал итальянские владения к Эфиопии, создавая для Б.Муссолини плацдарм для последующей агрессии на африканском континенте.

Согласно соглашению «Лаваля – Муссолини», Париж обязался уступить Италии полосу Аузу шириной около ста километров, входившую в состав Французской Экваториальной Африки (ныне — территория Чада), а также незначительный участок в районе Джибути, формально исполняя прежние обязательства по Лондонскому договору 1915 года. Однако этот акт так и не был ратифицирован: итальянская сторона заявила, что полученные земли не компенсируют масштаб потерь и финансовых издержек, понесённых в годы Первой мировой войны, и тем самым поставила под сомнение сам смысл соглашения.

В конечном итоге документ остался нереализованным: эпоха, когда европейские державы произвольно проводили линии на карте Африки, уже подходила к концу. К моменту вторжения Италии Эфиопия являлась признанным участником международных отношений, имела дипломатические представительства в Европе и заключала межгосударственные договоры, что делало прежние колониальные методы политического давления невозможными.

Итальянско-эфиопский договор о дружбе и сотрудничестве, заключённый в 1925 году[65], отражал попытку обеих стран выстроить отношения в рамках Лиги Наций и зафиксировать взаимное признание суверенитета. Однако уже спустя десятилетие, с началом итальянского вторжения в Эфиопию, этот документ утратил практическое значение.

Политика умиротворения, которой до того придерживались Лондон и Париж, столкнулась с очевидным пределом: поддержка экспансионистских шагов Б. Муссолини против независимого члена международного сообщества вызывала

[65] Treaty of Friendship and Commerce between Italy and Ethiopia (2 May 1925) // Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1935, Volume I: Near East and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1935. P. 764. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1935v01/d634 (датаобращения: 15.10.2025).

протест общественности и противоречила духу послевоенного международного права. Под давлением общественного мнения и опасений утраты морального авторитета правительства Великобритании и Франции отказались от прежней линии уступок. В итоге соглашение «Лаваля – Муссолини» не было реализовано, оставшись на уровне дипломатического жеста, утратившего политическую актуальность уже в момент подписания.

Это не остановило итальянское руководство в его экспансионистских устремлениях межвоенного периода. Б. Муссолини, опираясь на опыт лавирования между противоборствующими блоками времён Первой мировой войны, продолжал использовать тактику политических уступок и давления, стремясь получить территориальные преимущества в Африке. В частности, в письме генерал-губернатора Ливии И. Бальбо в Министерство Итальянской Африки от 30 декабря 1938 г. отмечено, что суверенитет Италии на территориях, которые попадали под соглашение «Лаваля–Муссолини», «-должен быть активнее, чем когда-либо подтвержден в защиту наших заранее возникших ливийских прав...»[66].

В середине 1930-х годов итальянская администрация активизировала деятельность в южных районах Ливии, направляя туда географические экспедиции под охраной военных подразделений. Эти миссии имели двойной характер: под прикрытием научных исследований проводилась фактическая демонстрация присутствия Италии в приграничных регионах, которые оставались предметом неурегулированных споров. Подобная практика служила инструментом закрепления символического контроля над пространством и подготовки аргументов для будущих территориальных притязаний. После вступления Италии во Вторую мировую войну эта линия получила продолжение в рамках амбициозного, но обречённого на провал проекта создания «новой Римской империи» в Африке.

---

[66]Lettera del Governatore Generale della Libia I. Balbo al Ministero dell'Africa Italiana. 30 dic. 1938. URL: https://acs.cultura.gov.it/ (датаобращения: 23.10.2025).

К тому моменту административные границы Итальянской Ливии уже приобрели устойчивую конфигурацию, ставшую прототипом будущих государственных рубежей и одновременно источником долговременных противоречий в отношениях с южными соседями. Они базировались на прежних административных линиях, восходящих к османскому периоду, но при этом отражали политические реалии Европы межвоенного времени. Нарастающие требования Б. Муссолини усиливали курс на «умиротворение» Италии, проводимый Лондоном и Парижем. Однако уступки, выражавшиеся в мелких территориальных компромиссах, не удовлетворили итальянские амбиции. Тем не менее именно эта политика, достигшая апогея в 1934 году, привела к окончательному закреплению границ, близких к современным.

Параллельно с оформлением западных и южных границ Италия приступила к демаркации границ между её колониальными владениями и англо-египетским Суданом. Ранее Киренаика входила в состав османских провинций, а Египет и Судан признавали сюзеренитет султана. После создания англо-египетского кондоминиума в 1898 году новая административная линия фактически стала продолжением египетско-суданской границы, образовав южный выступ — Саррский треугольник — территорию Судана.В соответствии с англо-французским соглашением от 21 марта 1899 года южной границей региона считалась линия между Суданом и Французской Экваториальной Африкой (нынешнего Чада). Италия настаивала на том, что имеет легитимные основания претендовать на Саррский треугольник.

Этот территориальный спор оставался неурегулированным до 1934 года. Лишь тогда Рим, Лондон и Каир подписали новое соглашение как компромисс по вопросу разграничения владений.Участие Египта под протекцией Великобритании носило формальный характер[67].

К середине 1930-х гг. сформировался территориальный облик Ливии в современном ее виде. Историография итальянского колониализма в Ливии

[67] United States. Library of Congress.Chad–Sudan Boundary — IBS 15. Washington D.C.: Congressional Research Service, 15 June 1962. URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs015.pdf (датаобращения: 24.10.2025).

формировалась в условиях противоречия между апологетическим и критическим направлениями. В послевоенные десятилетия в Италии преобладала тенденция минимизации масштабов колониальных репрессий и акцентирования «цивилизационной миссии». Этот подход получил отражение в работах, вышедших под эгидой Министерства итальянской Африки и позднее – в официальных изданиях периода 1950–1970-х гг. В них утверждалось, что итальянское присутствие способствовало модернизации инфраструктуры, введению административных институтов и формированию национального самосознания ливийцев.

Рубежное значение имели исследования А. Дель Бокка, который одним из первых подверг системной ревизии миф о «мягком колониализме». В его трудах[68] колониальный проект предстает как инструмент насильственного включения Ливии в структуру метрополии. Дель Бокка показывает, что логика «покровительства и опеки» служила идеологическим прикрытием для массовых депортаций, концентрационных лагерей и разрушения традиционного уклада.

По мнению диссертанта, с такой интерпретацией можно согласиться, поскольку она демонстрирует, что колониальное господство не ограничивалось военной экспансией, а носило комплексный характер, охватывая социальные и культурные механизмы подчинения.

В то же время в итальянской академической среде конца XX в. появились попытки переосмысления колониального опыта через призму взаимных заимствований и культурного обмена. Представители этого направления – Л. Дженнари[69] и ряд исследователей «новой исторической школы» – стремились показать, что колониальная политика не была однородной: административная система Киренаики и Триполитании различалась по методам управления, уровню включенности местных элит и интенсивности насилия.

Следует признать факт внутренней неоднородности итальянского колониального управления, однако его трактовка как «опыта взаимной

---

[68] ДельБокаА. ИтальянцывЛивии: отфашизмадоКаддафи / пер. сител. Е. И. Петровой. СПб: Изд-во «Европейскийдом», 2012. 448 с.

[69] Gennari L. The Italian American Manuscript.Rome: Carocci, 2017. 312 с.

адаптации» недостаточно учитывает структурное неравенство, заложенное в самой модели колониальных отношений.

Ливийская историография, напротив, выстраивалась на основе национально-освободительной парадигмы. В работах ливийских историков 1960–1990-х гг. – А.А. Ахмида[70], Х. Тиллиси[71] и других – колониальный период рассматривается как эпоха насильственного разрыва исторической преемственности и разрушения традиционных институтов. Ливийские авторы последовательно подчеркивают преемственность антиколониального сопротивления и современного национального движения. В этих трудах отсутствует интерес к экономическим и институциональным последствиям итальянского присутствия, что объясняется политическими установками эпохи Джамахирии.

В международной историографии конца XX – начала XXI вв. наблюдается переход к междисциплинарному анализу колониального наследия. Работы Р.М. Пола[72] интерпретируют итальянскую экспансию, как часть процесса европейской конкуренции за ресурсы Средиземноморья. Их исследования демонстрируют, что границы и институты, созданные колониальными державами, продолжают воспроизводиться в виде современных форм зависимости – энергетической, военной и миграционной. Эта линия анализа позволяет проследить историческую преемственность между колониальной системой пространственного контроля и современными механизмами геополитического влияния.

Компаративный анализ трех направлений историографии позволяет сделать вывод о том, что колониальный опыт Италии и Ливии выступает фактором современной геополитической реальности, в рамках которой бывшая метрополия сохраняет влияние посредством использования широкого арсенала

---

[70] Ahmida A.A. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. New York: Routledge, 2010. 124 p.
[71] Tillisi K.M. Mu'jam Ma'arik al Jihad fi Libia: 1911–31. Tripoli: Arabic Book House, 1972. 560 p.(in Arabic).
[72] Paul R. M. Reflex Actions: Colonialism, Corruption and the Politics of Technocracy in the Early Twentieth-Century United States // Challenging US Foreign Policy: America and the World in the Long Twentieth Century / ed. by B. Sewell, S. Lucas. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 183-200.

экономических и гуманитарных инструментов. Это позволяет интерпретировать колониализм как форму долговременного взаимодействия. Именно в этой трактовкеможет быть раскрыта исследовательская перспектива для анализа дальнейшей геополитизации миграционных процессов в Средиземноморье.

Память о римском присутствии в Африке – элемент итальянской национальной мифологии восстановления «исторической справедливости» и возвращения к цивилизационной миссии античного Рима[73]. После утраты империи эта риторика не исчезла, ведь Северная Африка стала рассматриваться как зона законного влияния Италии[74].

Такие интерпретациообосновали современные подходы Италии к региональной политике второй половины XX века. Концессии 1930-х гг. лишь закрепили за Италией статус привилегированного партнера–основу представлений о «традиционной» взаимной связанности Рима и Триполи[75]. В результате колониальный архетип «патрона и клиента» начала XX века был институционализирован в рамках современной экономической и миграционной дипломатии[76].

Формирование итальянских интересов в Ливии происходило в условиях завершения колониального раздела Северной Африки европейскими державами. Англо-французские соглашения конца XIX в. закрепили основные сферы влияния Великобритании и Франции и тем самым определили внешнеполитические пределы дальнейшей колониальной экспансии в регионе. Для Италии принципиальное значение имело достижение договорённостей с Францией: по соглашению 1902 г. Рим признал французские интересы в Марокко, тогда как Париж фактически согласился с итальянскими притязаниями на Триполитанию.В результате к началу XX в. сформировалась конфигурация интересов европейских

---

[73]Gentile E. La Grande Italia. The Myth of the Nation in the Twentieth Century. Madison: University of Wisconsin Press, 2009. P. 87–112; Bosworth R. J. B. Mussolini’s Italy: Life under the Fascist Dictatorship, 1915–1945. London: Penguin, 2006. P. 212–235.

[74]Del Boca A. Gli italiani in Libia.Dal fascismo a Gheddafi. Roma–Bari: Laterza, 1997. P. 45–78.

[75] Duggan C. The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796. London: Allen Lane, 2007. P. 541–548; Varsori A. L’Italia nelle relazioni internazionali dal 1943 al 1992. Roma: Carocci, 1998. P. 163–170.

[76] Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 12–29.

держав, благоприятствовавшая итальянской экспансии в Ливии. В исследуемом аспекте значение этих договорённостей определяется не столько установленными ими территориальными разграничениями, сколько международно-политическим закреплением Ливии в качестве пространства преимущественного итальянского влияния. Именно на этом этапе возникла исходная асимметрия итало-ливийских отношений, впоследствии трансформировавшаяся из прямого территориального контроля в экономические, политические и институциональные формы воздействия.

Подводя итоги, отметим, что формирование колониальных границ и институтов управления создало основу для будущих территориальных и политических противоречий в Ливии. Структура власти, выстроенная в колониальный период, оказалась приспособленной к централизованному контролю и не обеспечивала устойчивого механизма внутренней интеграции. Пространственная организация усилила региональные различия между Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, превратив территорию страны в арену соперничества местных группировок и внешних акторов. Этот тип зависимости, сформированный в эпоху итальянского владычества, сохраняется в измененной форме – через политическое влияние, экономическое присутствие и миграционные каналы, связывающие Северную Африку и Европу. Колониальная логика пространственного доминирования превратила Ливию в элемент средиземноморской периферии, чья стабильность во многом определяется интересами бывшей метрополии.

1.2. Внутри и внешнеполитические факторы активизации миграционных процессов в условиях постколониального развития ливийской государственности

Политическая эволюция Ливии после Второй мировой войны неразрывно связана с трансформацией миграционных потоков, которые с первых лет независимости становились инструментом внешнеполитического влияния и

индикатором внутренней нестабильности. Особенности постколониального развития ливийской государственности определялись сочетанием внутренней фрагментированности и устойчивого воздействия внешних акторов – прежде всего бывших метрополий и западных союзников, сохранявших экономическое и военное присутствие в регионе.

Становление институтов власти происходило под влиянием решений международных структур и геополитических компромиссов, что предопределило зависимый характер политического курса и ограниченные возможности для самостоятельного регулирования демографических и миграционных процессов.

На раннем этапе независимости миграция выступала элементом внешнего давления, обнажающим противоречия между экономическими интересами западных стран и стремлением Ливии к суверенному развитию[77]. В послевоенный период Ливия фактически существовала в режиме внешнего протектората. Такое положение исключало возможность самостоятельного формирования системы государственного управления и контроля над территорией, что впоследствии стало одним из факторов уязвимости границ и слабости миграционной политики.

Внешнее регулирование процесса признания независимости фактически сформировало модель «гибридного суверенитета», при которой формальная независимость сочеталась с институциональной опекой со стороны Великобритании, Франции и США. Подобная система предопределила зависимость страны от внешних экономических и политических центров и закрепила неравновесие между внутренними и внешними интересами. Именно в этот период складываются предпосылки будущих миграционных кризисов: отсутствие эффективных административных механизмов, диспропорции в региональном развитии и ориентация на внешнюю помощь формировали ситуацию, при которой контроль над перемещением населения оставался эпизодическим и неструктурированным.

---

[77] Ahmida A. A. The Making of Modern Libya: State Formation, Colonization and Resistance, 1830–1932. Albany: SUNY Press, 1994. P. 101–146.

После окончания Второй мировой войны, 10 февраля 1947 года[78], в Париже был подписан мирный договор между союзниками (США, СССР, Великобританией, Францией, Польшей, Югославией, Грецией, Чехословакией) и побежденными государствами. Он также санкционировал отказ Италии от своих прав на территории бывшей империи, однако, не определив будущее дофашистских колоний Ливии, Эритреи и Сомали. Тем временем Ливия была оккупирована Францией и Соединенным Королевством с 1943 года с намерением последнего добиться последующего разделения: Феццана – французам, а Киренаики и Триполитании – англичанам.

Намерением правительства Де Гаспери, которое нашло консенсус большинства, и оппозиции, было вместо этого рассмотреть колониальный вопрос, не определенный договором 1947 года. Позиция Италии с политической точки зрения была ясна: дофашистские владения, признанные в прошлом великими державами, были приобретены либеральной Италией и поэтому должны были быть исключены из карательной логики мирного договора.

В действительности Де Гаспери и министр иностранных дел К. Сфорца осознавали, что получить полный суверенитет над тремя колониями будет невозможно, но надеялись добиться контроля над ними под протекцией, в том числе, за счет положительной отдачи от внутренней политики. Однако англичане выступили против итальянского присутствия в Африке и, чтобы избежать возможного принятия просьб Италии о пересмотре колониального вопроса, препятствовали участию Италии в Атлантическом пакте и в Совете Европы.

Впоследствии, по случаю подписания статуса Совета Европы 5 мая 1949 года, было достигнуто первое соглашение о колониях между Лондоном и Римом[79]. Благодаря компромиссу, подписанному между главой МИД Э. Бевином и министром иностранных дел К. Сфорца, Лондон выступил за возвращение Сомали Италии, а в отношении Ливии было принято решение - разделить Ливию

---

[78]Treaty of Peace with Italy.Signed at Paris, 10 February 1947. United Nations Treaty Series, Vol. 49. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%2049/v49.pdf (датаобращения: 24.10.2025).

[79]Bevin–Sforza agreement (London, 10 May 1949). «The United States and the United Nations Organization: The Bevin-Sforza formula for the disposition of the Italian colonies». Foreign Relations of the United States, 1949, vol. IV, p. 560. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d313 (датаобращения: 24.10.2025).

на три части, которые будут переданы под протекторат: Киренаика – Соединенному Королевству, Феццан – Франции и Триполитания – Италии, начиная с 1951 года. Судан должен был включить Эритрею, за исключением Асмэры и Массауа, для которых необходим особый статус для защиты итальянских общин.

Компромиссное соглашение «Бевина–Сфорца» было отправлено в Генеральную Ассамблею ООН, где оно было отклонено одним голосом. Итальянцы были разочарованы, и тогда Де Гаспери, чтобы создать трудности для Франции и Англии, заявил о своей готовности предоставить полную независимость Ливии и другим бывшим колониям. 21 ноября 1949 года Генеральная Ассамблея ООН, учитывая трудности с отнесением Ливии к одной из держав-победительниц, установила[80], что она станет независимым государством, и назначила комиссаром голландца А. Пелта. Это было единственное практическое решение для включения Ливии в западную систему обороны в Средиземноморье, не ставя под угрозу недавно созданный международный баланс.

Тем временем англичане, которым было поручено управление Триполитанией и Киренаикой, начали работать над проектом объединения Ливии под суверенитетом эмира С. Идриса, признанного главы Сенуссии, с которым они координировали формирование первого федерального правительства,вступившего в должность 29 марта 1951 года.

Независимость Соединенного Королевства Ливии, которому одновременно были переданы полномочия Великобритании и Франции, была провозглашена 24 декабря 1951 года. Корона была возложена на взошедшего на престол И. Сенусси с именем Идриса I Ливийского. Новое Королевство имело федеративную структуру, состоящую из трех автономных государств, соответствующих трем регионам: Киренаика, Триполитания и Феццан.

---

[80] United Nations General Assembly. Question of the disposal of the former Italian colonies.Resolution 289 (IV), adopted at the 250th plenary meeting, 21 November 1949. URL: https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1949/en/7706 (датаобращения: 24.10.2025).

Независимое Королевство Ливия унаследовало крайне ограниченную экономическую базу–пооценкам начала 1950-х гг., ВВП на душу населения находился на уровне одного из самых низких показателей в Северной Африке. Государственные расходы на образование и здравоохранение оставались минимальными, что отражало структурную слабость бюджетной системы и зависимость от внешней помощи. Социальная инфраструктура формировалась при прямом участии иностранных администраций, что усиливало институциональную уязвимость молодого государства.

Таким образом, Ливия была вынуждена прибегнуть к экономической помощи Великобритании и США. Британцы предоставили государственных чиновников для помощи правительству, а американская поддержка пришла в области здравоохранения, образования и природных ресурсов. Эта ситуация фактически подвергла Ливию иностранному влиянию, начиная с уступок военных баз, для которых предусматривалась экстерриториальность.

Социальная структура независимой Ливии с самого начала оставалась внутренне неоднородной. Глубокие различия между прибрежными районами Киренаики и Триполитании, ориентированными на взаимодействие с европейскими странами, и южным Феццаном, где сохранялся традиционный кочевой уклад, создавали региональные и племенные противоречия. Большинство население Ливии составляют арабы и арабизированные берберы, в юго-западной части Триполитании также проживают берберы, в Феццане проживают небольшие группы туарегов, на юго-востоке — тубу. Имеются также небольшие общины греков, турок, итальянцев и мальтийцев. Населению Ливии свойственно сохранение вплоть до настоящего времени, хотя и в значительно ослабленном виде, родоплеменной организации. Особенно хорошо она сохраняется в Киренаике, Феццане и в районе Западных гор в Триполитании.

Открытие крупных нефтяных месторождений в конце 1950-х гг. радикально изменило структуру ливийской экономики. Однако нефтяной фактор стал мощным стимулом миграционного давления. Преимуществом ливийской экономики были значительные запасы нефти и газа (страна — участник ОПЕК),

на юге, в области Феццан — огромные резервуары пресной воды (Нубийский водоносный слой). До 2010 года — богатейшая страна Африки с самым высоким ИРЧП и наилучшими социальными условиями. Участие в международных энергетических проектах с Италией и Германией. Важное геотранспортное положение (Магриб, южный берег Средиземноморья).

Эта модель экономического развития представляет собой ранний пример ресурсной зависимости, при которой экспортоориентированный нефтяной сектор формирует краткосрочную макроэкономическую стабильность, но подрывает устойчивость политической системы и усиливает внутреннюю миграцию. Отсутствие механизмов перераспределения нефтяной ренты и слабость государственных институтов не позволили превратить ресурсное богатство в основу социальной консолидации, что впоследствии стало одной из причин кризиса монархического режима.

Соединенным Штатам по соглашению 1954 года[81] было разрешено продолжать использовать и расширять авиабазу Уилус Филд, расположенную недалеко от Триполи, до февраля 1970 года. Это должна была быть одна из самых важных стратегических баз в мире для противостояния советского влияния на Африканском континенте. Англичане, со своей стороны, поселились недалеко от египетской границы, недалеко от Тобруха, в Эль-Адеме.

С итальянской стороны была предпринята немедленная попытка начать переговоры с ливийской монархией, а также обеспечить непрерывность существования итальянской общины, проживающей в Ливии. После различных переговоров было достигнуто Соглашение между Италией и Ливией об экономическом сотрудничестве и урегулировании вопросов, вытекающих из Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1950 года[82] и обмена нотами, заключенное в Риме 2 октября 1956 года, которое подписано премьер-министром и министром иностранных дел Ливии М. Бен Халимом и

---

[81]United States-Libya Base Rights Agreement. «Military Base Rights Agreement with Libya», Benghazi, 9 September 1954; entered into force 30 October 1954. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v11p1/d302 (дата обращения: 24.10.2025).

[82] United Nations General Assembly. Economic and financial provisions relating to Libya.Res. 388(V), 15 Dec. 1950. URL: https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1950/en/10349 (дата обращения: 24.10.2025).

председателем Совета министров Италии А. Сеньи.Оно было подписано с целью урегулирования нерешенных вопросов между двумя странами в дружественной манере и при взаимном удовлетворении,принимая во внимание Постановление от 15 декабря 1950 г., н. 388 V, которым Генеральная Ассамблея ООН приняла экономические и финансовые положения, касающиеся Ливии,в желании начать новый этап своих отношений и установить все более тесную дружбу и сотрудничество между двумя народами.

С подписанием соглашения противоречия прекратились, и отношения между двумя государствами стали носить доверительный характер. Ливийцы обеспечивают уважение прав и интересов итальянских поселенцев Триполитании, а итальянская сторона производит выплаты в 2 750 000 ливийских лир и продает части колониального имущества, казалось, что любой спор был разрешен. Начинаются поставки нефти в Италию, и многие итальянские компании инвестируют в территорию Ливии, такие как ENI и FIAT.

С началом 1959–1960 гг. учебного года по межправительственному соглашению молодые ливийцы приехали проходить обучение в качестве курсантов в итальянских военных академиях.Но постоянные отношения короля Идриса I с англичанами и американцами, определившие прозападный «выбор лагеря», не отражали чувств ливийских арабских националистов, особенно в то время, когда панарабизм захлестнул соседние страны, лидером которого был «египетский Насер», а его идеи были на подъеме в большинстве арабских стран[83].

Уровень оппозиционных настроений в студенческой и профсоюзной среде сопровождался протестной активностью, что свидетельствовало о снижении легитимности монархического режима и расширении социально-политической мобилизации. Это стало еще более очевидным после того, как король не смог занять определенную позицию во время Шестидневной войны. Это привело к народным восстаниям, которые вынудили еврейских жителей покинуть свои владения в Ливии и искать убежища за границей.

---

[83]Labbate S. Italy and its oil dealings with Libya. Limits and obligations of a dependency: the difficult 1970s and 1980s. Middle Eastern Studies, 2019. DOI: 10.1080/00263206.2019.1625333. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00263206.2019.1625333 (датаобращения: 24.10.2025).

Рост нефтяных доходов после открытия в 1959 году крупного месторождения углеводородов в Киренаике усилил социальные и экономические диспропорции в стране. К разработке ресурсов постепенно подключалось всё больше иностранных компаний. Наряду с американской Esso Standard Libya, контролируемой семьёй Рокфеллеров и получившей ключевые концессии, активность проявляли и европейские фирмы — в частности, итальянская CORI (Compagnia Ricerca Idrocarburi), связанная с AGIP (Azienda Generale Italiana Petroli), а также AMI (Ausonia Mineraria Italiana), управлявшая компанией EDISON[84].

Но богатства, текшие в государственную казну, не смогли смягчить социально-политические противоречия. Молодые люди и рабочие проводили демонстрации в разных местах. Происходил рост националистических и радикальных религиозных веяний. Ситуация парадоксальна тем, что не смотря на активно растущую экономику и повышение уровня жизни местного населения, потребность в суверенной политике государства и коллективное мышление в парадигме части арабского мира и мира ислама, оказались более востребованы у населения, и правительству Ливии пришлось считаться с данными обстоятельствами.

В 1970 году в Ливии была учреждена Национальная нефтяная компания, которая получила функции контроля и регулирования деятельности иностранных корпораций в сфере добычи энергоресурсов. Этот шаг продемонстрировал, что страна способна отстаивать собственные интересы в отношениях с западными нефтяными консорциумами и использовать энергетический сектор, как инструмент политического и экономического влияния. Начавшийся в тот период нефтяной «бум» радикально изменил хозяйственную и социальную структуру Ливии, противопоставив новое экономическое устройство традиционному укладу жизни.

---

[84]Libya.gov.ly. «Oil & Gas Industry». URL: https://libyanheritagehouse.org/industry/libya-oil-gas (датаобращения: 24.10.2025).

Экономическая модель, предложенная монархом ещё до начала промышленной добычи нефти, оказалась недостаточно адаптированной к тем возможностям и масштабам роста, которые открыла энергетическая индустрия.

Увеличение нефтяных доходов потребовало трансформации механизмов государственного управления и перераспределения рентных поступлений. Отсутствие институционально оформленной системы контроля над ресурсами усилило напряжение внутри элит и армии, что создало предпосылки для смены политического режима.

Военный переворот 1969 года стал результатом этой структурной диспропорции, а не следствием персонального фактора. Требовались новые методы управления государством, которые могли в полной мере раскрыть весь потенциал новой отрасли, с учетом появления нового ресурса и необходимостью получения максимальных дивидендов с последующим рациональным вложением в инфраструктуру государства. Сама судьба выдвигала нового лидера, представителя нового поколения. И им стал Муаммар Каддафи.

Появление движения «свободных офицеров» в Ливии стало отражением более широких трансформаций, охвативших арабский мир во второй половине XX века. В 1950–1960-е гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки формировались военные организации, объединённые идеологией арабского национализма и стремлением к демонтажу традиционных монархий. Эти структуры, черпавшие вдохновение в египетском опыте Насера, рассматривали армию, как инструмент политического обновления и средство освобождения от внешней зависимости, что во многом предопределило дальнейшее развитие событий в Ливии. Подобные организации возникли в Египте, Йемене и Ливии, а их деятельность привела к свержению правящих династий. Значительное влияние на формирование политического сознания ливийской молодёжи оказала идеология египетского лидера Гамаля Абдель Насера, выраженная в лозунге «Свобода, социализм, единство».

Внешнеполитические кризисы, в которые был втянут Египет, стали катализатором роста антимонархических настроений в Ливии. Суэцкая война

1956 года и шестидневный конфликт 1967 года с Израилем вызвали резкую критику режима короля И. ас-Сенуси, которого ливийская общественность обвинила в потере национального достоинства и предательстве арабских интересов. Поводом для обвинений стало присутствие на территории страны иностранных военных баз, символизировавших зависимость от западных держав.

В 1959 году в студенческой среде возникло подпольное движение, близкое по идеологии к Арабской социалистической партии возрождения (БААС). В вооружённых силах он основал революционную группу, которая, в результате переворота 1969 года, свергла сенуситскую монархию короля Идриса. Придя к власти, Каддафи превратил Ливию в республику, управляемую его Советом революционного командования.

К концу 1960-х годов правительство короля Идриса становилось всё более непопулярным из-за бесхозяйственности внутри страны, а рост арабских националистических настроений ещё больше ослабил его позиции. Во время осуществления переворота Идрис находился на лечении в Турции, и несмотря на поддержку его правительства западными державами, не смог никак воспрепятствовать мятежникам.

Переворот был бескровным и получил восторженную поддержку общественности. Под давлением путчистов, наследный принц Сейид Хасан ар-Рида аль-Махди ас-Сенусси отказался от своих притязаний на трон. Переворот привёл к ликвидации в Ливии монархии и провозглашении республики, а также к радикальному изменению внешней политики страны в сторону поддержки панарабизма и антиимпериализма.

В этих условиях сформировалась организация офицеров-юнионистов (ОСОЮС), представлявшая собой узкий круг военных, выступавших против политики короля Идриса.

Как отмечал сам М. Каддафи в изданной в 1977 году книге «Истории революции»[85], ОСОЮС действовала как конспиративное объединение,

---

[85]Al-Gaddafi, Muammar.The Green Book.English edition. People’s Committee for Publication, Distribution & Advertising, Libya-London, 1976. 110p.

готовившее вооружённый переворот. Государственный переворот, вошедший в историю как революция аль-Фатех, произошёл 1 сентября 1969 года и прошёл без значительных столкновений.

Власть сменилась стремительно и почти мирно: уже через несколько часов после захвата ключевых административных центров монархический режим фактически прекратил существование. Наследный принц публично отказался от прав на престол и призвал население признать новое правительство, заявив, что перемены неизбежны и соответствуют интересам страны. Так начался переход Ливии от королевской формы правления к республиканской, ознаменовавший начало эпохи М. Каддафи, что означало конец монархии и начало новой политической эпохи в истории Ливии.

Первыми решениями, так называемой, «военной хунты» были: национализация крупных компаний, затем закрытие иностранных военных баз и изгнание итальянских поселенцев с конфискацией всех их территорий.

Крупный экспорт нефти позволил новому правительству улучшить ситуацию с инфраструктурой страны, а серия реформ обеспечила доступность образования и здравоохранения для всего населения. Ислам стал государственной религией, парламентские институты были упразднены с запретом на создание политических партий.

Следует согласиться с выводами экспертов о том, что провозглашеннаяМ. Каддафиидеология «исламского социализма» сочетала элементы антиколониальной риторики и стремление к самостоятельности во внешней политике. Это сопровождалось изменением международной роли Ливии: страна постепенно превратилась в один из центров притяжения и транзита мигрантов из государств Сахеля, Восточной и Центральной Африки.

Быстро развивающийся нефтяной сектор, дефицит рабочей силы и официальная поддержка «панарабского единства» стимулировали приток

мигрантов, которые рассматривались как часть общей стратегии экономического и идеологического расширения Ливии[86].

Одновременно М. Каддафи использовал миграционный фактор как инструмент внешнеполитического давления, прежде всего, в отношениях с Италией и другими странами Европы. Возможность усиления или ослабления потоков нелегальных мигрантов через территорию Ливии становилась предметом негласных политических договоренностей, что придавало Триполи дополнительный рычаг влияния в средиземноморской дипломатии. Как поясняется в «Зеленой книге»[87], опубликованной М. Каддафи в 1976 году, его целью было создание государства, которое было бы одновременно исламским и социалистическим. В 1973 году М. Каддафи начал «культурную революцию», сформировав около тысячи народных комитетов, которые избирались прямым голосованием народа и ставили перед собой административные задачи.

Итоговым результатом его реформ стала Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, которая была провозглашена 2 марта 1977 года. Термин Джамахирия означает «Государство масс» и отражает идею М. Каддафи о самоуправляющемся народе, альтернативное название его идеологии «третья мировая теория», идеология третьего пути, которая отвергает демократию и социализм в привычном для них виде. М. Каддафи рассматривал «исламский социализм» как идеальную систему для преобразования мира, как выход из «человеческой трагедии, которую переживают народы под гнетом капитализма и коммунизма».

Народные комитеты были распущены в 1977 году, в результате к ним присоединились «революционные комитеты», использовавшиеся для слежки за любой формой инакомыслия со стороны оппозиционных сил. М. Каддафи отказался от всех постов в 1979 году, провозгласив себя «лидером революции» и оставшись на своем посту единственным лидером страны.

---

[86]Ливия: эпоха Каддафи / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. С. 155.
[87]КаддафиМ. Зеленаякнига. М.: Международныеотношения, 1989. 160 с.

Ливия при М. Каддафи сыграла важную роль на международной арене и в регионе: поддержав Палестину в конфликте с Израилем, противодействуя попыткам президента Египта Анвара Садата сблизиться с Израилем, всеми силами продвигала идею о необходимости единства у арабских стран. Более того, Ливия активно пропагандировала отказ от «западного влияния».М. Каддафи отлично понимал, что свободное использование собственных ресурсов, ведение суверенной внешней и внутренней политики невозможно без усиления собственных позиций, и он искал поддержки у остальных арабских стран, в первую очередь у соседей.

Но спустя десятилетия он увидит отсутствие энтузиазма к конкретным шагам по объединению и созданию собственной политики в регионе у своих коллег, так как те были заняты попытками выторговать для себя побольше дивидендов у тех самых стран Запада. Одним из ранних направлений внешнеполитической активности Триполи стало противостояние Франции в вопросе постколониального разграничения территорий, прежде всего в зоне Аузу. Конфликт вокруг этого региона приобрёл значение инструмента регионального позиционирования Ливии и демонстрации её претензий на самостоятельную роль в Центральной Африке[88].

С 1978 по 1987 гг. произошел чадско-ливийский территориальный конфликт, начавшийся с активного вмешательства правительства Ливии в ход гражданского конфликта в Чаде, с целью лоббирования собственных интересов и противостояния влиянию Франции на Чад, которая так же активно поддерживала одну из сторон гражданского конфликта. А интересы у Ливии в регионе были, в первую очередь, это линия Аузу, которая стала спорной территорией в ходе пост колониального раздела, и также была предметом интереса идеи джамахирии.Оная предполагала создание союзного государства южнее Ливии и объединения арабских государств.

---

[88] Коробов С. А. Социально-политическая трансформация Ливии в период итальянского колониального правления в 1911–1940 гг.: дис. … канд. ист. наук. 2023. С. 12.

Военная кампания не привела к ожидаемому укреплению регионального статуса Ливии, напротив, затяжной конфликт и последующее международное разбирательство в Международном суде ООН завершились признанием спорной территории - частью Чада, что существенно ограничило возможности Триполи в регионе. В 1987 году ливийские силы и поддерживающие их чадские повстанцы были полностью вытеснены из региона, а территориальный вопрос был передан в Международный суд ООН, который постановил в 1994 году, что полоса Аузу является частью Чада.

На протяжении 1980-х гг. отношения между Ливией и США были напряженными. Соединенные Штаты ввели эмбарго на ливийскую нефть в 1981 г., а в 1986 г.президент Р. Рейган включил Ливию в список «стран-изгоев». В 1992 году Ливию обвинили в хранении и производстве химического оружия, что только усугубило ее положение на мировой арене. В том же году Организация Объединенных Наций ввела санкции против Ливии после отказа М. Каддафи выдать двух ливийских граждан, предположительно виновных в теракте 1988 года в Локерби (Шотландия), в результате которого погибло 259 человек.

В 1999 году М. Каддафи, наконец, решил выдать двоих нападавших, и в результате санкциибыли сняты. Международная изоляция и санкции 1980–1990-х гг., введенные после инцидентов в Чаде и обвинений в поддержке терроризма, усилили экономический застой и рост безработицы, что привело к активизации внутренних и внешних миграционных процессов. Отток квалифицированных кадров сочетался с увеличением доли трудовых мигрантов из соседних африканских стран.

Подписание «Договора о дружбе и сотрудничестве» с Италией в 2008 году закрепило этот статус юридически: ливийское руководство обязалось ограничивать выезд мигрантов к берегам Европы в обмен на финансовые компенсации и инвестиционные проекты. Таким образом, к концу нахождения у власти М. Каддафи миграция стала не только социально-экономическим явлением, но и важным инструментом внешнеполитического позиционирования страны.

С годами М. Каддафи радикально изменил свой профиль оппонента западного мира и в 2003 году, после американского вторжения в Ирак, объявил о завершении программы разработки оружия массового уничтожения. Впервые за 15 лет он побывал в Европе в 2004 году, и со временем его отношения с Италией также значительно улучшились.

В 2008 году две страны подписали «Договор о дружбе и сотрудничестве[89], который предусматривает усиление контроля над нелегальными иммигрантами в направлении Италии и выплату Ливии 5 миллиардов долларов в качестве компенсации за итальянский колониальный период. В 2011 году, впоследствии «арабской весны», начались протесты против режима М. Каддафи. После шести месяцев боев, в августе, ливийские повстанцы захватили Триполи, а через несколько дней силы Переходного совета взяли под свой контроль Бани-Валид. Затем настало время Сирта, где М. Каддафи, ища путь к пустыне, был ранен в бою, а позже был убит «союзными» силами западного контингента, действующего на стороне повстанческих сил.

К началу 2011 года Ливия сочетала высокие показатели нефтяных доходов с сохраняющейся институциональной зависимостью от внешних факторов и внутренней фрагментацией политического поля. Экономические ресурсы не сопровождались развитием устойчивых механизмов политической интеграции, что повысило уязвимость режима в условиях региональной дестабилизации.Более того, во внутренней политике также были проблемы: это и межклановые распри, доставшиеся со времен монархии, вследствие которых образовалась бедуинская оппозиция; и либеральная прослойка граждан, сложившаяся в период плотного сотрудничества Ливии со странами Евросоюза, которая была против жесткого цензурирования и видела политический путь страны, лишь в лоне взаимодействия с ЕС.

---

[89] Treaty of Friendship, Partnership and Cooperation between the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, Benghazi, 30 August 2008. URL: https://security-legislation.ly/latest-laws/law-no-2-of-2009-on-ratifying-the-treaty-of-friendship-and-cooperation-between-the-great-socialist-peoples-libyan-arab-jamahiriya-and-the-republic-of-italy/ (дата обращения: 20.10.2025).

Противостояние государственных сил и оппозиции продолжалось шесть месяцев и, казалось,М. Каддафи сможет урегулировать конфликт, но военная интервенция западных сил внесла свои коррективы. Столица пала в результате поддержки оппозиции странами Запада, а страна находилась в состоянии гражданской войны, где единства вокруг одной из сторон так и не образовалось.

По итогу резолюция Совета Безопасности ООН 1970 г.[90], осудила действия Джамахирии и перекрыла воздушное пространство над Ливией, а территория страны подверглась массивным бомбардировкам со стороны контингента из числа стран НАТО. Триумфальное вступление повстанцев в Триполи вызвало шок: государственные силы оттеснялись в более глубокие территории страны подальше от береговой линии, и наконец, смерть полковника М. Каддафи окончательно поставила крест на правлении Джамахирии и ознаменовало победу сил Переходного национального совета Ливии.

Эта война стала третьей по числу погибших в ходе конфликтов периода «арабской весны» по состоянию на конец августа 2011 года, их число достигло 50 тысяч человек. Война также кардинальным образом отразилась и на благосостоянии граждан, и на экономике станы. Товарооборот между ЕС и Ливией сократился в три раза, а добыча нефти государством практически прекратилась. Существование Переходного национального совета Ливии также не продлилось долго, ему суждено было продержаться менее года.

Ослабление государственного контроля привело к закреплению за Ливией функции транзитного пространства на центрально-средиземноморском маршруте. Однако речь шла не только о географической роли. Постепенно ливийская территория была встроена в систему внешней миграционной политики ЕС как площадка делегированного контроля, что изменило характер её международных обязательств и усилило зависимость от европейских инструментов регулирования потоков.

---

[90]United Nations Security Council.Resolution 1970 (2011) on the situation in the Libyan Arab Jamahiriya. S/RES/1970 (26 February 2011). URL: https://undocs.org/S/RES/1970(2011) (датаобращения: 24.10.2025).

Уже к 2014 году Ливия фактически оказалась разделена между двумя конкурирующими центрами власти – Правительством национального согласия в Триполи и Палатой представителей в Тобруке. Межплеменные и региональные столкновения, борьба за контроль над нефтяными ресурсами и морскими портами создали условия для беспрецедентного роста нелегальной миграции. Ливия заняла центральное место в центрально-средиземноморском миграционном маршруте, обеспечивая транзит потоков из стран Сахеля и Восточной Африки в направлении государств Европейского союза.

Отсутствие единого командования вооруженными силами и распад системы пограничного контроля привели к тому, что прибрежные территории оказались под властью местных группировок, часто вовлеченных в контрабанду людьми. По оценкам международных организаций, именно с 2013 года Ливия стала основным маршрутом нелегальной миграции из Сахеля и Сахары в Европу[91]. В ответ на это Европейский союз инициировал миссии EUBAM Libya и Operation IRINI, направленные на стабилизацию ситуации, мониторинг морских границ и пресечение деятельности контрабандных сетей[92].

Италия стала главным координатором программ по подготовке ливийских береговых служб, а также подписала с временными правительствами ряд соглашений о совместных патрулях и возвращении мигрантов. К началу 2020-х гг. и в последующий период Ливия сохраняет признаки несостоявшегося государства, что проявляется в устойчивой институциональной фрагментации, параллельном существовании конкурирующих центров власти и неполном контроле над национальной территорией. Суверенитет носит дифференцированный характер: его объём варьируется в зависимости от региона, а управление в значительной мере опосредовано вооружёнными формированиями и локальными коалициями.

---

[91]United Nations High Commissioner for Refugees и Danish Refugee Council. Mixed Migration in Libya: Changing Dynamics and Protection Challenges. (2018). URL: https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/jul/unhcr-refugees-report.pdf (датаобращения: 24.10.2025).

[92]European Council on Foreign Relations. Libya’s migrant-smuggling highway: Lessons for Europe. (2015). URL: https://www.ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR-147_Libyas_Migrant_Smuggling_Highway1.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

Поддержка различных ливийских акторов со стороны региональных и глобальных государств закрепила ситуацию внешнеполитической интервенционности, при которой внутренний конфликт функционирует как элемент более широкой конфигурации сил. В этих условиях внешнеполитическая линия не формируется как единый стратегический курс, а складывается из взаимодействия конкурирующих центров принятия решений. Миграционная проблематика при такой конфигурации утрачивает характер исключительно социально-гуманитарного вопроса и интегрируется в систему политического торга, становясь инструментом перераспределения влияния и предметом переговорных практик.

После краха политического режима и вмешательства со стороны НАТО, санкционированного ООН, во внешней политике Ливии сформировалось две основные тенденции. Первой тенденцией стало стремление внешних акторов оказать действенное влияние по процесс преобразования политического строя ливийского государства, который совпал по времени с усилением оттока населения из самой Ливии и превращению этой страны в один из основных узлов миграционного транзита в Европе[93].

Второй тенденцией внешней политики стала обеспечение политической легитимации для будущего политического руководства ливийского государства в глазах международного сообщества – задача, которое изначально была осложнена продолжающейся борьбой за власть внутри страны и внешним военно-политическим воздействием.

Международные акторы оказывали значительное содействием разнообразным группировкам внутри Ливии (военное, техническое, финансовое), что препятствовало установлению единой политической власти[94].

---

[93] Once a Destination for Migrants, Post-Gaddafi Libya Has Gone from Destination to Transit Route. Migration Policy Institute. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/once-destination-migrants-post-gaddafi-libya (датаобращения: 10.10.2025).

[94] Memorandum of Understanding on cooperation in the fields of development, the fight against illegal immigration, human trafficking and fuel smuggling and on reinforcing the security of borders between the State of Libya and the Italian Republic. URL: https://eumigrationlawblog.eu/wp-content/uploads/2017/10/MEMORANDUM_translation_finalversion.doc.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

Региональные и глобальные акторы — Турция, Россия, Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Франция — действовали через поддерживаемые ими формирования, что приводило к постоянной «внешней поляризации» ливийского политического пространства.

Одновременно ЕС и отдельные его государства стали активно выстраивать с Ливией и её властями сотрудничество по внешней миграционной политике: например, ЕС через инструмент экстренной поддержки Африки (EUTF) направил на Ливию значительные средства: около 465 млн евро в период 2015–2021 гг. на управление границами, помощь мигрантам и поддержку муниципалитетов вдоль маршрутов[95].

В частности, в 2017 году Ливия и Италия подписали меморандум о сотрудничестве в области развития, борьбы с нелегальной миграцией, торговлей людьми и обеспечения безопасности границ. Внешнеполитическая динамика проявилась и через инструмент внешней миграционной политики. Европейский союз реализовал миграционную политику посредством так называемой «экстернализации» своих границ через Ливию: ей были переданы значительные функции контроля миграции.

Внешняя политика Ливии в области миграции преобразовала её отношение к Италии. После 2011 года сотрудничество стало носить крайне сложный характер. Так, сторонние источники указывают, что начиная с 2012 года Италия и Ливия заключили соглашения о возвращении мигрантов, что не исключило многочисленные жалобы на нарушение прав человека[96].

Политика ЕС подвергалась критике со стороны правозащитных организаций. В такой ситуации Ливия оказалась между влиянием Италии-ЕС и влиянием региональных и глобальных игроков, что усиливало её уязвимость и зависимость от внешнеполитических векторов.

---

[95] How conflict in Libya facilitated transnational expansion of migrant smuggling and trafficking. Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/02/how-conflict-libya-facilitated-transnational-expansion-migrant-smuggling-and-trafficking (дата обращения: 10.10.2025).

[96] The EU’s Externalisation of Borders in Libya: Historical Path and Main Consequences. The Square Centre. URL: https://www.thesquarecentre.org/2023/05/31/the-eus-externalisation-of-borders-in-libya-historical-path-and-main-consequences/ (датаобращения: 10.10.2025).

История постколониального развития Ливии позволяет рассматривать ее государственность как особую модель, в которой миграционные процессы напрямую зависят от характера политического режима и степени вовлеченности внешних акторов.На протяжении всего периода с 1951 года политическая эволюция страны отражала баланс между внутренней слабостью институтов и внешним управлением – этот дисбаланс последовательно воспроизводился как в монархическую эпоху, так и при Джамахирии, а затем,после 2011 года, приобрел крайние формы. В отличие от других государств Магриба, Ливия прошла путь от страны-донора миграции, испытывавшей отток населения, к государству-транзитеру, контролирующему пути нелегального передвижения из Африки в Европу. Миграция для Ливии стала не побочным социальным явлением, а устойчивым элементом ее политической динамики, способным как отражать, так и формировать внутренние и внешние процессы.

Таким образом, постколониальная эволюция Ливии демонстрирует устойчивую взаимосвязь между характером политического режима, степенью институциональной консолидации и динамикой миграционных потоков. Слабость внутренних механизмов управления в сочетании с высокой степенью внешней вовлечённости формирует режим ограниченного суверенитета, при котором миграция выступает не побочным эффектом социально-экономических процессов, а структурным элементом политической конфигурации.

1.3. Договорно-правовые основы сотрудничества Италии и Ливии в миграционной сфере

Формирование договорно-правовых основ итало-ливийского сотрудничества в миграционной сфере отражает постепенное изменение места Ливии в миграционной политике Италии. Если на ранних этапах двусторонние отношения определялись преимущественно последствиями колониального прошлого, экономическими и энергетическими интересами, то рост транссредиземноморской миграции привёл к выделению контроля над

перемещением населения в самостоятельное направление взаимодействия двух государств. Ливия постепенно стала рассматриваться Италией не только как государство происхождения и транзита мигрантов, но и как партнёр, посредством сотрудничества с которым часть миграционного контроля могла осуществляться до достижения мигрантами итальянской территории.

Развитие данного механизма происходило параллельно с изменением национального миграционного законодательства Италии. На протяжении первых послевоенных десятилетий регулирование въезда иностранцев сохраняло относительно либеральный характер, а пограничный контроль в значительной степени ограничивался административными процедурами. С увеличением миграционных потоков и изменением положения Италии в европейской миграционной системе возникла потребность в формировании специального законодательства, регулирующего въезд, пребывание и трудовую деятельность иностранных граждан.

Начало перехода к системному правовому регулированию относится к 1980-м гг. В 1981 г. Италия присоединилась к Конвенции № 143 Международной организации труда, направленной в том числе на противодействие нелегальной занятости мигрантов. Вслед за этим началась разработка национальных законодательных мер в сфере въезда и трудоустройства иностранных граждан. Последующее развитие правового регулирования характеризовалось постепенным расширением предмета миграционной политики: от регулирования положения иностранных работников — к контролю над въездом и пребыванием, противодействию нерегулярной миграции и формированию механизмов взаимодействия со странами происхождения и транзита.Усиление транссредиземноморской мобильности населения потребовало разработки договорных механизмов, когда Италия стала рассматривать Ливию как звено

своей внешней миграционной политики, направленной на выстраивание «внешнего контура контроля» (externalization of migration management)[97].

Колониальный этап итало-ливийских отношений не может быть рассмотрен вне анализа характера итальянской экспансии в Северной Африке и особенностей институционального оформления власти метрополии. Как отмечает А.М. Юсифзаде, итальянская агрессия в Ливии в 1911–1912 гг. стала частью более широкой стратегии расширения влияния Италии в Средиземноморье и сопровождалась длительным военным подавлением сопротивления местного населения[98].

В свою очередь, С. Коробов указывает, что попытки либеральных правительств Италии использовать элементы парламентского представительства в Триполитании и Киренаике рассматривались Римом как инструмент «умиротворения» и стабилизации колониального режима[99]. Однако данные механизмы не устранили структурного противоречия между имперским контролем и национально-освободительными устремлениями ливийского общества.

На протяжении послевоенных десятилетий Италия сохраняла репутацию страны с максимально либеральным режимом въезда. Пограничный контроль фактически ограничивался формальными проверками. Период становления Королевства Ливия после провозглашения независимости в 1951 г. характеризовался сложным балансом между необходимостью учитывать внутренние факторы политической стабильности и влиянием внешнеполитических партнеров. О.Н. Попенков подчёркивает, что эмир ас-

---

[97] Матвеева И. А., Меренков И. А. Теория «расширенного Средиземноморья» в современной внешней политике Италии // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики государств: Сб. науч. статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. С. 132.

[98] Юсифзаде А. М. Итальянская агрессия в Северной Африке // Вопросы истории. 2024. № 2. С. 166–175.

[99] Коробов С. Триполитанский и киренаикский парламенты — последняя попытка либеральной Италии умиротворить Ливию // Материалы конференции «Школа молодого африканиста». 2017. № 8. С. 68–69.

Сенуси был вынужден строить государственностьпри ограниченных ресурсах и в условиях сохраняющегося внешнего давления со стороны западных держав[100].

Параллельно Италия столкнулась с резким ростом миграционных потоков: их усилило как расширение Европейского экономического сообщества, открывшее новые экономические возможности, так и отсутствие комплексной стратегии взаимодействия с африканскими странами — главным источником трудовой миграции. В 1981 году Рим присоединился к Конвенции № 143 Международной организации труда[101], направленной на противодействие нелегальной занятости мигрантов.

Это событие стало отправной точкой для формирования национального законодательства в области миграции. В том же году Министерство труда представило первый проект закона, предусматривавший ужесточение контроля за въездом и трудоустройством иностранцев по образцу североевропейских моделей, применявшихся с середины 1970-х гг.

Принятый в 1986 году первый Закон об иммиграции[102] вскоре показал полную несостоятельность: он оказался неспособен ограничить влияние теневого сектора экономики, для которого непрерывный приток нелегальной рабочей силы оставался необходимым условием функционирования. Несмотря на введённые ограничения, спрос на дешёвый труд только возрастал, что стимулировало нелегальную миграцию. К середине 1980-х гг., по данным Министерства внутренних дел Италии и оценкам ISTAT, численность иностранных граждан, находившихся на территории страны без надлежащего разрешения, превышала 100 тыс. человек при том, что легально зарегистрированное иностранное население оставалось сравнительно незначительным.

---

[100] Попенков О. Н. Борьба эмира ас-Сенуси за независимость Ливии и особенности государственного строительства в Королевстве Ливия (1951–1969 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион.Общественные науки. 2019. № 1(201). С. 77–83.

[101] Convention concerning Migrations in Abusive Conditions and the Promotion of Equality of Opportunity and Treatment of Migrant Workers (No. 143) (adopted at Geneva on 24 June 1975). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312288 (дата обращения: 24.10.2025).

[102] Legge 30 dicembre 1986, n. 943.Norme in materia di collocamento e trattamento dei lavoratori extracomunitari immigrati e contro le manomissioni di carattere razziale. – Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 8 gennaio 1987, n. 6. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1986-12-30;943 (дата обращения: 24.10.2025).

Диспропорция между фактическим присутствием мигрантов и действующими механизмами их правового учёта сформировала устойчивый сегмент неформальной занятости, прежде всего в сельском хозяйстве, строительстве и сфере бытовых услуг. Реакцией государства стала первая масштабная процедура легализации, реализованная в 1986–1988 гг. через механизм так называемой sanatoria. В результате амнистии легальный статус получили свыше 100 тыс. человек, что означало институциональное признание уже сложившейся структуры рынка труда и переход от игнорирования проблемы к её нормативному оформлению[103].

Одновременно правительство приступило к выстраиванию эффективного механизма контроля за пересечением границ и модернизации миграционного законодательства. До середины 1980-х гг. въезд в Италию оставался сравнительно свободным — безвизовый режим действовал для граждан семидесяти восьми стран. Однако интересы туристического бизнеса, играющего значительную роль в национальной экономике, долгое время тормозили введение более жёстких правил.

Только когда приток мигрантов начал оказывать ощутимое влияние на внутренний рынок труда, вопрос ужесточения въездных процедур был поставлен на повестку правительственной политики. Лишь в 1987 году правительство предприняло первую попытку присоединиться к Шенгенскому соглашению[104], однако из-за несоответствия внутреннего законодательства условиям соглашения процесс был отложен.

Закон № 40, принятый в 1998 году левоцентристским правительством (известный как закон «Турко-Наполитано»[105]), стал первым комплексным актом, регулирующим порядок интеграции иммигрантов из государств, не входящих в

---

[103]ISTAT. La presenza straniera in Italia: aspetti strutturali e dinamiche storiche. URL: https://www.istat.it/it/archivio/stranieri (дата обращения: 03.03.2026).

[104] Agreement between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders (Schengen Agreement). Schengen, 14 June 1985. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42000A0922(01) (дата обращения: 24.10.2025).

[105]Legge 6 marzo 1998, n. 40. Disciplina dell’immigrazione e norme sulla condizione dello straniero. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 6 marzo 1998, n. 59. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1998-03-06;40 (дата обращения: 24.10.2025).

Европейский союз. Закон установил многоступенчатый порядок депортации лиц, задержанных за нарушение иммиграционного режима: решение о выдворении могло быть принято только мировым судьёй, а сам мигрант имел право обжаловать постановление в течение двух недель. Такая процедура формально обеспечивала судебный контроль, но на практике делала систему выдворений громоздкой и малоэффективной.

Начиная с конца 1990-х гг. миграционная политика Италии приобрела выраженно ограничительный характер. Рост числа беженцев из Албании и стран бывшей Югославии, а также увеличение потоков мигрантов из арабских государств Средиземноморья, Западной Африки (особенно из Сенегала и Нигерии) и Восточной Азии (в первую очередь Китая) вынудили власти ужесточить меры регулирования.

Несмотря на тесное сотрудничество с институтами Европейского союза, в период премьерства С. Берлускони курс Италии сохранял ориентацию на идею «Крепости Европы», где приоритет отдавался защите границ и ограничению легальных каналов въезда, а не программам социальной интеграции мигрантов.

На законодательном уровне курс на ужесточение миграционной политики был закреплён принятием в октябре 2002 года закона «Босси — Финни»[106], предложенного коалиционными партнёрами правительства С. Берлускони. В преамбуле закона прямо указывалось на «опасность настоящего нашествия на Европу мигрантов» (pericolo di una vera invasione dell'Europa), что отражало восприятие миграции как потенциальной угрозы национальной безопасности и социальной стабильности.

Среди наиболее существенных нововведений закона можно выделить следующие положения:

– уменьшение срока действия разрешений на трудовую деятельность — с четырёх лет до двух, что осложняло возможность долгосрочного пребывания иностранцев;

---

[106]Legge 30 luglio 2002, n. 189.Modifica alla normativa in materia di immigrazione e di asilo (Legge Bossi–Fini). Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 26 agosto 2002, n. 199. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189 (дата обращения: 24.10.2025).

– введение механизма немедленного выдворения нелегальных мигрантов без длительных судебных процедур и отмену права на воссоединение с родственниками третьей степени родства;

– увеличение минимального периода легального проживания, необходимого для получения статуса постоянного резидента гражданами стран, не входящих в Европейский союз.

Эти меры заложили основу более жёсткой модели регулирования миграции, ориентированной на ограничение притока иностранной рабочей силы и усиление механизмов контроля над въездом и пребыванием мигрантов.

Основная ответственность за проведение миграционной политики в Италии сосредоточена на Министерстве внутренних дел, которое выступает центральным звеном в регулировании перемещения иностранных граждан. Именно этот орган принимает решения о выдаче виз, разрешений на пребывание и работу, рассматривает обращения о предоставлении гражданства, а также осуществляет депортацию лиц, находящихся на территории страны незаконно.

Выполняя широкий комплекс функций, министерство действует в тесной координации с другими ведомствами. С дипломатическими представительствами Италии за рубежом оно взаимодействует в вопросах визового оформления, с Министерством труда — при выдаче разрешений на трудовую деятельность, с Министерством социального развития — в сфере социальной поддержки мигрантов и их адаптации. Кроме того, особую роль играет Центральная комиссия по признанию статуса беженца, решения которой во многом определяют иммиграционную политику государства.

В структуре Министерства внутренних дел ключевым инструментом реализации его решений выступает полиция, контролирующая границы, регистрирующая иностранцев, выдающая документы на пребывание и осуществляющая депортацию нарушителей режима. Таким образом, управление миграционными потоками в Италии построено по принципу административной централизации, при которой все этапы — от въезда до возможного выдворения — находятся под контролем одной вертикали власти.

Италия традиционно остаётся привлекательной для мигрантов из-за масштабов теневой экономики, обеспечивающей быстрый и сравнительно лёгкий заработок. В конце 1980-х — 1990-х гг. правительство провело четыре амнистии, в ходе которых легальный статус получили около 700 тысяч ранее нелегальных мигрантов. Подобная практика регулярно подвергалась критике, поскольку рассматривалась как фактор, стимулирующий новые потоки нелегалов.

Для ограничения масштабов нелегальной занятости итальянское законодательство постепенно выработало систему многоуровневых санкций. Закон «Турко–Наполитано» закрепил принцип двойной ответственности — как для самих иностранных граждан, пребывающих в стране без правового статуса, так и для работодателей, использующих их труд.

В статье 20(8) этого акта устанавливались конкретные меры наказания: лишение свободы на срок от трёх месяцев до одного года, либо штраф от двух до шести миллионов лир, что по курсу того времени составляло приблизительно 1000–3000 евро. Тем самым впервые была предпринята попытка соединить уголовно-правовые и административные инструменты воздействия на рынок нелегального труда[107].

Ужесточение политики продолжилось с принятием закона «Босси–Фини», где в статье 22(12) прежние сроки тюремного заключения сохранились, но размеры штрафов были увеличены в несколько раз: до 5000 евро за каждого неоформленного работника. Кроме того, документ ввёл административную обязанность для работодателей своевременно уведомлять государственные органы о любых изменениях в занятости иностранцев через так называемую «службу одного окна» — префектуры, выполнявшие функции иммиграционных представительств.

В последующие годы меры ответственности стали ещё строже. Диапазон административных штрафов за нелегальное трудоустройство увеличился до 1500–12000 евро за каждого нарушителя, а за неуплату страховых взносов были

---

[107] Демкин И. Л. Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС // Закон и власть. 2022. № 3. С. 5.

введены гражданско-правовые санкции, действующие независимо от длительности работы. При этом сами нелегальные мигранты формально оставались вне системы социального обеспечения, что превращало борьбу с нелегальной занятостью в односторонний процесс, нацеленный, прежде всего, на экономических выгодоприобретателей.

Особое внимание уделялось строительной отрасли, где инспекционным органам предоставили право приостанавливать деятельность предприятий, если число работников без разрешительных документов превышало 20% от общего состава. Позднее аналогичный порядок был распространён на все производственные сектора. Ужесточение административных мер объяснялось систематическими нарушениями правил охраны труда, а также многочисленными случаями производственного травматизма среди нелегальных работников, широко освещавшимися в итальянских СМИ[108].

Контроль за соблюдением норм безопасности и условий труда в Италии осуществляют различные государственные структуры. Контроль в области трудового законодательства в Италии осуществляется разветвлённой системой инспекционных органов, подчинённых Министерству труда и социального обеспечения. Основная нагрузка ложится на инспекторов региональных и провинциальных управлений, наделённых полицейскими полномочиями и правом проводить проверки на предприятиях любого типа. Наряду с гражданскими структурами к этой деятельности привлекаются подразделения карабинеров, которые выполняют функции трудовых инспекторов.

В каждой провинции действует специализированное подразделение карабинеров, отвечающее за надзор в сфере охраны труда и производственной безопасности. В 1997 году все такие отделы были объединены в единую Команду жандармерии по охране труда, что позволило централизовать контрольные функции, повысить их эффективность и придать инспекционной системе

---

[108] Рыжкин Е. Н. Анализ соотношения внешнеполитического потенциала Италии и ее национальных интересов в Ливии в 2011–2020 годах // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 9(85). С. 3123.

полувоенный характер, обеспечивающий оперативное реагирование на выявленные нарушения[109].

Несмотря на созданную систему, инспекционные проверки условий труда остаются наименее эффективным инструментом правоприменения: они отличаются неравномерностью охвата регионов и ограниченными ресурсами, что снижает их воздействие на сферу нелегальной занятости.

Важным направлением миграционной политики Италии является процесс интеграции иностранцев, а именно то, каким образом представители различных этнических групп включаются в местную социальную среду. Одним из факторов, замедляющих интеграцию, часто называют культурные различия. Это явление характерно не только для стран Средиземноморья, но и для Европы в целом. Особенно остро проблема культурной адаптации проявляется среди мусульманских мигрантов, доля которых в Италии в последние десятилетия значительно возросла.

Светский характер итальянского государства требует, чтобы религия оставалась в пределах частной жизни и не влияла на общественную сферу, основанную на принципе равенства. Однако ислам, представляющий собой не только вероучение, но и систему жизненных норм, не всегда поддаётся подобному разграничению. Это создаёт противоречие между требованиями светского государства и стремлением верующих сохранять религиозные практики.

Согласно действующим нормам итальянского права, гражданство может быть получено двумя основными способами: через заключение брака с гражданином Италии, либо по истечении установленного срока непрерывного легального проживания в стране. Лицо, вступившее в брак с итальянским гражданином, получает право подать заявление о натурализации спустя три года после регистрации брака. Такой же срок предусмотрен для тех, кто имеет родственные связи с итальянцами второй степени — родителя или деда,

---

[109] Гасанов К. Н. Европейское единство во время гражданской войны в Ливии (2015–2020 гг.) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 3. С. 46.

являющегося гражданином Италии по рождению. Для иностранцев, не связанных с Италией происхождением, путь к гражданству значительно дольше: минимальный срок легального проживания, дающий право на подачу ходатайства, составляет десять лет.

Как показано ранее, исторические связи Италии и Ливии уходят к эпохе колониального владычества, установившегося после итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Колониальная политика Италии в Северной Африке развивалась на фоне более широкого европейского стратегического соперничества. А.М. Фомин отмечает, что англо-французское военное планирование в Восточном Средиземноморье в преддверии Второй мировой войны отражало восприятие региона как пространства повышенной геополитической значимости[110]. В этом контексте ливийское направление рассматривалось не только как колониальный актив Италии, но и как элемент системы стратегического баланса в Средиземноморье.

Военные действия и последующая оккупация продолжались почти два десятилетия, завершившись лишь к 1930 году. Формирование единой административной колонии, объединившей Триполитанию, Киренаику и Феццан, состоялось в 1934 году. После переворота 1969 года, когда к власти пришёл М. Каддафи, антиметропольные тенденции усилились.

Ввиду отсутствия внутреннего сопротивления, казалось, что главная опасность для нового правительства заключалась в возможности контрпереворота и восстановления монархии, спровоцированной бывшим королём Идрисом или его наследником Хасаном, который был взят под стражу во время переворота вместе с другими высокопоставленными гражданскими и военными официальными лицами королевского правительства, включая Абдул Азиза Шалхи.

Политические связи между Ливией и Италией со временем начали восстанавливаться. Существенную роль сыграл Б. Кракси — бывший глава

---

[110] Фомин А. М. Англо-французское военное планирование в Восточном Средиземноморье и в регионе Красного моря в преддверии Второй мировой войны: штабные переговоры в марте — июне 1939 года // Новая и новейшая история. 2025. № 3. С. 120–133.

Итальянской социалистической партии и премьер-министр, которому удалось выстроить прагматичные отношения с Триполи. Этот курс позднее продолжил С. Берлускони, сумевший придать двусторонним контактам устойчивый характер.

К началу XXI века между двумя странами установился своего рода политический диалог особого формата: М. Каддафи открыто называл С.Берлускони своим «близким другом» среди европейских руководителей. Личные отношения лидеров способствовали заключению ряда стратегических соглашений, определивших новые параметры сотрудничества — от энергетики до миграционной политики — и позволивших Италии стать для Ливии одним из приоритетных партнёров на европейском направлении.

В первую очередь, из них стоит упомянуть следующие:«Консульская конвенция» 1998 года[111], «Соглашение о поддержке и защите инвестиций»2000 года[112], «Соглашение по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией» 2000 года[113] (вступавшее в силу с декабря 2002 года), Протокол «О сдерживании нелегальной иммиграции»2007 года[114].

В конце 2007 года дипломатические отношения между Ливией и Италией вступили в новый этап. После многолетних переговоров, авансированных ещё при правительстве С. Берлускони и продолженных последующими кабинетами — Пизану, Проди, Д'Алемы и Амато, — стороны, наконец, достигли договорённости, к которой Рим стремился почти десятилетие. Итогом этих усилий стало подписание соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с

---

[111]Convention between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Consular Relations. Tripoli, 9 December 1998. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 2000, n. 54. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:accordo:1998-12-09; (дата обращения: 24.10.2025).

[112]Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on the Promotion and Protection of Investments. Rome, 4 December 2000. United Nations Treaty Series, Vol. 2149, p. 33. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202149/v2149.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

[113] Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. Rome, 13 December 2000. United Nations Treaty Series, Vol. 2149. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202149/v2149.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

[114]Protocol between the Ministry of the Interior of the Republic of Italy and the General People's Committee for Public Security of the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Cooperation to Prevent and Combat Illegal Immigration. Tripoli, 29 December 2007. Migration Policy Centre (EUI), Italy–Libya Agreements on Migration Control. URL: https://migrationpolicycentre.eu/is-it-time-for-italy-to-resume-anti-immigration-cooperation-with-libya/ (дата обращения: 24.10.2025).

нелегальной миграцией. Этот документ стал важным политическим жестом, закрепившим готовность обеих стран перейти от неформальных договорённостей силовых ведомств к официальной координации действий на уровне государств[115].

Если ранее взаимодействие ограничивалось оперативными договорённостями между силовыми структурами двух стран, то теперь достигнутый документ придал этим механизмам официальный характер. Соглашение предусматривало институционализацию сотрудничества правоохранительных органов засчет расширения их полномочий. Также предусматривалось выделение дополнительных ресурсов и увеличение персонала. Заключение этого соглашения совпало с избранием Ливии в состав Совета Безопасности ООН.

На тот момент Соединённые Штаты выступили главным сторонником политической реабилитации Ливии.Представители Переходного национального совета заявили, что намерены вознаградить страны, которые их признали в качестве законных представителей Ливии, а также те страны, которые участвовали в международном военном вмешательстве с целью подавления сопротивления Муаммара Каддафи.

Экономические и политические интересы оказались сильнее правозащитной риторики: европейские страны, и особенно Италия, стремились заручиться благосклонностью Триполи, рассматривая его как ключевого партнёра в борьбе с нелегальной миграцией через Средиземное море. В этих условиях вопросы защиты прав мигрантов, находящихся на ливийской территории или пытающихся покинуть страну, отошли на второй план. В течение многих лет Италия последовательно выстраивала систему взаимодействия с ливийскими властями, готовя почву для официального соглашения о совместных действиях против нелегальной миграции.

---

[115] Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. Rome, 13 December 2000. United Nations Treaty Series, Vol. 2149. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202149/v2149.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

В 2004 году был обнародован Закон № 271, который предписывал Министерству внутренних дел возможность финансирования создания втретьих странах «структур, полезных для целей борьбы с нерегулярными потоками миграционного населения на территорию Италии»[116].

Финансовая помощь, предоставляемая Италией Ливии, не была увязана с соблюдением прав мигрантов, ратификацией Женевской конвенции о статусе беженцев или приведением условий содержания задержанных к международным стандартам. Средства, выделенные в рамках данного сотрудничества, направлялись, в частности, на создание и поддержку, по меньшей мере, трёх центров содержания нелегальных мигрантов на территории Ливии, где систематические нарушения прав человека фиксировались на протяжении многих лет.

Факты ненадлежащего обращения с мигрантами подтверждались не только международными правозащитными организациями и журналистами, которым удавалось посетить эти центры, но и официальными лицами Италии,в частности, директором Службы внутренней безопасности (SISDE) - префектом М. Мори.

К середине 2000-х годов миграционная проблематика окончательно вышла на первый план в отношениях Рима и Триполи. К 2006 году, когда число погибших при попытках пересечения Средиземного моря достигло тревожных масштабов, Италия и Ливия уже наладили устойчивые каналы взаимодействия, выходящие далеко за рамки формальных дипломатических контактов. Обе стороны стремились преодолеть тягостное наследие колониального периода и заменить его сотрудничеством на основе прагматических соображений.

Ливия согласилась активно препятствовать мигрантам из стран Африки к югу от Сахары использовать страну в качестве транзитного маршрута в Италию в обмен на иностранную помощь и успешные попытки Италии добиться от Европейского Союза отмены торговых санкций в отношении Ливии.

---

[116]Legge 12 novembre 2004, n. 271. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 14 settembre 2004, n. 241, recante disposizioni urgenti in materia di immigrazione. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 13 novembre 2004, n. 266. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-11-12;271 (дата обращения: 24.10.2025).

Северная Африка давно стала ареной, где опасность терроризма сочетается с усилением государственного фундаментализма. Возникает фактический симбиоз между радикальными группировками и репрессивными структурами, подрывающий позиции гражданского общества — юристов, преподавателей, журналистов, политиков, отстаивающих демократические ценности и социальную справедливость.

Договорная база итало-ливийского взаимодействия в миграционной сфере складывалась постепенно, отражая стремление сторон превратить политические договоренности в систему взаимных юридических обязательств. Первым фундаментальным документом стало Соглашение между Правительством Итальянской Республики и Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией «О борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и нелегальной иммиграцией», подписанное в Риме 13 декабря 2000 года[117].

Документ зафиксировал общий принцип совместной ответственности за предотвращение нелегальной миграции и впервые включил обязательства по обмену оперативной информацией, взаимной выдаче лиц, участвующих в контрабанде мигрантов, и созданию координационных структур для морского патрулирования. Его положения впоследствии легли в основу всех последующих соглашений, закрепив саму возможность передачи Ливии функций по контролю за внешними границами Италии и Европейского союза.

В 2007 г. было принято решение о создании совместных оперативных центров и проведении морских патрулей в ливийских территориальных водах с участием итальянских экипажей. Тем самым была заложена модель делегирования элементов суверенного контроля – Ливия получила право использовать предоставленные Италией катера и оборудование, а итальянские офицеры – осуществлять наблюдение за ливийской береговой линией. Протокол стал первой попыткой институционализировать совместные действия в рамках

[117] Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/v2000.pdf(дата обращения: 24.10.2025).

единой правовой процедуры и рассматривается исследователями как прототип «внешней границы ЕС» на юге Средиземноморья.

Кульминацией договорного взаимодействия стал Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве между Итальянской Республикой и Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией, подписанный в Бенгази 30 августа 2008 года[118]. Документ стал юридической основой постколониального примирения и закрепил комплексный характер сотрудничества, включающий экономику, культуру и миграционную сферу. В статьях 19–23 Договора были предусмотрены совместные меры по борьбе с нелегальной миграцией, созданию центров временного размещения и реадмиссии мигрантов, а также финансирование инфраструктурных проектов за счет итальянских компенсаций в размере 5 млрд долларов США за период колониального управления.Документ юридически подтвердил распределение обязанностей: Италия обеспечивала материально-техническое оснащение и обучение, Ливия – оперативное пресечение незаконных переправ.

30 августа 2008 года Италия подписала Договор о дружбе, в котором признаётся и извиняется за ущерб, нанесённый ливийскому народу в период итальянского колониализма, и это был первый случай в истории, когда страна принесла извинения и выплатила компенсацию для тех, кто пострадал от колонизации.Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве между Италией и Ливией состоит из трех частей: общих принципов; завершение с прошлым и прекращение споров; и партнерство. Первая часть начинается с официального осуждения итальянской колонизации Ливии. Вторая часть содержит репарационный платеж в размере 5 млрд долларов, который должен выплачиваться ежегодными платежами в размере 250 млн долларов в течение 20-летнего периода.Третья, наиболее важная часть Договора касается партнерства. Страны планировали сотрудничать в областях культуры, экономики, науки.

---

[118] Treaty of Friendship, Partnership and Cooperation between the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, Benghazi, 30 August 2008. URL: https://security-legislation.ly/latest-laws/law-no-2-of-2009-on-ratifying-the-treaty-of-friendship-and-cooperation-between-the-great-socialist-peoples-libyan-arab-jamahiriya-and-the-republic-of-italy/ (дата обращения: 24.10.2025).

Основная область сотрудничества относится к иммиграции. Примечательно, что ливийское побережье должны патрулировать смешанные (ливийские и итальянские) экипажи на лодках, которые будут предоставлены Италией. Кроме того, сухопутные границы Ливии будут контролироваться с помощью спутниковой системы обнаружения, предоставленной как Европейским Союзом, так и правительством Италии.

Современная глобальная экономика во многом базируется не на принципах социального развития и справедливости, а на усилении милитаризации, этнизации конфликтов и поддержке авторитарных режимов, что сопровождается ростом репрессий, тюремного насилия и практик пыток. Это не способствует освобождению и развитию местного населения, вынужденного покидать родные земли из-за войн, политической нестабильности или деградации среды обитания. В западном мире при этом сохраняется тенденция к взаимодействию с режимами, не обладающими демократической легитимностью, под предлогом обеспечения «международной стабильности» и «внутренней безопасности», что одновременно гарантирует выгоды транснациональным корпорациям.

События 2011 года стали переломным моментом в историческом развитии итало-ливийских отношений. С.Кочеткова в рамках анализа внешнеполитической полемики в Италии относительно необходимости интервенции НАТО отмечает наличие глубоких разногласий в экспертной среде[119]. Часть итальянского истеблишмента рассматривала вмешательство как вынужденную меру, тогда как другие указывали на риски дестабилизации всего региона.

После 2011 года двусторонние механизмы сотрудничества получили свое оформление в рамках деятельности институтов Европейского союза. Совет ЕС и Европейская служба внешних действий инициировали миссию EUBAM Libya (European Union Border Assistance Mission).EUBAM Libya поддерживает ливийские власти в развитии управления границами и безопасности на сухопутных, морских и воздушных границах страны.

---

[119]Кочеткова С. Необходимость интервенции в Ливию в 2011. Взгляд из Италии // Материалы конференции «Школа молодого африканиста». 2018. № 9. С. 84–85.

В качестве гражданской миссии по управлению кризисными ситуациями с мандатом на наращивание потенциала, EUBAM оказывает помощь ливийским властям на стратегическом и оперативном уровнях. Работа осуществляется путем консультирования, обучения и наставничества ливийских коллег по укреплению пограничных служб в соответствии с международными стандартами и передовым опытом, а также путем консультирования ливийских властей по вопросам разработки национальной стратегии комплексного управления границами (МБМ).

С международно-правовой точки зрения эволюция итало-ливийских соглашений позволяет автору выделить три уровня регулирования.Во-первых, предметом соглашений являлась передача функций пограничного контроля.Во-вторых, формы сотрудничества варьировались – от межправительственных соглашений и протоколов до меморандумов и ратифицированных договоров.В-третьих, в этих документах можно обнаружить противоречие между соображениямигосударственной безопасности и обязательствами стран по правам человека.Таким образом, договорно-правовые актыотражают процесс внешней «европеизации» пограничного контроля и закрепляет за Ливией статус ключевого посредника в регулировании миграции на южных рубежах Европы[120].

Протокол, подписанный в Триполи, закрепил намерение Италии вывести сотрудничество с Ливией в сфере миграционного контроля на общеевропейский уровень. Документ предусматривал, что Рим станет инициатором решений в структурах Европейского союза, направленных на усиление борьбы с нелегальной миграцией, прежде всего посредством расширения участия в программах агентства FRONTEX, отвечающего за охрану внешних границ ЕС.

Документ закреплял институционализированную форму двустороннего сотрудничества, при которой оперативные действия на ливийской территории и в прибрежных водах получали совместное руководство, что позволяло Италии сохранять непосредственное участие в контроле миграционных потоков на подступах к Европе. Согласно условиям протокола, объединённое оперативное

---

[120] Высочина Е. С. Политика Италии в отношении Ливии (2011–2015 гг.): спец. 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)»: дис. … канд. ист. наук. 2022. С. 200.

командование получало широкие полномочия в сфере контроля над миграционными маршрутами в Средиземном море. В круг его обязанностей входила организация ежедневных тренировок и патрулирования прибрежных зон, а также координация действий смешанных экипажей. Командование наделялось правом отдавать распоряжения в ситуациях обнаружения или перехвата судов, перевозящих нелегальных мигрантов, обеспечивая оперативное реагирование на любые инциденты в акватории.

Помимо этого, структура должна была поддерживать постоянную связь с итальянскими силами, действующими в аналогичной сфере, и при необходимости запрашивать содействие морских и воздушных подразделений, размещённых на острове Лампедуза-ключевом пункте европейской системы противомиграционного наблюдения. Таким образом, соглашение не только институционализировало сотрудничество между Римом и Триполи, но и фактически интегрировало ливийские силы в систему внешнего пограничного контроля Европейского союза[121].

Подписанный в Триполи протокол фактически наделял «объединённые полицейские силы» полномочиями самостоятельно определять порядок взаимодействия с судами, перевозящими мигрантов, — без заранее установленных процедур и нормативных ограничений. Это означало, что решение о перехвате, осмотре или задержании судна принималось на месте, по усмотрению командования, что создавало значительные риски произвольного применения силы и нарушений прав мигрантов.

Заключённое между министром иностранных дел Италии и министром внутренних дел Ливии соглашение предполагалось включить в перечень международных договоров, предусмотренных Сводным законом об иммиграции, в частности статьями 2, 3 и 21, дополненными законом «Босси–Фини». Тем не менее подобные акты, особенно сопровождаемые оперативными протоколами, на практике часто вступают в противоречие с международно-правовыми нормами,

---

[121]Italy/Libya: DocumentsUnveilPost-GaddafiCooperationAgreementonImmigration, StatewatchNews, 13 Sept. 2012. URL: https://www.statewatch.org/news/2012/september/italy-libya-documents-unveil-post-gaddafi-cooperation-agreement-on-immigration/ (датаобращения: 24.10.2025).

регулирующими обращение с мигрантами и беженцами. Наиболее спорной оставалась практика возвращения задержанных лиц не в страны их гражданства, а в третьи государства, где отсутствуют гарантии правовой и физической безопасности.

Согласно положениям протокола, высылка не должна осуществляться в государства, где человек лишён возможности воспользоваться защитой, предусмотренной Женевской конвенцией о статусе беженцев. Однако данное ограничение носило формальный характер, поскольку Ливия не является участницей Конвенции, несмотря на членство в Организации африканского единства, устав которой лишь частично воспроизводит её гуманитарные принципы[122].

Существует серьёзная опасность, что совместные операции итальянских и ливийских патрулей приведут к практике коллективных высылок – и она подтвердилась. Факты того, что ливийские власти отказывались рассматривать ходатайства о предоставлении убежища, а репатриационные рейсы, финансируемые итальянским правительством, осуществлялись без учёта элементарных норм гуманитарного права, подтверждены отчётом Счётной палаты Италии и данными международных наблюдательных миссий.

В аналитическом докладе Ассоциации юридических исследований по вопросам иммиграции подчёркивается, что итало-ливийское соглашение, судя по официальным правительственным сообщениям, не содержит действенных механизмов мониторинга и не гарантирует защиту задержанных лиц[123]. Отсутствие прозрачных процедур и международного надзора делает реализацию протокола сомнительной с точки зрения соблюдения международных обязательств Италии и стандартов защиты прав беженцев.

---

[122]Коробов С. Влияние французской политики умиротворения Италии на Ливию и Эфиопию // Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества: Материалы XIX Всероссийской школы молодых африканистов, Москва, 25 ноября 2020 года. М.: ИнститутАфрикиРАН, 2020. С. 156.

[123]Associazione per gli Studi Giuridici sull’Immigrazione (ASGI).Il Memorandum Italia-Libia: profili di illegittimità e criticità sul piano del diritto internazionale e della tutela dei diritti fondamentali. 2017. URL: https://www.asgi.it (датаобращения: 03.03.2026).

После событий 2011 года двусторонние механизмы миграционного сотрудничества Италии и Ливии подверглись радикальной трансформации. Крах Джамахирии и разрушение единого государственного аппарата сделали невозможным сохранение прежней договорной системы, основанной на централизованной ответственности ливийской стороны. Возник вакуум управления, который европейские институты стремились восполнить посредством создания многосторонних инструментов стабилизации. Именно в этот период Италия стала выступать не только как национальный партнер, но и как проводник общеевропейской политики «внешнего контроля над миграцией», реализуемой через механизмы Европейского союза. Задачами миссии EUBAM Libya[124] стали консультирование и обучение ливийских структур безопасности, разработка нормативных актов по пограничному контролю, координация с Международной организацией по миграции и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

В рамках операции IRINI[125] Италия вновь выступила ключевым координатором взаимодействия между ливийскими и европейскими структурами. В отличие от предыдущих соглашений, операция IRINI опиралась на решения Совета ЕС и потому приобрела квазинормативный характер, придавая региональному управлению миграцией форму общеевропейской юридической ответственности.

Параллельно с участием в миссиях ЕС Италия продолжала инициировать двусторонние соглашения. После 2017 года были заключены новые меморандумы с Правительством Ливии, которые предусматривали совместное патрулирование

[124]European External Action Service. EUBAM Libya: Factsheet. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EUBAM-Libya-factsheet.pdf (датаобращения: 24.10.2025).

[125]Council of the European Union. Operation EUNAVFOR MED IRINI: Mandate Extension 2023–2025. Press Release 20 March 2023. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/03/20/council-extends-mandate-of-eu-military-operation-irini-in-the-mediterranean-until-2025/ (датаобращения: 24.10.2025).

прибрежных вод и профессиональную подготовку персонала ливийской береговой охраны[126].

Вслед за подписанием Меморандума о взаимопонимании между Италией и Ливией от 2 февраля 2017 года (далее — MoU 2017) начался целый ряд внешнеполитических соглашений и программ, направленных на сотрудничество в области миграции и безопасности границ между Ливией и внешними партнёрами. MoU 2017 предусматривал совместную борьбу с нелегальной миграцией, сотрудничество по возвратам и усилению морской охраны Ливийской береговой охраны[127].

Период гражданской войны 2015–2020 гг. продемонстрировал отсутствие консенсуса внутри Европейского союза по ливийскому вопросу. По оценке К.Н.Гасанова, европейская политика в этот период характеризовалась неоднородностью позиций государств-членов и конкуренцией национальных интересов[128].

Начиная с 2020-х гг.политика Европейского союза (ЕС) по поддержке Ливии претворялась в жизнь через программу «Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe» (NDICI) на период 2021–2027 гг.. В частности, в рамках NDICI-Global Europe ЕС выделил Ливии 65 млн евро[129].

Также заслуживает упоминания решения Совета ЕС о продлении мандата миссии EUBAM Libya (European Integrated Border Management Assistance Mission in Libya) до 30 июня 2027 года — это решение демонстрирует готовность ЕС

---

[126]Government of Italy; Government of National Accord of Libya.Memorandum of Understanding on Migration Cooperation. Rome–Tripoli, 2 February 2017. URL: https://www.repubblica.it/static/2020/immigrazione/Memorandum_Libia_2017.pdf (датаобращения: 24.10.2025).

[127] Memorandum of Understanding between the Italian Republic and the State of Libya on cooperation in the fields of development, the fight against illegal immigration, human trafficking and fuel smuggling and on reinforcing the security of borders. 2 Feb. 2017 // EU Migration Law Blog. URL: https://eumigrationlawblog.eu/wp-content/uploads/2017/10/MEMORANDUM_translation_finalversion.doc.pdf (датаобращения: 10.10.2025).

[128] Гасанов К. Н. Европейское единство во время гражданской войны в Ливии (2015–2020 гг.) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 3. С. 46–62.

[129] Libya Agreements and Their Impact on Italy’s Migration Policy // Polish Institute of International Affairs (PISM). 4 Nov. 2019. URL: https://www.pism.pl/publications/Libya_Agreements_Impact_on_Italys_Migration_Policy (дата обращения: 10.10.2025).

продолжать взаимодействия по вопросам безопасности границ и борьбы с трансграничной преступностью[130].

Сотрудничество Италии и ЕС с Ливией воплощается через «экстернализацию» миграции. Например, в 2023 году открылось, что ЕС передал береговой охране Ливии спасательное судно и пообещал ещё четыре, несмотря на сообщения о нарушениях прав человека.

Таким образом, соглашения и программы 2017-2025 гг. демонстрируют эволюцию внешнеполитической стратегии Ливии: от первоначального двустороннего соглашения с Италией (MoU 2017) к многоуровневому сотрудничеству с ЕС по поддержке управления границами, безопасности и миграционного контроля. Важно отметить, что подобные соглашения приобрели статус автоматического продления — например, MoU 2017 предусматривало автоматическое продление ещё на три года в 2025 году.

Характерной чертой современного этапа стало сочетание гуманитарной риторики с безопасностной практикой. При поддержке Европейской комиссии и Международной организации по миграции реализуются программы добровольного возвращения и реинтеграции мигрантов, однако условия содержания лиц, перехваченных в ливийских центрах, неоднократно подвергались критике со стороны правозащитных структур.

Вопреки намерениям ее архитекторов, миссия EUFOR Libya обернулась провалом и продемонстрировала неспособность ОПБО в ее настоящем виде к самостоятельным действиям. Грубые ошибки были допущены даже не на стадии планирования, а на стадии концептуального оформления миссии. В частности, существовало противоречие между характером миссии и ее задачами. Де-юре EUFOR Libya являлась военной операцией, но преследовала политические и гуманитарные цели.

Стратегический контроль миссией осуществляли органы ОПБО ЕС - Комитет политики и безопасности, Военный комитет. При этом миссия была

---

[130] European Neighbourhood Policy: Libya // European Commission. 2023. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/libya_en (дата обращения: 10.10.2025).

поставлена в зависимость от Управления ООН по координации гуманитарных вопросов и не могла действовать без его согласия.

Анализ участия НАТО и ЕС в ливийском кризисе подтверждает тезис о складывании своеобразного «разделения труда» между ними, в котором НАТО наносит решающий военный удар, а ЕС выступает в роли миротворца. Поскольку нестабильная обстановка в Ливии задевала больше европейские, чем американские интересы, правительство США уклонилось от прямого единоличного вмешательства в дела данного государства, тем самым подтолкнув европейские страны к тому, чтобы они признали свою региональную ответственность и взяли на себя лидерство в урегулировании ливийского кризиса.

Современные соглашения с Правительством национального согласия и миссии ЕС по стабилизации Средиземноморья унаследовали структурные ограничениях предыдущих актов, в рамках которого ливийское направление признавалось.ключевым, но одновременно проблемным элементом европейской миграционной политики[131].

[131]Ливия после Каддафи / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. С. 256.

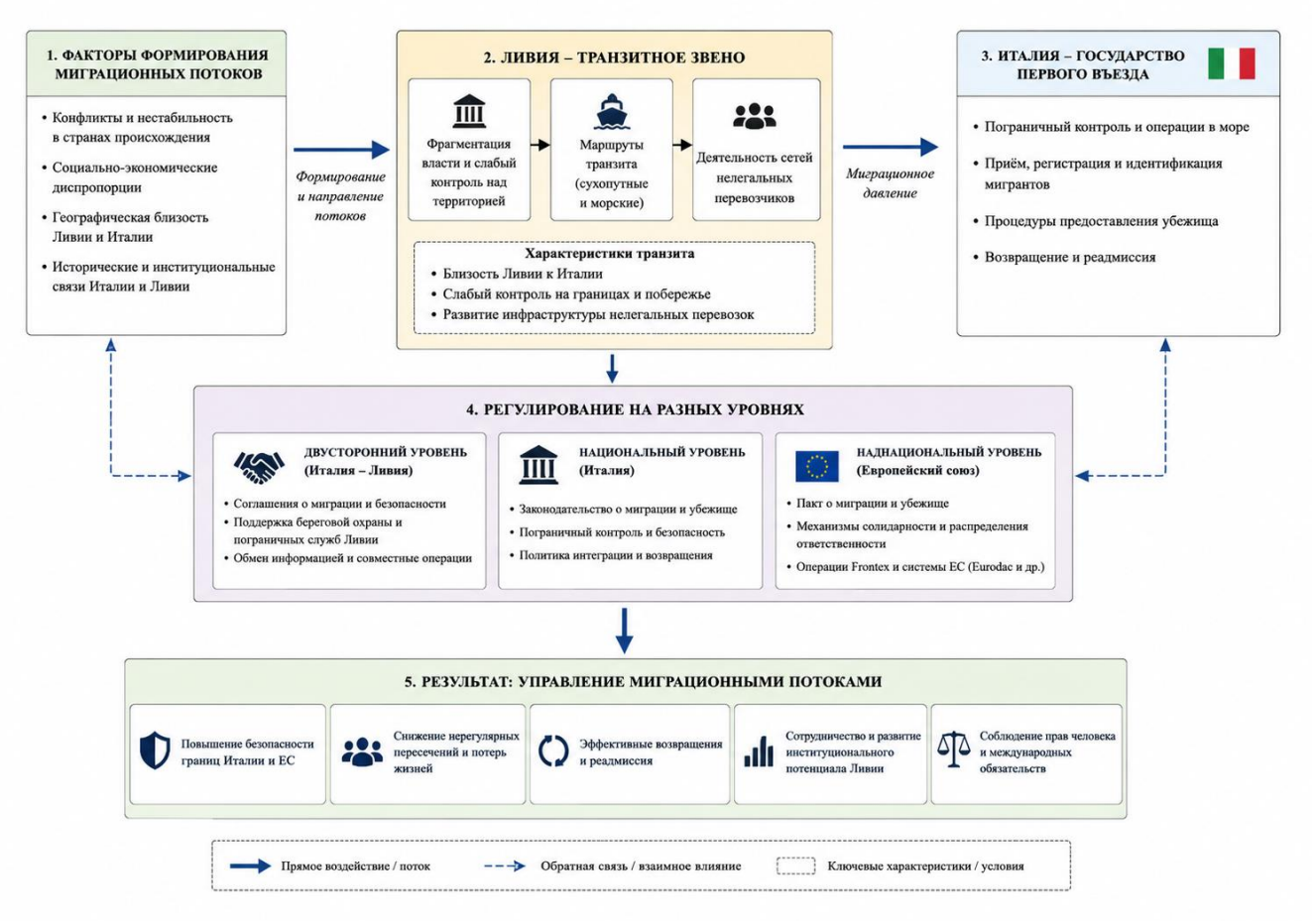

Рисунок 1. Многоуровневая система миграционных потоков Италия–Ливия–ЕС. Составлено диссертантом

В последние годы Италия сначала активно поддержала процесс ООН, который привел к формированию триполитанского ПНС.Особенность итальянской модели заключается в постоянной адаптации законодательства к изменяющимся геополитическим обстоятельствам. Во-первых, конституционно-правовые основания миграционной политики Италии отражают двойственную обязанность государства — защищать суверенитет и обеспечивать права человека. Как указывает И.С. Иксанов, Италия, будучи поздним актором на европейской миграционной сцене, быстро оказалась перед необходимостью выработать правовую основу для регулирования въезда, пребывания и интеграции иностранцев[132]. Это, по его мнению, стало следствием не только внутренних

[132] Иксанов И. С. Конституционно-правовое регулирование миграции в Республике Италии // Российский судья. 2020. № 11. С. 48.

потребностей, но и обязательств по международным конвенциям, к которым Италия присоединилась в процессе углубления региональной интеграции. Итальянское законодательство о гражданстве, описанное исследователем, отражает компромисс между стремлением сохранить контроль над входящими потоками и обязанностями по защите прав иностранцев, включая вопросы социальной адаптации и недискриминации.

Правовой инструментарий миграционной политики Италии формировался на протяжении десятилетий и включает как общие положения о статусе иностранцев, так и специализированные акты, направленные на регулирование различных аспектов миграционных потоков. Е.Ю. Царёва подчёркивает, что ранняя итальянская миграционная политика характеризовалась крайней либеральностью по отношению к туристическим и трудовым потокам, что в условиях растущего давления нелегальных маршрутов оказало значительное влияние на демографическую и социально-экономическую ситуацию страны. По её оценке, запретительные меры, принимаемые в XIX–XXI вв., не дали желаемого результата и лишь стимулировали нелегальные миграционные процессы, что стало стимулом к разработке более комплексной правовой стратегии[133].

Элементом итальянской правовой архитектуры является акт о статусе иностранцев, который включает положения о выдаче виз, регулировании трудовой деятельности, социальной интеграции и защите от дискриминации. Е.В. Данилова и В.В. Данилов дают аналитическую оценку современной миграционной ситуации, подчёркивая, что миграционная проблема для Италии уже не является эпизодом, а приобрела структурный и долгосрочный характер[134]. С их точки зрения, правовое регулирование должно выступать не только инструментом ситуативного реагирования на кризисы, но и основой для выработки превентивных мер, направленных на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации как внутри Италии, так и в странах

---

[133] Царёва Е. Ю. Нормативно-правовые основы миграционной политики в Италии // Право и политика. 2014. № 10. С. 1499.

[134] Данилова Е. В., Данилов В. В. Правовые основы миграционной политики Италии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 10(74). С. 2899.

происхождения мигрантов.Эта точка зрения особенно значима в контексте итало-ливийского взаимодействия, поскольку она ориентирует дискуссию на более широкие правовые рамки и институциональные обязательства, выходящие за пределы узкопрофильных миграционных законов.

А.Ю. Ястребова подчёркивает, что международные механизмы регулирования миграции первоначально формировались именно в ответ на глобальные движения населения[135]. Это позволяет вывести правовое регулирование на уровень не только национального, но и международного взаимодействия, что в случае Италии становится особенно актуальным при анализе её двусторонних и многосторонних соглашений с Ливией и государствами Европейского союза. Отличительной чертой итальянской модели является попытка синтезировать требования национального законодательства и международно-правовые стандарты.

Увеличение влияния незападных акторов на ливийской сцене рискует привести к тому, что Италия и другие европейские страны потеряют ту роль, которую они себе отвели по отношению к различным ливийским коллегам. Однако Триполи по-прежнему имеет жизненно важное значение для европейских интересов, и, в частности, для Италии, с точки зрения экономики, энергетики и контроля над миграционными потоками.

Выводы по первой главе.

1. Анализ эволюции колониального присутствия Италии в Ливии показывает, что колониализм следует рассматривать не как завершенный исторический феномен, а как устойчивую систему политического и пространственного наследования, формирующую логику взаимодействия между двумя государствами до настоящего времени. Закрепленные в колониальную эпоху границы, институциональные модели и дискурсивные представления о «цивилизаторской миссии» создали структурную основу асимметрии, которая воспроизводится в формах экономической зависимости, миграционных

[135] Ястребова А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 213.

соглашений и стратегической риторики о «средиземноморском предназначении» Италии. В этом смысле Ливия стала фактором формирования итальянской идентичности, через который воспроизводится политическая и культурная преемственность метрополии–колониальноенаследие определяет современное состояние ливийской государственности, превращая итало-ливийские отношения в модель долговременной постколониальной взаимозависимости.

2. Эволюция ливийской государственности после 1951 года позволяет рассматривать миграционные процессы как результат совокупного действия политических, экономических и социально-культурных факторов, укоренённых в специфике постколониального развития. К числу политических факторов относится институциональная нестабильность, выражавшаяся в ограниченной автономии монархического режима, последующей милитаризации власти при Джамахирии и, особенно, в распаде централизованного управления после 2011 года. Ослабление механизмов контроля над территорией, конкуренция центров власти, фрагментация вооружённых формирований и постоянное вмешательство внешних акторов сформировали условия, при которых миграция стала инструментом внешнеполитического давления и элементом регионального баланса. Экономические факторы связаны, прежде всего, с нефтяной моделью развития. В условиях санкций 1980–1990-х гг. и последующего кризиса государственности экономическая стагнация и рост безработицы способствовали трансформации Ливии из страны-реципиента рабочей силы в транзитное пространство нелегальной миграции. Социально-культурные факторы проявились в сохранении племенной и региональной фрагментации, слабости механизмов национальной интеграции и в напряжённости между модернизационными проектами государства и традиционными структурами. В условиях ослабленного суверенитета миграция выполняет двойную функцию: она отражает внутреннюю дезинтеграцию и одновременно становится инструментом внешнеполитической маневренности.

3. Эволюция договорно-правовых основ итало-ливийского сотрудничества в миграционной сфере демонстрирует переход от оперативных форм

взаимодействия к многоуровневой системе квазинормативного регулирования, в которой границы между национальной и международной юрисдикцией утрачивают чёткость. Последовательная институционализация соглашений — от полицейских протоколов 2000-х гг. до соглашений с Правительством национального согласия и миссий ЕС — превратила Ливию из объекта гуманитарной политики в функционального посредника по обеспечению европейской безопасности. При этом юридическая архитектура взаимодействия сохраняет асимметрию: делегируя Ливии полномочия по контролю над миграцией, Италия и Европейский союз фактически создают механизм внешнего исполнения своих обязательств без адекватных гарантий прав мигрантов. Сочетание правовой формализации и политического прагматизма формирует особую модель «экстернализированного суверенитета», в которой управление миграцией становится инструментом распределённой ответственности между национальными и наднациональными структурами.

ГЛАВА 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И СЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

2.1. Конфликтогенность в странах Ближнего и Среднего Востока как имманентный фактор вынужденных миграций

Политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки на протяжении последних десятилетий напоминает неустойчивую конструкцию, где любое смещение сил мгновенно вызывает цепную реакцию кризисов. Здесь сосредоточено множество противоречий, укоренённых в историческом опыте раздела территорий, ресурсной зависимости и неравномерного социального развития. Сложившиеся после распада колониальных империй государства унаследовали границы, не соответствующие реальной структуре общества, а вместе с ними — конфессиональные и этнические линии разлома, которые с каждым десятилетием лишь усиливались. В отличие от иных регионов мира, здесь так и не сложился устойчивый баланс между модернизацией и традиционными формами политического существования.

Власть, опиравшаяся на закрытые элиты и авторитарные механизмы управления, десятилетиями подавляла внутренние конфликты, не устраняя их источников. Утрата социальной мобильности, монополизация ресурсов и зависимость экономики от экспортных потоков нефти и газа создавали систему, лишённую внутренних компенсаторов. Поэтому, когда в начале 2010-х годов вспыхнули массовые протесты, они быстро переросли в масштабные политические катастрофы.

Серия переворотов, гражданских войн и внешних интервенций смела прежнюю архитектуру власти, открыв эпоху неопределённости, в которой понятие «государственность» перестало быть гарантией стабильности.В современных условиях миграционные процессы всё в большей степени приобретают свойства фактора региональной безопасности. В этой связи обоснованным представляется вывод В.В. Огневой и А.А. Эрендженова о том, что

противодействие трансформирующимся угрозам требует «обновленных подходов к стратегии согласованных действий всех органов публичной власти и общества»[136].

Конфликтность региона не исчерпывается рамками отдельных государств. Она вырастает из сложного взаимодействия локальных противоречий с интересами крупных держав, для которых Ближний Восток и Северная Африка остаются стратегическим пространством контроля над энергетическими потоками, торговыми коридорами и идеологическим влиянием. Каждый кризис — от Сирии до Ливии — становится ареной соперничества внешних акторов, которые, вмешиваясь под предлогом миротворчества, закрепляют новую иерархию сил. Так формируется особая форма нестабильности — управляемая, но перманентная, где политическая турбулентность используется как средство перераспределения сфер влияния[137].

Внутренняя ткань общества также претерпела разрыв. Старая система социального контракта — обмен политической лояльности на минимальные гарантии безопасности — разрушилась, а новая не возникла. Современное состояние региона — это не череда отдельных войн, а единый кризисный процесс, где каждое событие отражается на соседних территориях. Граница между внутренней политикой и внешним влиянием здесь почти стёрта, а насилие стало инструментом поддержания хрупкого равновесия.

От понимания этой динамики зависит способность Европы, и прежде всего Италии, выработать реалистичную политику в сфере миграции, безопасности и гуманитарного сотрудничества. Именно поэтому исследование политического конфликта на Ближнем Востоке и Северной Африке выступает не столько предметом регионального анализа, сколько ключом к осмыслению новых механизмов глобальной нестабильности.

---

[136]Огнева В.В. Эрендженов А.А. Тенденции изменений в реализации политики безопасности регионов российского пограничья в контексте политического кризиса вокруг Украины // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 3.

[137] Хришкевич Т. Г. Миграционный кризис 2014–2016 гг. в Европейском Союзе как «экзистенциальная» угроза для прибалтийских государств // Клио. 2023. № 12(204). С. 83.

Сложившаяся ситуация может быть интерпретирована через несколько взаимодополняющих теоретических оптик, каждая из которых позволяет выявить структурные закономерности трансформации государственности и международной мобильности населения.

Прежде всего, мир-системный подход И. Валлерстайна рассматривает международную систему как иерархически организованную структуру, в которой государства занимают позиции «центра», «полупериферии» и «периферии»[138]. В этой логике страны Северной Африки и Ближнего Востока оказываются встроенными в периферийную или полупериферийную зону глобального капиталистического хозяйства, поставляющую сырьевые ресурсы и рабочую силу.

Миграционные потоки в таком случае выступают не случайным следствием конфликтов, а элементом воспроизводства мировой экономической структуры. Разрушение государственных институтов в Ливии или Сирии не выводит их из системы, а лишь усиливает зависимость от центров накопления капитала. Италия, будучи частью европейского ядра, одновременно оказывается пограничным пространством, где мир-системная асимметрия материализуется в виде миграционного давления. В рамках этой теории миграция выступает формой перераспределения рабочей силы внутри глобального разделения труда, а нестабильность периферии — условием поддержания динамики центра.

С позиций политического реализма кризисы региона интерпретируются через призму борьбы за власть и безопасность. Г. Моргентау подчёркивал, что международная политика определяется стремлением государств к усилению своей мощи[139]. Э. Карр указывал на неизбежность конфликта интересов в условиях неравномерного распределения силы[140].

Р. Нибур акцентировал внимание на моральной амбивалентности внешнеполитических решений, а Г. Роуз в рамках неореализма рассматривал

---

[138]Валлерстайн И. Мир-система современности. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 34–39.
[139]Моргентау Г. Политика между нациями: борьба за власть и мир. М.: АСТ, 2009. С. 27–31.
[140]Карр Э. Двадцатилетний кризис 1919–1939. М.: Территория будущего, 2007. С. 95–101.

поведение государств как реакцию на структурные ограничения международной системы[141]. В этой парадигме вмешательство внешних акторов в Ливии и Сирии объясняется не идеологическими мотивами, а расчётом стратегических выгод — контролем энергетических потоков, морских коммуникаций и зон влияния. Миграция при этом становится побочным, но управляемым инструментом геополитической конкуренции.

Потоки беженцев могут использоваться как средство давления, или как элемент переговорной тактики в отношениях между государствами. Реалистическая перспектива позволяет увидеть в миграционном кризисе не только гуманитарную проблему, но и инструмент перераспределения силы в средиземноморском пространстве. А.Г. Лихоносов, Н.А. Васецкий и Ю.Ф. Пивоваров отмечают, что «жизнеустойчивость политических систем сильнее при наличии в системе политического „люфта“»[142].

Иной ракурс предлагает социальный конструктивизм, фокусирующийся на роли идентичности и дискурса в формировании политической реальности. Б.Андерсен в работе о «воображаемых сообществах» показал, что нация является результатом символического конструирования[143]. Р. Брубейкер анализировал национализм как процесс политической категоризации и мобилизации[144]. Х. Бхаб в концепции культурной гибридности подчёркивал, что постколониальные общества формируются в пространстве пересечения идентичностей[145]. С этой точки зрения миграция — не только движение населения, но и трансформация границ коллективной идентичности. В европейском дискурсе она порождает переосмысление категории «мы» и «другие», а в странах происхождения усиливает поиски альтернативных форм принадлежности. Конфликты региона, таким образом, приобретают дополнительное измерение: борьба идёт не только за

---

[141]Современные теории международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 64–70.
[142] Лихоносов А.Г., Васецкий Н.А., Пивоваров Ю.Ф. Применение системной методологии для исследования политических процессов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 5. С. 24.
[143]Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 24–30.
[144]Брубейкер Р. Национализм как политика и практика. М.: Логос, 2012. С. 18–25.
[145]Бхабха Х. Местоположение культуры. М.: Логос, 2003. С. 54–60.

территорию и ресурсы, но и за интерпретацию исторического опыта и символического наследия.

Теории регионализации позволяют рассматривать Средиземноморье как особое пространство, где формируются специфические формы межгосударственного взаимодействия. Ф. Сёдербаум анализирует регион как социально сконструированную единицу, возникающую через институциональные и политические практики[146]. Л. ван Лангенховеподчёркивает роль «регионального актора» в глобальной системе[147]. Ф. Бэрт, исследуя границы этнических групп, обращал внимание на их подвижность и функциональность[148]. В рамках этих подходов Средиземноморье предстает не просто географической зоной, а ареной конкурирующих проектов регионального порядка. Миграционная политика ЕС, миссии по контролю морских границ и соглашения с государствами Северной Африки формируют новую модель «экстернализированного» управления пространством.Италия в этой конфигурации оказывается посредником между европейским центром и южной периферией, а регионализация приобретает характер асимметричного партнёрства.

Специальные теории международной миграции акцентируют внимание на структурных и сетевых механизмах перемещения населения. Д. Массей в рамках теории кумулятивной причинности показал, что миграция имеет самовоспроизводящийся характер: каждое перемещение создаёт предпосылки для следующего[149]. С. Робинсон (в ряде исследований по миграционным системам) анализировал формирование устойчивых транснациональных сетей, связывающих страны происхождения и назначения[150]. В более широком политико-экономическом ключе исследователи подчёркивают, что миграционные процессы закрепляются институционально через соглашения, диаспоры и экономические интересы.

---

[146]Сёдербаум Ф. Теория нового регионализма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 41–48.
[147]Лангенхове Л. ван. Создание регионов в международной политике. М.: Весь Мир, 2013. С. 72–79.
[148]Европейский союз в глобальной политике / под ред. Н. Ю. Кавешникова. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 215–222.
[149]Массей Д. и др. Миры в движении: международная миграция в конце тысячелетия. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 44–51.
[150]Теории международной миграции / под ред. О. Д. Воробьевой. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 97–104.

Таким образом, миграция из стран Северной Африки в Италию не сводится к реакции на кризис 2011 года; она встроена в более долгосрочные сети и каналы, поддерживаемые как формальными договорами, так и неформальными связями.

Сопоставление этих теоретических направлений позволяет выделить несколько тенденций в развитии миграционной теории. Во-первых, происходит отход от узкоэкономических объяснений в пользу комплексных моделей, учитывающих политические, культурные и институциональные факторы. Во-вторых, усиливается внимание к взаимосвязи между глобальной структурой неравенства и локальными конфликтами.

В работах М. Линча, К. Андерсона, Ф. Гаффни и ряда других авторов неоднократно подчеркивается, что «гибридизация» конфликтов — сочетание локальной борьбы за власть, внешнего вмешательства и транснациональных сетей — создаёт такое сочетание факторов, при котором миграция становится не побочным следствием, а встроенным элементом конфликтной динамики[151]. С данным тезисом диссертант в целом согласен, поскольку ситуация в Ливии демонстрирует утрату монополии на насилие как причину долговременных волнообразных перемещений населения.

В то же время У. Лакер и Б. Рубин интерпретируют региональные кризисы в общем контексте внешнего вмешательства. Они считают, что миграционные импульсы обеспечиваются конкуренцией внешних держав за контроль над ресурсами и политическими ориентирами региональных акторов[152]. Как показывают данные IOM и UNDP, более 60% перемещений внутри региона происходят из мест с разрушенными административными функциями[153].

Отдельного внимания заслуживают оценки региональных политиков, которые активно используют миграционную тематику для продвижения собственных интересов. Так, премьер-министр Ливии Ф. Башага в

---

[151] Lynch M., Anderson K., Gaffney F. Hybrid Conflict Dynamics in the MENA Region. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies, 2020. P. 14–16.

[152] Laqueur W., Rubin B. The Middle East in Crisis: External Interventions and Regional Instability. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2019. P. 87–92.

[153] United Nations Development Programme; International Organization for Migration.Governance Fragility Assessment in the Middle East and North Africa.UNDP–IOM Joint Report. New York: UNDP Press, 2021. P. 33–38.

2022 г.утверждал, что «миграционный кризис является следствием действий ЕС, который ограничил возможности сотрудничества»[154]. Такой взгляд смещает ответственность за последствия внутреннего конфликта на внешних акторов и позволяет региональным элитам нивелировать собственную роль в сохранении институциональной нестабильности. Однако эмпирическая база указывает на обратное: увеличение потоков совпало с периодами усиления внутренней борьбы между правительствами в Триполи и Тобруке, а не с изменениями в политике ЕС по отношению к региону.

Международные гуманитарные организации также формируют важную часть экспертного поля. Представители Médecins Sans Frontières, Amnesty International и Human Rights Watch[155] в своих публикациях указывают на то, что насилие на Ближнем Востоке нельзя рассматривать исключительно как фактор, генерирующий миграцию; оно формирует «архитектуру вынужденности», когда человек оказывается в ситуации, где миграция — единственная стратегия физического выживания. Этот подход позволяет избежать редукции миграции к экономическим мотивам и обращает внимание на разрушение социальных сред, в которых проживают уязвимые группы.

Противоположную позицию занимают некоторые исследователи реалистской школы, например Э. Посснер[156] и Дж. Миршаймер[157], которые указывают, что миграция в регионе носит преимущественно рациональный характер и формируется в условиях перераспределения силовых ресурсов. Однако такой подход, по мнению диссертанта, не может объяснить миграцию из зон, в которых отсутствуют военные порядки и где перемещения стимулируются исчезновением элементарных условий для жизни.

---

[154]Bashagha F. Public Speech on State Security and Migration Policy, Tripoli, 2022. Transcript published by Libya Observer. P. 2–3.

[155]Amnesty International. Syria: Human Rights and Forced Displacement. London: Amnesty International Publications, 2021. P. 41–46; Médecins Sans Frontières. Mediterranean SAR Operations: Annual Report 2020. Geneva: MSF, 2021. P. 23–25; Human Rights Watch. “We Lived on the Edge”: Structural Vulnerabilities and Forced Migration in MENA. New York: HRW, 2020. P. 50–54.

[156]Posner E. Rational Choice Perspectives on Forced Migration. Chicago: University of Chicago Press, 2020. P. 73–75.

[157] Mearsheimer J. Great-Power Competition and Displacement: A Realist Interpretation. New York: Columbia University Press, 2021. P. 118–123.

Таким образом, интеграция разных подходов позволяет сформулировать авторский вывод: конфликтогенность региона представляет собой системное состояние, в котором разнообразные факторы взаимодействуют таким образом, что миграция становится структурным элементом политической системы. Именно поэтому рассматривать миграцию только через призму гуманитарного давления или экономических факторов недостаточно; она выступает в качестве индикатора глубинных политических трансформаций, а её динамика отражает степень устойчивости государств региона.

Развитие теоретико-аналитической части исследования требует развернутой интерпретации ключевых категорий миграционной проблематики, поскольку политическая наука анализирует миграцию через систему понятий, отражающих причины, формы и механизмы мобильности населения. В отечественной и зарубежной литературе существуют разные подходы к определению миграции. Классическое понимание, восходящее к работам Э. Ли, рассматривает миграцию как территориальное перемещение человека, сопровождающееся сменой социального пространства и институциональной принадлежности[158]. Однако современная политическая наука трактует миграцию шире — как формализованный и неформализованный процесс трансграничной мобильности, регулируемый совокупностью национальных и международных норм[159].

В рамках данного исследования используется уточнённое автором определение: миграция — это *процессперехода индивидов и целых социальных групп через политико-административные границы, имеющиймасштабные социальные последствия для государств происхождения и государств прибытия*.

Понятие «международная миграция» традиционно связано с пересечением государственных границ. По определению ООН, это перемещение длительностью более в 12 месяцев[160]. Однако диссертант считает необходимым уточнить, что в условиях современных конфликтов международная миграция нередко приобретает спорадический характер: перемещения могут быть цикличными,

---

[158] Lee E. A Theory of Migration. Berlin: Springer, 1966. P. 21–23.
[159] Castles S., Miller M. The Age of Migration. New York: Guilford Press, 2019. P. 14–17.
[160]United Nations.International Migration Report 2022. New York: UN DESA, 2022. P. 5–7.

поэтому возникает необходимость включения в дефинициипризнака политической обусловленности — поскольку решения мигрантов всё чаще формируются под воздействием внешнеполитических факторов.

Особое место занимает «вынужденная миграция», которую UNHCR описывает как перемещение под влиянием угроз для жизни, преследования[161]. В политологическом плане вынужденная миграция включает не только юридически оформленные статусы (беженцы, лица, ищущие убежища), но и группы, не охватываемые международным правом, но подвергающиеся структурному насилию.

Диссертант исходит из расширенного подхода, предполагающего, что вынужденная миграция — это не просто бегство от непосредственной угрозы, но результат разрушения политических институтов и социальной инфраструктуры, что особенно характерно для Ливии, Сирии и Судана.

М.Л. Лагутина и Е.Б. Михайленко подчеркивают, что в условиях глобальной эпохи «глобализация и регионализация становятся взаимно обусловливающими друг друга процессами»[162]. Тем самым регион перестает быть лишь географической категорией и превращается в динамическую форму организации политического пространства, внутри которой перераспределяются функции безопасности, контроля и нормативного регулирования, включая сферу миграции. Авторы отмечают, что современный регионализм формируется как сложная «многоуровневая конструкция», постепенно сложившаяся в процессе эволюции регионализма. Регионализация в данном случае выступает институциональной рамкой, в пределах которой формируется политика «внешнего контура» контроля.

М.С. Савоскул подчеркивает междисциплинарный характер миграционных исследований и указывает, что во второй половине XX века «возникают теории, обобщающие оба исследовательских уровня, например синтетическая теория

---

[161]UNHCR. Global Trends: Forced Displacement 2023. Geneva: UNHCR, 2023. P. 12–15.

[162]Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 2. С. 263.

миграции Дугласа Массея»[163]. Под выталкивающими факторами понимаются политическое или религиозное преследование, экономические кризисы, гражданские войны, военные конфликты, природные катастрофы и т.д.

С другой стороны, притягивающие факторы связаны с «политической стабильностью, экономическим благосостоянием, лучшими условиями работы», что в средиземноморском измерении соотносится с восприятием Европы как пространства правовых гарантий и социального обеспечения.

Категория «беженцы» имеет строгое юридическое содержание — лица, подпадающие под защиту Женевской конвенции 1951 года. На практике же в странах Средиземноморья статус беженца часто используется как «переходная категория».

Конвенция даёт определения понятия «беженец» и устанавливает общие основания, на которых предоставляется статус беженца. Конвенция запрещает какую-либо дискриминацию в отношении беженцев. Частью прав беженцы пользуются наравне с гражданами принимающей их страны, частью — на тех же условиях, что и иностранцы. Конвенция допускает высылку беженца в интересах государственной безопасности, но запрещает их возвращение в государство, из которого они бежали, опасаясь преследования.

В классическом понимании трудовая иммиграция предполагает въезд с целью поиска работы, занятости. Однако современная средиземноморская миграция демонстрирует высокий удельный вес лиц, прибывающих без законных оснований, что соответствует выводам Европейской комиссии о «структурной зависимости Европы от низкоквалифицированного иностранного труда»[164].

Термины «незаконная» или «нелегальная миграция» активно обсуждаются в дискурсе международных организаций. IOM и UNHCR рекомендуют замену термина на «irregular migration» как менее криминализирующий[165].

---

[163]Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в // Региональные исследования. 2015. № 4(50). С. 56.
[164]European Commission.Labour Market and Skills in the EU.Brussels, 2021. P. 44–47.
[165]International Organization for Migration.Glossary on Migration. Geneva: IOM, 2019. P. 24–26.

В настоящей работе используется термин «незаконная миграция» исключительно в его юридическом значении — как пересечение границы без разрешения — при чётком разграничении его от криминальных схем перевозки. Такое терминологическое уточнение позволяет избежать смешения юридического статуса мигранта и характерной для региона деятельности контрабандистских сетей.

Понятия «иммиграционная политика», «адаптация мигрантов» и «миграционная карта» также требуют интерпретации. Иммиграционная политика в странах ЕС представляет собой многоуровневый комплекс мер безопасности, квотирования, интеграции и международного сотрудничества, формируемый как национальными правительствами, так и наднациональными институтами.

Под адаптацией мигрантов диссертант понимает предоставление доступа к правовым процедурам, службам здравоохранения и механизмам защиты прав. Миграция охватывает все сферы жизни общества, привнося изменения в общественные структуры и изменяя жизнь отдельной личности. В этом процессе важны практики и стратегии адаптации мигрантов, основные факторы отдельной адаптации.

В равной степени определяющим является как выстраивание стратегии адаптации самих мигрантов, так и признание различий и уважение к культуре и традициям приезжих местного населения. Адаптацию невозможно рассматривать как однозначно позитивный процесс.

По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в январе 2025 года морем в Италию прибыло 3479 человек[166]. В течение первых месяцев года были зафиксированы колебания числа прибытий, однако к осени совокупный показатель стабилизировался на уровне около 66 тыс. человек[167]. Одновременно международные мониторинговые структуры отмечали сохраняющуюся высокую смертность на маршруте, превышающую тысячу

---

[166]United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Italy: Sea arrivals dashboard – January 2025. URL: https://data.unhcr.org/fr/documents/download/115692 (дата обращения: 10.01.2026).

[167]United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Operational Data Portal: Mediterranean Situation – Italy 2025 Overview. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean/location/5205 (дата обращения: 10.01.2026).

зафиксированных случаев гибели в акватории Средиземного моря в 2025 года.[168]. Таким образом, 2025 год не стал периодом снижения интенсивности центрально-средиземноморского направления, а скорее продемонстрировал его устойчивость к изменениям политической конъюнктуры и усилению мер пограничного контроля, что сохраняет его значимость для анализа миграционной политики Италии и Европейского союза в целом.

Эти объёмы передвижения спровоцировали в Италии масштабную политическую и общественную дискуссию о механизмах управления миграцией, распределении ответственности между институтами Европейского союза и возможностях национальной системы адаптации мигрантов. Тем временем, на Ближнем Востоке и в Северной Африке за последние годы произошёл ряд событий, радикально изменивших региональный баланс: внутренние вооружённые конфликты, затяжные политические кризисы, распад государственных структур и укрепление террористических организаций[169].

Несмотря на большую освещенность данных событий в международной прессе и комментариев, с участием профессиональных экспертов разобраться в них довольно непросто. Политика на Ближнем Востоке очень сложна, в том числе потому, что национальные кризисы часто превращаются в региональные, затрагивающие многие страны. Это произошло и с войной в Сирии, где помимо боев между различными противоборствующими сирийскими группировками существовали также столкновения между группировками, поддерживаемыми иностранными правительствами или международными террористическими организациями.

Споры вокруг путей решения миграционной проблемы, во-первых, касаются самой природы прибывающих людей (лиц, ищущих убежища, беженцев, так называемых экономических мигрантов), обращая внимание на различие

---

[168]European Council on Refugees and Exiles (ECRE). Mediterranean: Rise in Crossings on Two Routes – More Deaths of People on the Move. URL: https://ecre.org/mediterranean-rise-in-crossings-on-two-routes (дата обращения: 10.01.2026).
[169]Center for Strategic and International Studies (CSIS).New and Old Crises and Instability in the Middle East and North Africa.Washington, 2016. URL: https://www.csis.org/analysis/new-old-crises-and-instability-middle-east-and-north-africa-2016 (дата обращения: 10.11.2025).

между обычными и нелегальными иммигрантами и возможностью интеграции первых и репатриации последних.

Во-вторых, дебаты были также сфокусированы на политике ЕС, если это считается целесообразным для решения проблемы иммиграции из Африки в Европу, всех институтов ЕС и отдельных правительств. Страны ЕС должны найти общие решения для получения более эффективного, долгосрочного ответа и, прежде всего, чтобы они могли рассмотреть вопрос о более справедливом перераспределении обязанностей между странами участниками.

Это помогло бы снизить расходы (как в экономическом, так и в политическом и социальном плане) стран, наиболее подверженных этому явлению, поскольку они географически расположены вдоль естественной границы между Средиземным морем и Европейским союзом, с особой ролью накладываемой на саму Италию, на Грецию и Испанию, которые в 2018 году вновь оказались в качестве первых стран для высадки иммигрантов из Африки через Средиземное море.

Отсутствие политической воли ряда государств, прежде всего стран Вишеградской группы и Австрии, к расширению механизмов перераспределения лиц, ищущих убежища, внутри Европейского союза, в сочетании с усиливающимся давлением общественного мнения, воспринимающего миграцию как фактор внутренней безопасности, вынуждает ЕС и национальные правительства искать альтернативные решения. В этих условиях всё большее значение приобретают соглашения со странами происхождения и транзита, направленные на ужесточение пограничного контроля и ограничение въезда в европейские государства[170].

Такой подход привёл к своеобразному «аутсорсингу» управления миграцией и охраны границ. Он действительно позволил сократить общее число прибывающих лиц, однако одновременно повысил долю нелегальной миграции и

[170]Демкин И. Л. Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС // Закон и власть. 2022. № 3. С. 8.

способствовал смещению маршрутов в более опасные и труднодоступные направления.

Рисунок 2. Этапы миграционных процессов Италии. Составлено диссертантом.

Кроме того, эта стратегия основана на поддержке правительств стран происхождения и транзита, которые, однако, не разделяют те же приоритеты, что и европейские страны. В долгосрочной перспективе это рискует создать потенциально еще более нестабильные ситуации, в то время как проблемы, лежащие в основе миграционных явлений, а также борьба с торговцами людьми, уходят на второй план.

Одним из наиболее настойчиво предложенных европейскими лидерами политических предложений было создание временных приемных центров в некоторых странах Северной Африки с целью оптимизации обработки заявлений о предоставлении убежища, до прибытия заявителей в Европу. Однако это предложение вряд ли осуществимо, как из-за отказа участвующих стран, так и из-за отсутствия структурных условий, чтобы иметь возможность приступить к такому решению.

Не хватает, на наш взгляд, именно подхода, который также учитывает приоритеты, потребности и условия стран происхождения и транзита с тем, чтобы иметь возможность разрабатывать политические предложения, которые могут быть полезны для обеих сторон.

Поиск общего подхода к решению феномена миграции, по сути, нельзя отделить от реальности третьих стран, с которыми есть желание сотрудничать. Этот углубленный анализ вытекает из вышеизложенных соображений и имеет целью дать представление о политике миграции и приема в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Проявляется очень сложная картина с различными проблемами в зависимости от национального контекста. Кризис беженцев из Сирии оказывает далеко более масштабное воздействие на соседние страны, нежели на страны-назначения в Европе.

Так, по данным УВКБ ООН, около 6 млн сирийцев находятся в статусе беженцев и ищущих защиты, большая часть из которых размещена в соседних

государствах: Турция — порядка 3,5 млн человек; Ливан — около 0,8 млн; Иордания — около 0,66 млн[171].

Данные указывают на то, что нагрузки на страны-непосредственные соседи Сирии остаются доминирующими, и европейская система убежища функционирует скорее как вторичная линия поддержки. При этом характер перемещения, юридические формы защиты и социальная адаптация беженцев в разных регионах существенно различаются, что делает необходимым углубленный анализ этой дифференциации.

Кризисные процессы в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки трансформировали миграционную ситуацию во всём регионе и одновременно обострили вопросы управления миграцией для Европы. Наиболее ощутимо это проявилось в отношении Италии, которая длительное время оставалась основным пунктом прибытия мигрантов из стран к югу от Сахары и до сих пор выполняет функцию ключевого узла центрально-средиземноморских маршрутов, что создаёт для неё существенные риски в сфере безопасности. А.Г. Лихоносов, Н.А. Чичулин и Д.Ю. Бурчаков определяют этнополитическую безопасность как «состояние защищенности государства и общества от угроз, связанных с межэтническими конфликтами, радикализацией и терроризмом»[172].

Нестабильность государственных институтов Ливии, выражающаяся в конкуренции центров власти, слабости механизмов безопасности и ограниченном контроле над территорией, исключает возможность рассматривать её как надёжного партнёра в сфере управления миграционными потоками. В этих условиях сотрудничество с Ливией требует, прежде всего, усилий, направленных на укрепление её институтов и достижение устойчивого прекращения вооружённого противостояния оппозиционных сил. Как указывают А.Г. Лихоносов, Н.А. Чичулин и Д.Ю. Бурчаков, «обеспечение этнополитической

---

[171]UNHCR.Situation Syria – Regional Refugee Response / Turkey, Lebanon, Jordan, etc.URL: https://data.unhcr.org/en/situations/syria/location/14201 (дата обращения: 10.11.2025).

[172] Лихоносов А.Г., Чичулин Н.А., Бурчаков Д.Ю. Система обеспечения этнополитической безопасности России: отечественный опыт и современность // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2026. Т. 17. № 2 (51). С. 32.

безопасности представляет собой сложную систему мер, направленных на предотвращение межэтнических конфликтов»[173].

Углубленный анализ касается двух связанных с иммиграцией явлений: нелегальной иммиграции и политики приема лиц, ищущих убежища, и беженцев. В контексте ближневосточной и североафриканской зоны можно довольно четко разграничить по причинам географического положения два вопроса с точки зрения макрорегиона - страны Ближнего Востока, в частности: Турция, Иордания и Ливан, в наибольшей степени затронутые проблемой беженцев, и страны Северной Африки: Египет, Сирия и Ливия.

В соответствии с текущими событиями речь идет, прежде всего, о сирийских беженцах, которые бежали из конфликта, затронувшего их страну с 2011 года, однако в ряде стран, прежде всего в Иордании и Ливане, нагрузка, связанная с приёмом сирийцев, накладывается на уже существующее присутствие палестинских и иракских беженцев, на протяжении последних десятилетий обращавшихся за защитой в эти государства[174].

Однако при рассмотрении проблемы иммиграции в Северной Африке наиболее насущной проблемой, безусловно, является кризис нелегальной иммиграции и управления исходящими миграционными потоками в европейские страны в дополнение к репатриации.

Практически во всех странах южного побережья Средиземного моря имеется значительное число иммигрантов, незаконно выезжающих на новые территории в страны с более высокими расходами на управление проблемами интеграции, особенно в Ливане, где число беженцев очень велико по сравнению с местным населением.

Что касается стран Северной Африки, прямых партнеров европейских стран в управлении потоками беженцев через Средиземное море, то среди них есть очень разные политические режимы, которые приводят к проблемам управления маршрутами миграции. Одна и та же страна Северо-Африканского региона может

---

[173] Лихоносов А.Г., Чичулин Н.А., Бурчаков Д.Ю. Система обеспечения этнополитической безопасности России: отечественный опыт и современность // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2026. Т. 17. № 2 (51). С. 31.
[174]Биссон Л. С. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М.: Институт Европы РАН, 2020. С. 75.

одновременно являться как страной происхождения, страной-транзитом, так и страной назначения – это имеет место быть в Марокко, Алжире, Египте и Ливии. Еще несколько лет назад некоторые из этих стран, например, Марокко, считались прежде всего транзитными странами в Европу, в то время как другие, такие как Ливия, были в основном странами назначения, где можно было найти рабочие места и надежду быть интегрированным[175].

Политические, институциональные кризисы и кризисы безопасности, которые последовали за переопределением региональных балансов после событий 2011 года, а также последствия политики закрытия границ и пограничного контроля европейских стран, частично изменили эту структуру.

В новом контексте такие страны, как Марокко, становятся в большей степени страной не только транзита, но и назначения, в то время как Ливия, являющаяся жертвой гражданского конфликта, продолжавшегося годами, теперь рассматривается как страна транзита только в направлении Европы из-за невозможности найти в ней будущее.

Начиная с осени 2017 года, Тунис вновь стал значимым, как отправная точка миграционных маршрутов к Италии — и выступает скорее страной происхождения, чем обычным транзитом[176]. Это отражает кризис легитимности после революционных преобразований, а также продолжающиеся социально-экономические трудности и слабый рост институтов.

Одновременно Алжир и Ливия остаются ядрами маршрутов, по которым мигранты из регионов Нигер и Мали направляются через территорию этих государств либо в сторону Марокко, либо далее через Ливию, после чего — через Средиземное море к Европе[177].

---

[175]Омарова Т. Р., Шангараев Р. Н. История миграционного вопроса и его влияние на внешнюю политику Италии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 5(98). С. 2204.

[176]MixedMigrationCentre (MMC). Quarterly Mixed Migration Update: North Africa. Q4 2024. URL: https://mixedmigration.org/wp-content/uploads/2025/02/QMMU-2024-Q4-North-Africa.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[177]International Organization for Migration (IOM).Migrant Report Round 54. (Oct 2024). URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2025/09/DTM_Libya_R54_Migrant_Report_Final_V2.pdf (датаобращения: 10.11.2025).

Эти изменения в структуре маршрутов свидетельствуют о непрерывной перестройке миграционных потоков под влиянием политической обстановки, мер пограничного контроля и действий транзитных государств.

Более того, даже правительство Алжира испытывает трудности, с которыми сталкиваются многие региональные и европейские правительства в плане интеграции иностранного населения на его территории, а также с необходимостью усиления пограничного контроля, который регулирует входящие и исходящие потоки.

Европейский подход к сотрудничеству с этими странами определялся зачастую приоритетами исключительно европейских стран с точки зрения иммиграционного контроля и управления. В этом контексте региональные и двусторонние соглашения, которые в течение последних нескольких лет были близки к странам южного Средиземноморья, направлены, прежде всего, на ограничение количества высадок на европейских побережьях (помимо Италии также Греция и Испания сильно пострадали от явления нерегулярной иммиграции через Средиземное море).

Этот подход учитывает, прежде всего, так называемые притягивающие факторы иммиграции, то есть все те условия, которые привлекают иммигрантов в другую страну, исходя из того, что существуют более благоприятные экономические, социальные условия и условия безопасности. Именно для того, чтобы препятствовать выбору мигранта на основе этих обстоятельств, европейская политика была сосредоточена на закрытии границ и пограничном контроле, вплоть до аутсорсинговых задач управления, посредством соглашений со странами транзита и происхождения.

Однако в свете этой стратегии следует также принимать во внимание так называемые факторы импульса, то есть совокупность всех тех условий, которые заставляют мигранта принять решение покинуть страну своего происхождения или не останавливаться в странах транзита, но желая продолжить свое вынужденное путешествие в Европу, часто через Средиземное море.

Проведённый анализ позволяет разграничить три направления воздействия региональной конфликтогенности на миграционные процессы, затрагивающие Италию. Во-первых, прямое воздействие связано с вынужденным перемещением населения из государств, в которых вооружённые конфликты сопровождаются разрушением институтов государственной власти и социальной инфраструктуры. Во-вторых, транзитное воздействие проявляется в изменении маршрутов перемещения: ослабление государственного контроля над отдельными территориями расширяет возможности для деятельности нелегальных перевозчиков и способствует переориентации потоков на центрально-средиземноморское направление. Наиболее выраженно данный механизм проявился в Ливии, которая после 2011 г. приобрела устойчивое значение транзитного пространства для мигрантов из стран Африки. В-третьих, политико-институциональное воздействие состоит в изменении механизмов реагирования принимающих государств. Рост нерегулярных прибытий стимулирует усиление пограничного контроля, развитие сотрудничества со странами транзита и перенос миграционной проблематики на уровень отношений Италии с Европейским союзом.

Факторы, оказывающие воздействие на миграционные процессы, включают:

1. Социально-экономические факторы (бедность, безработица, ограниченные возможности развития, выраженная региональная дифференциация).

2. Политические факторы (слабость государственных институтов, исключение отдельных социальных или политических групп из участия в управлении, применение репрессивных практик).

3. Факторы безопасности (террористическая активность, гражданские и межрегиональные вооружённые конфликты).

4. Экологические факторы (деградация земель, дефицит водных ресурсов, экстремальные погодные явления, обусловленные климатическими изменениями)[178].

Осознание мотиваций, способствующих переезду в другую страну, фактически может привести к разработке политики сотрудничества со странами происхождения и транзита, направленной на то, чтобы оказать влияние не только на иммигрантов ряда стран прибывающих в Европу, но также и положительное влияние на сами причины эмиграции, создавая в долгосрочной перспективе ситуацию, которая может быть выгодной для всех вовлеченных сторон[179].

Кроме того, еще одним решающим фактором в решении проблемы иммиграции и, следовательно, оптимизации отношений со странами происхождения и транзита в Европу является проблема управления иммиграцией в этих же странах. Одной из основных целей сотрудничества со странами южного Средиземноморья с точки зрения иммиграции является анализ миграционной политики, уже существующей в этих странах и более эффективное управление этим явлением и текущими условиями регулярной и нерегулярной иммиграции и приемом беженцев.

Это видение поможет лучше понять потребности партнеров на южном берегу Средиземного моря и критические аспекты, которые имеются в управлении иммиграцией на их собственной территории. Современная иммиграция — то есть перемещение как экономических мигрантов, так и беженцев и лиц, ищущих убежища — представляет собой явление, значимое не только для государств Европейского союза.

Страны происхождения и транзита вовлечены в управление соответствующими потоками не в меньшей степени, поскольку миграция всё более приобретает черты транснационального процесса, выходящего за рамки исключительно европейской проблематики. В этих условиях государства ЕС,

---

[178]Шибкова М. О. Итальянская государственная политика в области интеграции мигрантов на примере тунисской общины // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3(123). С. 146.

[179]Агафошин М. М. От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы. М.: ИнститутАфрикиРАН, 2023. С. 110.

прежде всего Италия, Испания, Греция и Мальта, которые в силу своего географического положения несут основную нагрузку на Средиземноморском направлении, подчёркивают необходимость более активного участия всех членов Союза в выработке и реализации совместных решений.

Правительства южных и восточных берегов Средиземного моря сталкиваются с гораздо большими проблемами управления иммигрантами и беженцами. Такие страны, как Турция, Иордания и Ливан, принимают на своей территории сотни тысяч сирийских беженцев, и при отсутствии достаточной международной поддержки эти государства сталкиваются с риском ухудшения ситуации в сфере безопасности. Их общества демонстрируют растущую чувствительность к присутствию столь значительного числа вынужденных мигрантов.

Ожидаемая поддержка странами от международных организаций, дополняет усилия, которые европейские институты должны в первую очередь предпринять с целью обеспечения условий для иммигрантов на пути из Африки к югу от Сахары в Средиземноморье. Поскольку, как в странах происхождения, так и в странах транзита часто случаются акты насилия и нарушения прав человека, в интересах самих европейских правительств по отношению к странам Северной Африки существует интерес управлять их миграционными потоками. Таким образом, такое же сотрудничество этих правительств может стать дополнительным ресурсом для Европы.

При разработке новой и более эффективной политики сотрудничества с этими странами необходимо также учитывать приоритеты партнеров и принять подход, который может быть одновременно региональным, но также основанным на учете особенностей политических и экономических интересов каждого отдельного участника.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки с населением порядка полумиллиарда человек продолжает оставаться зоной значительной политической и социальной нестабильности. Согласно ежегодному докладу Global Peace Index, подготовленному Institute for Economics & Peace (Сидней) совместно с

партнёрами, в число наименее мирных стран мира входят несколько государствэтого региона. Например, в отчёте за 2024 год наихудшие позиции заняли Йемен (ранг 163 из 163), Судан (162), Южный Судан (161) и другие[180].

Отрицательная энергия многих процессов, уходящихкорнями в относительно недавнее историческое прошлое, по–прежнемувлияет на общественно–политическую обстановку и социально–экономическое положение в странах региона.

Особенно это касается техпроблем,что связаны с ближневосточным урегулированием и с пережитками прежних эпох, сохраняющихся в виде авторитарного правления инедемократичных режимов, которые и поныне продолжают во многомопределять характер политического бытия народов, населяющих разныечасти арабского и сопредельного с ним мира.

Миллионы жителей региона, спасаясь от войны и нищеты, устремились в более стабильные государства. По последним оценкам международных организаций, масштабы вынужденной миграции на Ближнем Востоке и в Северной Африке остаются одними из крупнейших в мире. Согласно данным Центра мониторинга внутреннего перемещения (IDMC), на конец 2024 года общее число внутренне перемещённых лиц в мире превысило 83 миллиона человек, значительная часть которых сосредоточена именно в странах Ближнего Востока[181].

По сведениям Международной организации по миграции, только за один год в регионе Ближнего Востока и Северной Африки было зафиксировано более 22,2 миллиона случаев внутреннего перемещения[182]. Наиболее тяжёлая ситуация

---

[180]InstituteforEconomics&Peace.Global Peace Index 2024.URL: https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/06/GPI-2024-web.pdf (датаобращения: 10.11.2025).

[181]Internal Displacement Monitoring Centre. Number of internally displaced people tops 80 million for first time. URL: https://www.internal-displacement.org/news/number-of-internally-displaced-people-tops-80-million-for-first-time (дата обращения: 10.11.2025).

[182]International Organization for Migration.Region on the Move – Middle East and North Africa.Geneva, 2024. URL: https://mena.iom.int/sites/g/files/tmzbdl686/files/documents/2024-01/pub2023-139-r-region-on-the-move-mena.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

наблюдается в Йемене, где, по оценкам УВКБ ООН, около 4,8 миллиона человек остаются внутренне перемещёнными лицами[183].

Особую тревогу вызывает активизация радикальных исламистских движений в лагерях беженцев и местах лишения свободы, где их сторонники распространяют идеологию такфиризма, оказывая влияние, прежде всего, на молодёжь. Эти структуры используют социальную фрустрацию и отсутствие перспектив, как инструменты вербовки, превращая зоны гуманитарного кризиса в очаги экстремизма и насилия.

Ситуацию усугубил мировой эпидемиологический кризис, вызванный распространением коронавируса. Пандемия ударила по слабым экономическим системам региона, усилив безработицу и социальное недовольство. Таким образом, совокупность старых и новых вызовов подвела весь ближневосточный и североафриканский регион к опасной черте, за которой коллапс структур безопасности может принять необратимый характер.

Несмотря на то, что силы Global Coalition to Defeat ISIS с участием российских авиакосмических сил и международных партнёров под руководством США добились значительных успехов в разгроме террористического формирования Islamic State (ИГ) на территории Сирии и Ирака, ситуация остаётся тревожной.

После утраты ИГ своего территориального «халифата» в 2019 году организация не прекратила существование, а трансформировалась: она сохраняет идеологическую и организационную целостность, ведёт партизанскую войну, эксплуатирует слабости государственных институтов, а пандемия COVID-19 создала новые условия для её восстановления[184].

В частности, отчёты указывают на то, что распространение коронавируса ухудшило ситуацию с безопасностью и устойчивостью постконфликтных государств, создало трудности в стабилизации освобождённых территорий,

---

[183]UNHCR.Yemen Country Page. URL: https://www.unhcr.org/us/where-we-work/countries/yemen (датаобращения: 10.11.2025).

[184]«Not a storm in a teacup: The Islamic State after the Caliphate» (GIGA-Hamburg), 2020.URL: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/not-a-storm-in-a-teacup-the-islamic-state-after-the-caliphate (дата обращения: 10.11.2025).

ограничило возможности по ведению операций против ИГ и вызвало пробелы в контроле за лагерями и местами содержания боевиков[185].

На рубеже 2020-х гг. политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки окончательно утратила устойчивость. Большинство стран региона оказалось разделено между вооружёнными группировками, племенными союзами и ослабленными центральными правительствами, утратившими контроль над значительной частью своих территорий.

Сирия остаётся фрагментированной. 8 декабря 2024 года вооружённые оппозиционные формирования во главе с Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ) при содействии подконтрольных Турции сил и Сирийской национальной армии взяли под контроль столицу — Дамаск, что положило конец более чем пятидесятилетней династии Асадов, правившей страной с 1971 года[186].

Причинами стремительного краха режима стали сочетание экономического коллапса, утраты доверия к политической власти со стороны населения внутри страны и ее внешней поддержки со стороны соседних государств. Сирия к концу 2024 года переживала глубокий кризис: девальвация национальной валюты, рост цен на продовольствие, значительное число нуждающихся в гуманитарной помощи (более 65% населения), а также массовое бегство представителей власти и солдат[187].После падения режима было объявлено о формировании временного правительства. В декабре 2024 года ХТШ, контролирующая значительную часть страны и столицу, провозгласила переходную власть, а в январе 2025 года её лидер Ахмед аш-Шара (Абу Мухаммед аль-Джулани) фактически стал врио главы государства[188].

---

[185] Elizabeth Dent, «US Policy and the Resurgence of ISIS in Iraq and Syria», Middle East Institute, 21 октября 2020. URL: https://www.mei.edu/publications/us-policy-and-resurgence-isis-iraq-and-syria (дата обращения: 10.11.2025).

[186]Georgetown Journal of International Affairs. The Fall of Bashar al-Assad: Winners, Losers, and Challenges Ahead. 07 May 2025. URL: https://gjia.georgetown.edu/2025/05/07/the-fall-of-bashar-al-assad-winners-losers-and-challenges-ahead/ (дата обращения: 10.11.2025).

[187] Al Jazeera. 2024: A Year that Turned the Tables in War-Torn Syria. 02 Jan 2025. URL: https://www.aljazeera.com/gallery/2025/1/2/2024-a-year-that-turned-the-tables-in-war-torn-syria (дата обращения: 10.11.2025).

[188] Hoover Institution. Assad’s Fall: Syria Embraces Freedom but Faces Huge Challenges. Stanford, 2025. URL: https://www.hoover.org/research/assads-fall-syria-embraces-freedom-faces-huge-challenges (дата обращения: 10.11.2025).

Ирак переживает схожие процессы. Йемен погружён в гражданскую войну, а военное вмешательство коалиции во главе с Саудовской Аравией превратили государство в арену гуманитарного бедствия. В Судане продолжается системный гуманитарный кризис, вызванный вооружённым конфликтом и экономическим крахом: по оценке World Food Programme, более 21 миллиона человек находятся в состоянии острой нехватки продовольствия, а очаги голода подтверждены как минимум в ряде районов Дарфура и Кордофана[189]. Конфликт, охвативший страну с 2023 года, породил крупнейший в мире внутренне перемещённый кризис — десятки миллионов человек лишены доступа к пище, медицинской помощи и безопасному убежищу[190].

В Ливии после свержения М. Каддафи в 2011 году фактически сложилась двух-многоцентровая власть: на севере страны соперничают Правительство национального согласия и силы Х. Хафтар, тогда как южный регион Феццан, населённый кочевыми племенами, остаётся вне жёсткого контроля центра[191]. В труднодоступных районах, включая оазис Харудж, зафиксированы устойчивые позиции боевиков «Исламское государство».

В Египте сохраняется относительная политическая стабильность, однако угроза терроризма остаётся значительной. На Синайском полуострове осуществляет деятельность экстремистская группировка Вилайят Синай, связанная с Исламским государством; именно её ответственность была признана за катастрофу авиалайнера А320 российского производства в 2015 году — теракт унёс жизни 224 человек[192].

После ряда военных поражений Исламское государство (ИГ) в Сирии и Ираке не прекратила деятельность, а распространила свои операции за пределами Ближнего Востока. Согласно обзору Institute for Economics & Peace, ИГ и её

---

[189]WFP.Famine in Sudan | World Food Programme.URL: https://www.wfp.org/emergencies/sudan-emergency (дата обращения: 10.11.2025).

[190]UN News / OHCHR. Sudan faces worsening humanitarian catastrophe as famine and conflict escalate. URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/04/sudan-faces-worsening-humanitarian-catastrophe-famine-and-conflict-escalate (дата обращения: 10.11.2025).

[191] Wilson Center. Libya. URL: https://www.wilsoncenter.org/libya (датаобращения: 10.11.2025).

[192]West Point CTC / Al-Jazeera. Wilayat Sinai risks backlash after Metrojet bombing. URL: https://ctc.westpoint.edu/wilayat-sinai-risks-backlash-after-metrojet-bombing/ (дата обращения: 10.11.2025).

филиалы остаются глобальной террористической угрозой, действующей через транснациональные ячейки и вдохновляющие атаки в ряде стран[193]. На территории Российской Федерации зафиксированы несколько крупных атак, связанных с ИГ-посредием: так, 22 марта 2024 года террористическая атака на концертный зал в Подмосковье была заявлена ответственностью за Islamic State – Khorasan Province[194].

В том же году Федеральная служба безопасности Российской Федерации сообщила о нейтрализации серии ячеек боевиков на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане[195]. Всё это подчёркивает, что ИГ, подобно Аль-Каиде, не намерен исчезнуть: укрепившись в локальных сообществах и конфликтах, организация теоретически может воспользоваться ослаблением международной безопасности для нового цикла дестабилизации.

Что касается одного из наиболее длительных конфликтов региона — палестино-израильского, — то он после публикации так называемой «сделки века» оказался в ещё более глубоком тупике, чем до объявления инициативы администрации Д.Трампа. Представленный в январе 2020 года план, отражавший преимущественно интересы Израиля и фактически лишавший палестинцев права на создание полноценного государства, вызвал негативную реакцию большинства государств мира и международных организаций[196]. Глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас отверг предложение, заявив, что палестинская сторона более не рассматривает США как нейтрального посредника до появления новой инициативы[197].

---

[193] Institute for Economics & Peace. Global Peace Index 2024.URL: https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/06/GPI-2024-web.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[194]Vision of Humanity. “Moscow Attack: Why is ISIS Targeting Russia?” 25 March 2024. URL: https://www.visionofhumanity.org/why-is-isis-targetting-russia/ (дата обращения: 10.11.2025).

[195] Reuters. “FSB foils militant attacks in southern Russia, RIA reports.” 27 July 2024. URL: https://www.reuters.com/world/europe/fsb-foils-militant-attacks-southern-russia-ria-reports-2024-07-27/ (дата обращения: 10.11.2025).

[196] Al Jazeera. World Leaders React to Trump’s Middle East Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/1/29/world-leaders-react-to-trumps-middle-east-plan (дата обращения: 10.11.2025).

[197]CBS News. Palestinian President Mahmoud Abbas Rejects Trump’s Middle East Peace Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.cbsnews.com/news/palestinians-mahmoud-abbas-rejects-trumps-middle-east-peace-plan (дата обращения: 10.11.2025).

Даже внутри Соединённых Штатов план вызвал раскол в политических кругах: часть представителей обеих партий охарактеризовали документ как «односторонний» и «неспособный обеспечить справедливое урегулирование»[198]. В результате Израиль получил возможность использовать фактор времени для дальнейшего закрепления контроля над оккупированными территориями и постепенного изменения фактической конфигурации конфликта, что делает перспективу мирного урегулирования на основе прежних международно-правовых принципов всё более призрачной[199].

Развитие событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке в ближайшие годы, вероятно, будет следовать пессимистическому сценарию. В регионе сохраняется высокая вероятность продолжения вооружённых конфликтов, гражданских и религиозных противостояний. Одним из ключевых источников нестабильности остаётся несоответствие между стремительным демографическим ростом и ограниченными возможностями социально-экономической инфраструктуры, не способной обеспечить трудоустройство миллионов граждан в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Ливане и Иордании. Это создаёт благодатную почву для роста радикальных движений и способствует массовым миграционным потокам в Европу.

Дестабилизирующее воздействие оказывают и природные факторы — дефицит воды, продовольствия и плодородных земель, усиление процессов опустынивания, экстремальные температуры, загрязнение воздуха, распространение эпидемий. Государства, пережившие разрушительные гражданские войны и иностранные интервенции, включая Ирак, Сирию, Судан, Йемен и Ливию, сталкиваются с дополнительной угрозой утраты суверенитета вследствие конкуренции внешних акторов и активности негосударственных группировок, способных фрагментировать их территорию.

---

[198] J Street. Reactions from Congress to Trump’s Plan. 2020. URL: https://jstreet.org/the-trump-peace-sham/reactions-from-congress (дата обращения: 10.11.2025).

[199] United Nations News. UN Chief Reiterates Commitment to Two-State Solution after Trump Plan Announced. 29 Jan 2020. URL: https://news.un.org/en/story/2020/01/1056222 (дата обращения: 10.11.2025).

Перспективы урегулирования палестинского вопроса на основе принципа «два государства для двух народов» в сложившихся условиях представляются крайне неопределёнными. Формирование антииранского суннитского альянса, включающего арабские монархии Персидского залива и Израиль, получающего поддержку США, вряд ли будет способствовать политическому компромиссу, который обеспечил бы палестинцам реализацию их права на создание собственного государства[200].

Таким образом, политическая реальность Ближнего Востока и Северной Африки, в данное время, не сводится к множеству локальных кризисов: она представляет собой долговременную систему политической фрагментации, где традиционные категории «государства», «границы» и «суверенитета» перестают играть определяющую роль. Конфликт в этом регионе развивается не по классической модели противостояния сторон, а как процесс непрерывного распада и перераспределения властных центров. Такой тип конфликта отличается высокой степенью адаптивности.

Он способен сохраняться даже при внешней стабилизации и формальном урегулировании, поскольку питается не столько противоречием интересов, сколько отсутствием целостной политической структуры. К.Н. Лобанов обращает внимание на то, что «конфликтность между коммуницирующими в мировой политике акторами возрастает количественно и меняет некоторые атрибутивные свойства»[201].

Слабость государственных институтов компенсируется множеством локальных властных акторов, а сама власть приобретает сетевую и временную форму. В результате миграционные потоки становятся не следствием кризиса, а способом его воспроизводства: они выносят нестабильность за пределы региона, превращая Средиземноморье в пространство циркуляции рисков.

---

[200]Сорока А. Ю. Вопросы социально-культурной интеграции беженцев в Италии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 6(75). С. 1970.

[201] Лобанов К.Н. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку // Via in Tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 2. С. 478.

Это позволяет трактовать ближневосточно-североафриканский конфликт как функциональную систему, объединяющую политическую, гуманитарную и демографическую динамику. Если в традиционной интерпретации миграция рассматривалась как реакция на кризис, то в данной логике она становится показателем системной перестройки региона, где движение населения отражает не только разрушение прежних политических конструкций, но и формирование новых каналов глобального перераспределения власти и ресурсов. Для Италии и Европейского союза эта ситуация означает необходимость переосмысления парадигмы взаимодействия с южным соседством: от политики сдерживания — к стратегии сопряжённого управления рисками, где миграция рассматривается как элемент общей геополитической архитектуры, а не исключительно гуманитарная проблема.

2.2. Масштабы, основные маршруты и структура миграционной палитры в Италии

Миграционная ситуация в Италии представляет собой одно из наиболее показательных проявлений трансформации Средиземноморского региона в зону постоянного человеческого движения. Италия оказалась не просто географическим рубежом между Африкой и Европой, но и пространством, где пересекаются экономические, демографические и гуманитарные траектории, вызванные кризисами соседних государств. В отличие от других стран Европейского союза, миграционные процессы здесь приобрели устойчивый, циклический характер: периоды временного спада не означают прекращения потока, а лишь смену направлений и способов пересечения границ.

Такое положение формирует особую структуру миграционного давления, в которой сочетаются легальные, полуформальные и нелегальные формы перемещения. Центральное Средиземноморье превратилось в главный узел транзита, а сама Италия — в точку соприкосновения двух векторов: южного,

идущего от побережий Ливии, Туниса и Алжира, и восточного, связанного с турецко-греческими маршрутами.

При этом миграция давно утратила характер исключительно гуманитарного исхода. Она стала сложной системой социальных связей, в которую вовлечены посредники, транспортные сети, криминальные структуры, а также государственные и наднациональные институты, стремящиеся регулировать движение людей.

Анализ научных публикаций и экспертных оценок миграционной ситуации в Италии дает возможность констатировать, что для итальянского общества этот процесс имеет двойственную природу. С одной стороны, миграция восполняет демографические дефициты, обеспечивает рынки труда и поддерживает экономическую активность в условиях старения населения, с другой — она усиливает внутренние противоречия, обостряет вопросы идентичности и территориального неравенства, заставляя государство лавировать между требованиями безопасности и гуманитарными обязательствами.

Отметим трансформацию итальянской стратегии в Африке и её прямую связь с миграционным управлением. Так, О.А. Глубокая подчёркивает, что современный африканский вектор Рима определяется «дефицитом энергоресурсной базы, проблемой нелегальной миграции и стремлением к лидерству в региональных процессах»[202].

Автор показывает, что концепция «плана Маттеи» институционализирует эту связку, формируя новую модель присутствия Италии на континенте, где энергетическая и миграционная повестки оказываются взаимосвязанными элементами единой стратегии. При этом Рим позиционирует себя в качестве медиатора в евро-африканских отношениях, однако фактическое содержание инициатив свидетельствует о приоритете задач стабилизации южного фланга ЕС.

Снижение числа прибытий в 2024 году (66 тыс., –58% по сравнению с 2023 г.) «стало результатом смещения потоков, а не исключительно

---

[202]Глубокая О. А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022-2024) // Политика и общество. 2025. № 2. С. 99.

эффективности политики»[203]. Особое внимание уделяется феномену «гибридной миграции» через Ливию, а также правовым и этическим ограничениям соглашений с Тунисом и Албанией. Внешнее измерение миграционной политики Италии функционирует в условиях высокой зависимости от нестабильных партнёров и сопровождается юридическими коллизиями в праве ЕС. Речь идёт не о линейной эволюции к «жёсткой» модели контроля, а о формировании многоуровневой системы экстернализации, где энергетическая дипломатия, финансовая поддержка транзитных государств и институциональные механизмы ЕС образуют взаимосвязанную конструкцию. В этом смысле миграционная проблематика выступает не изолированным направлением, а частью более широкой трансформации внешней политики Италии в Средиземноморье и Африке.

Очевидно, что масштабы и маршруты перемещения в Средиземном море отражают не только географию конфликтов, но и динамику международных договорённостей, которые постоянно перекраивают карту миграционного движения. Смена направлений, появление новых точек отправления, концентрация беженцев в транзитных странах — всё это свидетельствует о высокой адаптивности миграционной системы. Поэтому исследование её структуры требует не столько статистического подхода, сколько анализа, как целостного социально-политического феномена, который соединяет пространство Средиземноморья в единую сеть зависимости и взаимных воздействий.

Миграционные потоки через Средиземное море традиционно распределяются по трём основным маршрутам: западному, ведущему к Испании; центральному, направленному в Италию; и восточному, соединяющему Турцию и Грецию[204].

Восточное направление, через Эгейское море, стало наиболее интенсивным в середине 2010-х гг.: только в 2015 году морем в Европу прибыло более

---

[203]Глубокая О. А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 3(39). С. 21.

[204]UNHCR. West and Central Mediterranean Situation – Global Report 2022. URL: https://reporting.unhcr.org/west-and-central-mediterranean-situation-global-report-2022 (датаобращения: 10.11.2025).

1 миллиона человек, из которых около 850 тыс. пересекли границу именно по этому маршруту[205]. После подписания соглашения между Турцией и Европейским союзом от 18 марта 2016 года, предусматривающего возвращение нелегальных мигрантов в Турцию в обмен на финансовую поддержку и политические уступки, потоки резко сократились[206].

Центральное направление, связывающее побережье Северной Африки с Италией, остаётся одним из ключевых и наиболее опасных: с 2014 года его пересекли более 780 тыс. человек, а только в 2024 году через него прибыло около 66 тыс. мигрантов[207]. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, именно на этом маршруте фиксируется наибольшее число жертв: в 2024 году в водах Средиземного моря погибло или пропало без вести более 2 200 человек[208].

Западный маршрут, ведущий из Марокко и Алжира в Испанию, является самым старым и охватывает не только переход через Гибралтарский пролив, но и линии вдоль атлантического побережья, включая путь к Канарским островам. При этом маршрутная структура постоянно меняется: действуют четыре устойчивых коридора в центральной части Средиземного моря — из ливийских портов Триполи, Зуары и Гаср-Гарабулли к Лампедузе и Сицилии; из тунисских портов Сфакс и Суса к островам Лампедуза и Пантеллерия; а также из алжирского Аннабы к Сардинии[209]. Эти направления продолжают оставаться важнейшими элементами средиземноморской миграционной системы, несмотря на предпринимаемые меры контроля.

---

[205]Time. Over 1 Million Refugees and Migrants Have Reached Europe by Sea This Year. 30 Dec 2015. URL: https://time.com/4163932/europe-sea-migrant-crisis-refugees-arrivals-million (дата обращения: 10.11.2025).

[206]European Council. EU–Turkey Statement, 18 March 2016. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement (дата обращения: 10.11.2025).

[207]IOM.Migration Data on the Central Mediterranean Route.Geneva, 2024. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_data_on_the_central_mediterranean_route.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[208]The Guardian. More than 2,200 People Died Trying to Reach Europe in 2024. 3 Jan 2025. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/jan/03/more-than-2200-people-died-trying-to-reach-europe-2024 (дата обращения: 10.11.2025).

[209]IOM.Mediterranean Migration Overview 2024. URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-2024 (датаобращения: 10.11.2025).

Ранее значимую роль играла Мальта: ежегодно тысячи мигрантов попадали туда по туристическим визам, а затем нелегально отправлялись на Сицилию, превращая остров в важный перевалочный пункт для выхода на территорию Европейского союза.

В восточном секторе Средиземного моря основные маршруты соединяют побережье Турции с ближайшими греческими островами Эгейского моря — Самосом, Митилинией, Хиосом и Родосом. В меньшей степени мигранты направляются на Крит, куда суда прибывают преимущественно с северо-египетского побережья. Эти направления, несмотря на их сравнительно малую протяжённость, остаются одними из самых загруженных и рискованных.

Сопоставление основных направлений миграции позволяет установить, что их значение для Италии существенно различается. По характеру воздействия на итальянскую миграционную систему они могут быть разделены на три группы:

Центрально-средиземноморское направление имеет непосредственное значение для Италии и связано преимущественно с перемещением мигрантов из государств Африки через Ливию и Тунис. Его отличительными признаками выступают высокая зависимость интенсивности потока от способности транзитных государств контролировать собственную территорию и непосредственная нагрузка на южные регионы Италии.

Восточно-средиземноморское направление воздействует на Италию преимущественно опосредованно, поскольку первоначальный въезд осуществляется через восточные государства ЕС, однако последующее перемещение мигрантов затрагивает общеевропейскую систему распределения ответственности.

Западно-средиземноморское направление имеет для Италии сравнительное значение: его динамика показывает способность миграционных потоков изменять траекторию вследствие усиления контроля на других участках внешней границы Европейского союза.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. значимый канал перемещения мигрантов проходил от турецкого побережья к итальянской Калабрии, где тысячи курдских

беженцев высаживались в районе Локриды. Этот маршрут сохранял активность вплоть до 2007 года. Одновременно морской путь между Албанией и Апулией утратил прежнюю значимость в результате постепенной стабилизации политической и экономической обстановки на Балканах. С конца 1980-х гг. оживлённым остаётся маршрут через Гибралтарский пролив[210].

Изначально его пересекали мигранты из Марокко и Алжира, но со временем к ним присоединились выходцы из стран к югу от Сахары. Отправные точки охватывали побережье от Ларaше до Эль-Хосеймы (Марокко) и от Газауэта до Мостаганема (Алжир). Высадки осуществлялись на испанских берегах между Кадисом и Альмерией, а начиная с 2007 года — и на Балеарских островах[211].

Пересечение пролива совершается на небольших устаревших лодках. Мигранты рискуют жизнью; сама переправа небольшая, но условия — крайне тяжелы. Структура миграционных потоков в Центральном Средиземноморье характеризуется выраженными качественными особенностями. Постпандемийный характер миграции сопровождается существенным изменением структуры мигрантов.

Возрастной состав сохраняет преобладание лиц трудоспособного возраста: по собственной обработке статистики за 2021–2023 гг., около 63–67% прибывающих — мужчины в возрасте от 18 до 34 лет, ещё 12–15% составляют лица 35–44 лет. Доля несовершеннолетних остаётся значительной (10–13%). Женщины составляют в среднем 12–16%, однако в отдельных национальных группах (например, Эритрея, Сирия) их доля поднимается до 22–25%.

В выборках, обработанных диссертантом по данным UNHCR[212], около 38–42% имеют базовое школьное образование, 28–32% — неполное среднее, 12–16% — среднее профессиональное, и 7–9% имеют высшее образование. Национальная структура потоков остаётся подвижной, но устойчиво доминирующими группами

---

[210]The Guardian / NCBI.“Lived Experiences of African Migrants Crossing the Strait of Gibraltar.”URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8431138/ (дата обращения: 10.11.2025).

[211]EU. “Migration flows on the Western routes.” URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/western-routes/ (дата обращения: 10.11.2025).

[212]UNHCR. Operational Data Portal: Mediterranean Situation. Geneva, 2023.URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean (датаобращения: 27.11.2025).

в 2022–2023 гг. выступают граждане Туниса, Египта, Бангладеш, Гвинеи и Кот-д’Ивуара. Их совокупный вклад превышает 55–60% всех прибытий. Важным является тот факт, что доля выходцев из стран Сахеля увеличилась на 8–10 процентных пунктов по сравнению с доковидным периодом.

Данные за 2024–2025 гг. подтверждают общие тенденции. По оценке, основанной на экстраполяции статистики UNHCR и частичных демографических сводок за 2024–2025гг., структура потока сохраняет молодой и преимущественно мужской характер. С учётом отсутствия полной статистики, экстраполяция данных UNHCR и IOM позволяет предположить, что в ближайшем будущем около 35–40% прибывающих будут иметь базовое образование, 27–30% — неполное среднее, 14–17% — среднее профессиональное, а 8–10% — высшее.

Сохраняется тенденция к участию в миграции не только наименее защищённых групп, но и представителей профессий, утративших перспективы занятости из-за политических кризисов или деградации государственных институтов.

Национальная структура потоков в 2024–2025 гг. остаётся подвижной, но доминирующее положение удерживают граждане Туниса, Египта, Бангладеш и стран Сахеля. Существенным является рост доли выходцев из Судана и Чада, что отражает ухудшение гуманитарной ситуации в регионе. В целом совокупная доля мигрантов из Сахеля в 2024–2025 гг. демонстрирует дальнейший рост и превышает показатели 2022–2023 гг. ещё на 3–5 процентных пунктов.

Таблица 1. Качественные характеристики мигрантов Центрально-средиземноморского направления (по данным источников UNHCR и IOM). Составлено диссертантом.

Показатель	Параметры (диапазон / доля)
Возрастной состав	18–34 лет: 63–67 %; 35–44 лет: 12–15 %; несовершеннолетние: 10–13 %
Гендерный состав	Мужчины: 82–88 %; женщины: 12–16 %
Образование	Начальное: 38–42 %; неполное среднее: 28–32 %; среднее проф.: 12–16 %; высшее: 7–9 %
Национальная структура	Тунис, Египет, Бангладеш, Гвинея, Кот-д’Ивуар —

Показатель	Параметры (диапазон / доля)
	совокупно 55–60 %
Несопровождаемые несовершеннолетние	3,5–5,2 % общего потока
Сферы занятости (Италия)	Сельское хозяйство: 22–25 %; строительство: 18–20 %; логистика и склады: 12–14 %; уход и сервис: 10–13 %
Теневая занятость	45–50 % прибывших,в первые 6 месяцев

Сферы приложения труда мигрантов также демонстрируют структурную сегментацию. В Италии значительная часть прибывающих ориентируется на аграрный сектор, строительные работы, логистику и низкоквалифицированные сегменты промышленности. Доля сезонных работников в сельском хозяйстве остаётся устойчивой — 22–25% среди успешно интегрирующихся в рынок труда.Женщины преимущественно заняты в сфере ухода, бытовых услуг и гостиничного сектора.

При этом, по оценкам диссертанта, выполненным на основе интегрального сопоставления статистики Министерства труда Италии и данных миграционных служб, примерно 45–50% мигрантов участвуют в теневом секторе занятости в первые месяцы после прибытия.

Для борьбы с деятельностью нелегальных перевозчиков Европейским союзом официально была развернута морская операция EUNAVFOR Med: первый этап был запущен 22 июня 2015 года, с участием германского военно-морского флота с 30 июня 2015 года. Второй этап операции, получивший название Operation Sophia, начался в октябре 2015 года[213]. Совет Безопасности ООН санкционировал проведение операции резолюцией № 2240 (2015) от 9 октября 2015 года[214].

[213]European Papers. Mireia Estrada-Cañamares. “Operation Sophia Before and After UNSC Resolution No 2240 (2015).”URL: https://www.europeanpapers.eu/ … (датаобращения: 10.11.2025).
[214]United Nations. “Adopting Resolution 2240 (2015), Security Council Authorizes Additional Measures to Stem Flow of Migrants Smuggled from Libya.” Press release, 9 Oct 2015. URL: https://press.un.org/en/2015/sc12072.doc.htm (датаобращения: 10.11.2025).

Некоторые государства ЕС (в частности, Венгрия, Македония, Болгария, Греция) решили в одностороннем порядке усилить меры против нелегальной миграции: укрепили охрану границ, возвели заградительные барьеры и сократили сроки рассмотрения ходатайств об убежище. Так, Болгария начала строительство 33-километрового забора на южной границе с Турцией. Ещё ранее аналогичный барьер был возведён Грецией[215].

В июле 2015 года парламент Венгрии принял закон, предусматривающий строительство стены протяжённостью около 175 км на границе с Сербией и Хорватией. Из-за закрытия маршрута через Венгрию беженцы были вынуждены искать пути через Хорватию или Словению в сторону Австрии и Германии. Македонские власти также в 2015 году возвели металлический забор на границе с Грецией и ввели ускоренные процедуры отказа или высылки по заявлениям о предоставлении убежища[216].

В марте 2016 года страны балканского маршрута (Словения, Хорватия, Сербия) фактически закрыли свои границы для беженцев: допускается только въезд по действительному паспорту и визе в строгом соответствии с шенгенскими правилами[217]. Несмотря на это, практика показывает: возведение барьеров приводит не к прекращению потоков, а к их перераспределению.

Итак, можно сделать вывод, что до тех пор, пока существуют кризисы и войны, люди будут пытаться попасть в более благополучные страны любыми способами. Хотя Италия никогда не входила в число крупнейших колониальных держав, она обладала обширными владениями в Восточной Африке — в Эфиопии, Эритрее и Итальянском Сомали, охватывавшем юго-восточное побережье современного Сомали. Именно из этих стран, а также из Сенегала, начиная с конца 1970-х гг., в Италию устремились первые значительные волны

---

[215] Reuters. Bulgaria to extend fence at Turkish border to bar refugee influx.14 Jan 2015. URL: https://www.reuters.com/article/world/bulgaria-to-extend-fence-at-turkish-border-to-bar-refugee-influx-idUSKBN0KN1JG/ (дата обращения: 10.11.2025).

[216] The Guardian. Crowds build at border with Serbia as Hungary cracks down on refugees. 15 Sep 2015. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/sep/15/hungary-strict-new-border-controls-crackdown-refugees-serbia (дата обращения: 10.11.2025).

[217] European Parliament.Walls and fences at EU borders.BRIE (2022) 733692. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733692/EPRS_BRI(2022)733692_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

мигрантов. К началу 1980-х гг. их совокупное число превысило 55 тысяч человек, причём преобладали выходцы из Сенегала.

Движущие силы этого процесса автор делит на две группы.

Первая — внешняя, связанная с положением самих африканских стран. Социально-экономическая ситуация в Сомали и частично в Сенегале исключала возможность стабильного существования без трудовой миграции. Гражданская война и распад государственных институтов сделали Сомали зоной перманентного насилия, где население было лишено как средств к жизни, так и базовой безопасности. Отсутствие единого правительства исключало перспективы восстановления экономики, превращая эмиграцию в единственный путь спасения.

Несмотря на функционирующее правительство и относительную политическую стабильность Сенегал переживает серьёзные экономические и социальные трудности. По данным Всемирного банка, ВВП на душу населения в стране в 2023 году составил около 1706 долл. США[218]. Уровень официальной безработицы, согласно статистике Trading Economics, в II квартале 2025 года оценивается примерно в 19 % рабочей силы[219]. Одновременно демографический рост остаётся значительным — в стране ежегодный прирост населения составляет порядка 3%, что усиливает нагрузку на рынок труда, социальные услуги и инфраструктуру[220]. В таких условиях миграционные исходы из Сенегала становятся результатом комбинации экономических и гуманитарных факторов: стремления к выживанию, поисков возможностей за пределами страны и стремления к безопасной среде.

Вторая группа факторов — внутренняя, относящаяся к Италии, как принимающему государству. Анализируя эти процессы, М.Е. Родионова выдвигает вполне обоснованное положение о том, что экономический подъём конца 1970-х годов, особенно в промышленно развитых северных регионах,

---

[218]World Bank.Senegal — GDP per capita (current US$). 2024. URL: https://data.worldbank.org/country/senegal (дата обращения: 10.11.2025).
[219]Trading Economics.Senegal — Unemployment Rate. 2025. URL: https://tradingeconomics.com/senegal/unemployment-rate (дата обращения: 10.11.2025).
[220]United Nations Population Division.World Population Prospects 2024.URL: https://population.un.org/wpp (дата обращения: 10.11.2025).

вызвал острую потребность в дешёвой рабочей силе, не требовавшей высокой квалификации, что делало иностранцев (мигрантов) востребованными на предприятиях и в сфере услуг[221].

Сознавая зависимость экономики от притока мигрантов, итальянское правительство не спешило вводить жёсткие ограничения. Напротив, в 1980-х годах неоднократно объявлялись амнистии, позволявшие легализовать пребывание уже въехавших в страну иностранцев. Географическое положение Италии также способствовало миграции: близость североафриканского побережья и наличие развитых морских путей превращали Апеннинский полуостров в естественный пункт притяжения для жителей Африки.

Следует отметить и характер миграционных потоков: большинство прибывших — мужчины, зачастую без образования и профессиональной подготовки, нередко с семьями. Путь из Африки в Италию остаётся опасным — ежегодно он уносит жизни людей, для которых этот риск становится последней попыткой покинуть родину, неспособную обеспечить даже минимальные условия существования.

Европейский союз принял меры по блокировке кратчайших путей и борьбе с контрабандистами. Данные меры позволили ЕС регулировать потоки мигрантов, но не решали основные причины массовых потоков. Отсутствие координированных действий ЕС толкало отдельные страны на самостоятельное решение вопроса. Это делало закрытие границ, воздвижение заборов, проведение морских операций скорее нормой, нежели исключением. Закрытие в 2016 году своих границ балканскими странами, а также ужесточение контроля над внешними границами, проходящими по Средиземному морю, способствовало значительному спаду в миграционном движении на территорию Германии, что несколько снизило остроту проблемы[222].

---

[221]Родионова М. Е. Электоральные процессы в современной Европе: тенденции и перспективы. М.: КноРус, 2020. С. 80.

[222]Данилова Е. В., Данилов В. В. Правовые основы миграционной политики Италии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 10(74). С. 2896.

Анализ показывает, что геополитизация миграции в Средиземноморье проявляется не только в перераспределении компетенций между государствами и наднациональными институтами Европейского союза, но и в формировании самостоятельной субъектности негосударственных акторов, чьё влияние на характер и направление миграционных процессов становится структурным элементом региональной динамики.

Данные акторы не ограничиваются классическими гуманитарными организациями: их состав включает международные и национальные НПО, трансграничные сети перевозчиков, частных операторов поисково-спасательных операций, агентства ООН и иные структуры, деятельность которых формирует значимую часть миграционной инфраструктуры Центрального Средиземноморья.

По оценкам исследовательских центров ЕС, именно негосударственные акторы в ряде случаев определяют интенсивность и маршрутизацию перемещений, поскольку осуществляют функции, которые ранее относились к исключительным компетенциям государств: мониторинг морских зон, проведение поисково-спасательных операций, первичную оценку потребностей мигрантов и документирование нарушений в зоне конфликта[223]. Укрепление их позиции связано с тем, что государства не способны в полной мере контролировать пространство средиземноморских маршрутов, где сочетаются гуманитарные риски и транснациональная преступность. Это создало условия для институционализации деятельности частных и общественных организаций, которые действуют как самостоятельные узлы в системе управления миграцией.

Негосударственные гуманитарные организации — Médecins Sans Frontières, SOS Méditerranée, Sea-Watch, Open Arms и др. — осуществляют поисково-спасательные операции в международных водах, что даёт им фактическое влияние на объёмы прибытий в Италию. Согласно данным Европейской комиссии, от 20 до 30% всех спасённых мигрантов в отдельные периоды

[223]European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental rights considerations in the migration context. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2021. URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2021/migration-fundamental-rights (датаобращения: 27.11.2025).

приходилось на операции негосударственных акторов[224]. Их деятельность одновременно снижает гуманитарные риски и вызывает политические споры, поскольку вмешивается в сферу, традиционно контролируемую государствами.

Отдельную категорию негосударственных субъектов составляют структуры криминального характера — сети перевозчиков, действующие в Ливии, Тунисе и Нигере. Они формируют не просто каналы нелегальной переправы, но устойчивые трансграничные экономические модели, опирающиеся на коррупционные связи, контроль над территориями и возможность адаптировать маршруты в ответ на политическую или санитарную нестабильность[225]. В постпандемийный период, по данным Международной организации по миграции, именно такие акторы ускорили перестройку каналов перемещения, что проявилось в росте доли тунисского направления. Вследствие этого способность государств воздействовать на маршрутизацию потоков оказалась ограниченной вмешательством негосударственных структур.

Существенную роль играет и деятельность международных организаций (прежде всего, UNHCR и IOM), которые обладают полномочиями по регистрации прибывающих, проведению первичных интервью, распределению гуманитарной помощи, организации эвакуационных программ и трансферов уязвимых групп[226]. Эти организации функционируют в странах, где национальные институты не способны обеспечить реализацию базовых процедур. Как следствие, они фактически выполняют управленческие функции, определяя, в том числе, скорость перемещений, условия размещения и характер взаимодействия с властями прибрежных государств.

Возрастающая активность гражданских инициатив и правозащитных групп также влияет на восприятие миграции в странах ЕС. Отчёты неправительственных

---

[224]European Commission.Search and Rescue Operations in the Mediterranean.Brussels, 2020. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-07/202007_search_and_rescue_mediterranean_en.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

[225]International Organization for Migration (IOM). Migrant Smuggling Data and Research: Mediterranean Routes. Geneva, 2022. URL: https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-mediterranean-route (дата обращения: 27.11.2025).

[226]UNHCR. Operational Data Portal: Mediterranean Situation. Geneva, 2023. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean (дата обращения: 27.11.2025).

организаций становятся фактором политической повестки и формируют аргументацию при подготовке решений о санкциях, ограничениях или изменениях процедур морского контроля. Европейский парламент и национальные правительства в ряде случаев используют данные неправительственных структур при корректировке миграционной политики[227].

Тем самым перераспределение субъектности в Средиземноморье не исчерпывается отношениями между государствами и институтами ЕС. В систему управления миграцией интегрирована широкая сеть негосударственных участников, которые определяют функционирование ключевых звеньев — от операций на море до гуманитарной обработки прибытий. Их деятельность создала многоуровневую структуру управления миграцией, в которой государственные и негосударственные акторы действуют параллельно, а иногда — конкурируя между собой.

Сопоставление основных направлений миграции в Европу выявляет специфику центрально-средиземноморского маршрута, связанного с перемещением мигрантов из стран Западной, Центральной и Восточной Африки через Ливию к южному побережью Италии — прежде всего Лампедузе и Сицилии.

Морской участок протяжённостью 300–500 км при использовании перегруженных надувных лодок и старых рыболовных судов обусловливает наиболее высокий уровень смертности среди маршрутов. Восточно-средиземноморское направление представляет собой короткий переход из Турции на греческие острова (Лесбос, Хиос, Самос), иногда не превышающий 10–20 км. В 2015 году оно стало основным каналом перемещения беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана: через Грецию прошло более 850 тыс. человек. Наличие централизованного транзитного звена позволило существенно сократить поток уже к 2017 году. Западно-средиземноморский маршрут связывает Марокко и Испанию через Гибралтарский пролив (около 14 км).

---

[227] European Parliament Research Service (EPRS). The role of NGOs in EU migration governance.Brussels, 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733558 (дата обращения: 27.11.2025).

Различия усиливаются при анализе состава потоков. Восточный маршрут характеризуется относительно линейным перемещением через одно государство, тогда как центральный включает разветвлённую сеть сухопутных перемещений с концентрацией на ливийском побережье и значительной ролью нелегальных перевозчиков.

Центральное направление представлено выходцами из стран к югу от Сахары и рядом азиатских государств; восточное связано с беженцами из зон вооружённых конфликтов; западный маршрут занимает промежуточное положение между ними.

Факторы внешнего воздействия также различаются: центральный маршрут формируется в условиях конкуренции внешних акторов в Ливии, восточный определяется взаимодействием ЕС с Турцией, западный — сотрудничеством Испании с Марокко.

Признание субъектности негосударственных акторов позволяет точнее объяснить характер геополитизации миграции в Средиземноморье: способности государств формировать миграционные потоки оказываются ограничены, а сама миграция становится продуктом взаимодействия множества участников с несоизмеримыми интересами.

В результате кризисы и маршруты перемещений развиваются не в рамках вертикальной иерархии управления, а в условиях сложной сетевой конфигурации, в которой негосударственные структуры обладают собственными механизмами воздействия на динамику мобильности.

Таблица 2. Систематизация факторов формирования миграционных потоков в системе отношений Италии и Ливии. Составлено диссертантом.

Группа факторов	**Проявление**	**Влияние на миграцию**	**Значение для Италии**
Политико-институциональные	Фрагментация власти в Ливии, ослабление контроля над территорией и границами	Расширение возможностей транзита и деятельности нелегальных перевозчиков	Зависимость миграционной безопасности от способности ливийских структур контролировать

Группа факторов	Проявление	Влияние на миграцию	Значение для Италии
			маршруты
Географические	Положение Ливии между государствами Африки и Центральным Средиземноморьем	Концентрация транзитных потоков на ливийском направлении	Италия становится основным государством первого въезда на данном маршруте
Регионально-политические	Конфликты и нестабильность в государствах Африки и сопредельных регионах	Формирование новых потоков и изменение маршрутов движения	Перенос последствий региональных кризисов к южной границе Италии и ЕС
Социально-экономические	Различия в занятости, доходах и условиях жизни между странами происхождения и назначения	Сохранение экономических стимулов миграции наряду с вынужденными перемещениями	Сочетание потребности в иностранной рабочей силе с необходимостью регулирования нерегулярных прибытий
Договорно-правовые	Соглашения Италии с Ливией и развитие национального миграционного законодательства	Усиление пограничного контроля и воздействие на потоки до достижения Италии	Формирование внешнего направления национальной миграционной политики
Наднациональные	Миграционная политика ЕС, пограничные механизмы и распределение ответственности	Включение центрально-средиземноморского маршрута в общеевропейскую систему регулирования	Сочетание национальных мер Италии с механизмами ЕС

Таким образом, миграционная палитра современной Италии представляет собой динамическую систему, в которой маршруты, интенсивность и состав потоков зависят не только от гуманитарных и экономических факторов, но и от стратегических решений на уровне международной политики. Средиземноморское пространство превратилось в лабораторию новых форм мобильности, где взаимодействуют официальные институты, региональные акторы и нелегальные посреднические сети. Для Италии миграция перестала быть исключительно социальной или демографической проблемой — она стала частью её геополитического положения. Государство вынуждено одновременно решать

задачи внутренней адаптации, экономического восполнения трудовых ресурсов и обеспечения границ, не располагая при этом механизмами самостоятельного регулирования.Возникла ситуация, при которой контроль над миграцией частично вынесен за пределы национального суверенитета и распределён между институтами Европейского союза, прибрежными странами Африки и международными организациями. В результате Италия функционирует как «пограничный фильтр» Европы, принимая на себя непропорционально высокие политические и гуманитарные издержки.

Изложенное позволяет рассматривать миграционные маршруты как механизм перераспределения пространства и власти. Маршруты движения людей становятся инструментом регулирования политического давления, своеобразной валютой в переговорах между странами происхождения, транзита и назначения. Изменение направления потоков выступает индикатором скрытых трансформаций в системе международных отношений — от корректировки союзов до изменения логики морской безопасности. Итальянская модель реагирования демонстрирует, что миграция в XXI веке превращается в фактор структурного развития, определяющий демографическую, экономическую и даже идеологическую траекторию государства.

2.3. Тенденции геополитизации миграционных процессов и ключевые вопросы адаптации и интеграции мигрантов в принимающем итальянском обществе

Современная миграция в Италии давно перестала быть исключительно демографическим или гуманитарным явлением. Она превратилась в фактор, изменяющий внутреннюю структуру государства и формирующий новую систему общественных отношений. Под влиянием постоянных миграционных потоков трансформируется само понятие национальной идентичности, а вопросы адаптации и интеграции выходят за пределы социальной сферы, приобретая политическое и геостратегическое измерение.

Геополитизация миграционных процессов проявляется в том, что управление мобильностью населения становится инструментом внешнеполитического позиционирования и внутренней консолидации.

Теоретическое содержание понятия раскрывается через совокупность взаимодополняющих подходов.

1. Реалистская традиция (Г. Моргентау,Дж. Миршаймер) интерпретирует миграцию как фактор, затрагивающий безопасность государства и его положение в международной системе. Масштабные потоки рассматриваются как источник давления на принимающие страны, влияющий на внутреннюю устойчивость, распределение ресурсов и внешнеполитические решения; контроль над миграцией приобретает инструментальный характер.

2. Конструктивистский подход (А. Вендт, П. Катценштейн) смещает акцент на формирование значений. Миграция понимается как социально сконструированное явление, смысл которого определяется политическим дискурсом; её интерпретация как угрозы, трансформирует содержание государственной политики и оправдывает ограничительные меры.

3. Теория секьюритизации (Б. Бузан, О. Вэвер) раскрывает геополитизацию через институционализацию миграции как угрозы. Перенос вопроса в сферу безопасности легитимирует чрезвычайные меры, включая усиление пограничного контроля, расширение полномочий силовых структур и соглашения с транзитными государствами.

4. Теории международной миграции (Д. Массей, Э. Ли) формируют базовый уровень анализа, описывающий причины и структуру потоков, тогда как геополитизация рассматривается как последующий этап их трансформации под воздействием внешнеполитических и институциональных факторов.

Методологически понятие раскрывается через сочетание сравнительного анализа, институционального подхода и анализа политического дискурса.

Решения о приёме или ограничении притока мигрантов отражают не только экономические возможности, но и идеологические приоритеты государства, его отношение к глобальным вызовам и к роли в европейской архитектуре

безопасности. В случае Италии эта двойственность особенно очевидна: страна одновременно выступает в качестве гуманитарного пространства, принимающего беженцев, и как форпост ЕС, вынужденный действовать в режиме сдерживания[228].

Понятие геополитизации в современной политической науке используется для обозначения процесса, при котором явления социальной, экономической или гуманитарной природы начинают интерпретироваться и регулироваться в логике международной конкуренции, стратегического соперничества и перераспределения власти между государствами и негосударственными акторами. В работах А. Мерфи подчёркивается, что геополитизация возникает тогда, когда проблема перестает быть внутренней и начинает функционировать как инструмент внешнеполитического воздействия, влияя на баланс сил в регионе или глобальной системе[229].

В отличие от классической геополитики, геополитизация не связана лишь с пространственным контролем; она описывает превращение социального явления в фактор международной политики.

Применительно к миграции геополитизация проявляется в том, что перемещение людей начинает рассматриваться не только как демографический или социальный процесс, но и как ресурс, и одновременно уязвимость государств, способная перераспределять влияние в регионе. По наблюдению С. Фукса, геополитизация миграции определяется тем, что государства трактуют мобильность населения как канал давления, угрозу безопасности или инструмент получения политических уступок[230].

Для стран Ближнего Востока и Северной Африки это означает, что миграция становится частью более широких стратегий: контроля над границами, обеспечения доступа к ресурсам, укрепления позиций в отношениях с ЕС или перераспределения регионального лидерства.

---

[228]Прудников А. С., Тузов Л. Л., Прудникова Т. А. [и др.] Реализация миграционной политики уполномоченными органами в сфере миграции в ряде зарубежных стран. М.: Юнити-Дана, 2020. С. 90.
[229]Murphy A. Geopolitics in a Changing World. New York: Routledge, 2020. P. 44–48.
[230] Fuchs S. Geopolitics of Human Mobility: Migration as a Strategic Factor. London: Palgrave Macmillan, 2021. P. 57–62.

В рамках настоящего исследования используется уточнённый подход: под геополитизацией миграции диссертант понимает *совокупность процессов, в ходе которых управление миграционными потоками, интерпретация их причин и последствия перестают быть сферой исключительно внутренней политики и начинают регулироваться в формате многоуровневых стратегических взаимодействий между государствами, наднациональными институтами и негосударственными структурами*.

Это определение позволяет учитывать ту особенность средиземноморского региона, при которой миграция выступает одновременно и результатом конфликтов, и инструментом политического торга, и фактором регионального перераспределения влияния.

Геополитизация в данном контексте включает три ключевых измерения. Во-первых, стратегическое: миграционные процессы становятся объектом внешнеполитического расчёта — как в странах ЕС, так и в государствах Северной Африки. Во-вторых, институциональное: регулирование миграции всё чаще осуществляется структурами, которые не принадлежат одному государству — ЕС, Frontex, UNHCR, IOM, международными НПО. В-третьих, дискурсивное: миграция интерпретируется не как следствие локальных кризисов, а как проявление борьбы за влияние, что формирует новые рамки политического восприятия и влияет на принятие решений.

Проблема интеграции мигрантов в таких условиях выходит за рамки социальной политики и становится частью национального проекта. Вопрос уже не сводится к тому, насколько эффективно иностранцы включаются в рынок труда, — речь идёт о способности итальянского общества выработать новые формы гражданской солидарности и культурного взаимодействия.

Старение населения и сокращение трудоспособных граждан делают мигрантов необходимым элементом восполнения демографических потерь и поддержания функционирования рынка труда. Тем не менее, их присутствие не всегда приносит исключительно положительные результаты. В условиях жёсткой бюджетной дисциплины, связанной нормами Европейского союза, итальянское

руководство вынуждено сочетать экономическую рациональность с политическими ограничениями, поощряя приток квалифицированных специалистов и одновременно ужесточая меры против нелегальной миграции.

Перед государством стоят задачи трудоустройства, интеграции и культурной адаптации прибывших. Реализация этих целей осложняется наличием обширного теневого сектора, в котором заняты в основном нелегалы. Подобная ситуация подрывает фискальную систему, способствует росту государственного долга и усиливает социальную напряжённость.

Миграционные процессы на центрально-средиземноморском направлении приобретают геополитическое содержание не вследствие самого увеличения числа перемещающихся лиц, а в результате изменения значения миграции для отношений между государствами. Применительно к Италии и Ливии геополитизация означает переход миграционной проблематики из преимущественно социально-экономической и гуманитарной сферы в область безопасности и международно-политического взаимодействия. Миграционный поток при этом становится не только объектом регулирования, но и фактором, влияющим на отношения Италии с Ливией, другими государствами — членами ЕС и институтами Европейского союза.

Проведённый анализ позволяет выделить следующие основные причины геополитизации миграционных процессов на центрально-средиземноморском направлении:

1. Институциональная фрагментация Ливии и ослабление государственного контроля над её территорией и границами. Конкуренция центров власти и деятельность различных вооружённых формирований ограничивают возможности системного контроля над миграционным транзитом. Политическая нестабильность Ливии при этом выступает не столько непосредственной причиной миграции, сколько условием устойчивого функционирования маршрутов, используемых мигрантами из других государств Африки.

2.Географическое положение Италии в миграционной системе Европейского союза. Центрально-средиземноморский маршрут выводит

миграционные потоки непосредственно к итальянскому участку внешней границы ЕС. В результате Италия принимает на себя первичную нагрузку.

3. Расхождения внутри Европейского союза по вопросам распределения миграционной ответственности. Для Италии проблема регулирования прибытий оказывается связана с необходимостью добиваться общеевропейской солидарности.

4. Перенос части миграционного контроля за пределы территории принимающего государства. Расширение сотрудничества с Ливией и развитие иных механизмов экстернализации меняют пространственные пределы миграционной политики. Италия стремится воздействовать на миграционные потоки до достижения ими собственной территории.

5. Вовлечённость внешних акторов в политические процессы в Ливии и Северной Африке. Пересечение интересов различных государств и международных организаций осложняет создание устойчивой системы миграционного регулирования. Контроль над миграционными маршрутами оказывается связан с более широкими вопросами региональной безопасности и политического влияния в Средиземноморье.

Совместное действие перечисленных причин формирует механизм геополитизации. Институциональная слабость Ливии затрудняет контроль над транзитом, а положение Италии на внешней границе ЕС превращает последствия этого процесса в проблему национальной и общеевропейской безопасности. Возникающая миграционная нагрузка обостряет разногласия о распределении ответственности внутри Союза и стимулирует Италию переносить часть контроля за собственные границы. Тем самым миграционная политика включается одновременно в итало-ливийские отношения и во взаимодействие Италии с институтами и государствами — членами ЕС.

Секьюритизация связана прежде всего с восприятием миграционных потоков в качестве проблемы безопасности и последующим расширением пограничных и административных ограничений. Именно такое понимание уже используется в диссертации при рассмотрении усиления пограничного контроля и

взаимодействия с транзитными государствами. Геополитизация шире: она проявляется тогда, когда регулирование миграции начинает воздействовать на межгосударственные отношения. Для Италии оба процесса тесно связаны. Рост значения миграционной безопасности сопровождается ужесточением национального регулирования, однако одних внутренних мер оказывается недостаточно вследствие трансграничного характера центрально-средиземноморского маршрута. Италия одновременно развивает взаимодействие с Ливией, использует механизмы Европейского союза и стремится расширить возможности самостоятельного воздействия на миграционные потоки. Миграционная проблематика тем самым становится частью внешнеполитической стратегии государства.

Следовательно, геополитизация миграции определяется не масштабом миграционного потока как таковым, а изменением его политической функции. В исследуемом случае её содержание выражается в переходе от регулирования перемещения населения преимущественно внутренними средствами к включению миграционной проблематики в отношения Италии с Ливией и Европейским союзом, в систему региональной безопасности и в процессы согласования интересов государств.

По данным Eurostat, иностранные граждане (в т. ч. мигранты из стран, не входящих в ЕС) продолжают быть одной из наиболее рисковых категорий по уровню бедности и социальной изоляции: в 2024 году почти 43,8% граждан(невыходцев из ЕС) в ЕС в целом были подвержены риску бедности или социальной изоляции, что значительно выше показателя среди национального населения, хотя разрыв несколько сократился по сравнению с прошлым десятилетием[231].

На 2022 год 9 % населения Италии составляли законно проживающие на территории Италии иностранные граждане.Незаконная миграция опасным способом ведёт к трагедиям и угрозе жизни мигрантов. 26 февраля 2023 года

[231]Eurostat.Migrant integration statistics – poverty and social exclusion (2024 data).URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_-_poverty_and_social_exclusion (дата обращения: 18.02.2026).

произошло крушение лодки с мигрантами, в результате которого погибло 70 человек[232].

Италия видит пути разрешения миграционного кризиса в развитии экономики стран мигрантов для предотвращения нелегального потока. Кроме того, происходит ужесточение миграционного законодательства в отношении незаконных мигрантов. За организацию незаконной перевозки мигрантов введено уголовное наказание в виде тюремного заключения сроком на 30 лет.В 2023 году количество беженцев, прибывающих в Италию морем, увеличилось на 50 % по сравнению с 2022 годом. На втором месте по числу прибывающих беженцев стал Тунис, на третьем Кот-д'Ивуар[233].

На январь 2024 года на территории Албании создаются два миграционных центра для рассмотрения заявок на получение статуса беженца от мигрантов, спасаемых в море властями Италии. Центры будут способны рассматривать заявки 3 000 беженцев в месяц.В 2023 году морем в Италию прибыл 157 651 мигрант. Из них 620 из Алжира, 97 667 — из Туниса, 51 986 — из Ливии.В 2024 морем прибыло 66 617 мигрантов. Из них 1 383 из Алжира, 19 460 — из Туниса, 42 279 — из Ливии.В 2025 — 66 296. Из них 1 812 из Алжира, 4 841 — из Туниса, 58 408 — из Ливии.Также в 2023—2025 гг. прибывали мигранты из Бангладеш, Египта, Эритреи, Пакистана[234].

Сокращение числа положительных решений по статусу и трудности с депортацией отказников дополнительно увеличивают долю людей, находящихся в нерегулированном положении в стране.

Согласно последнему Обследованию рабочей группы Европейского союза (European Labour Force Survey), мигранты, прибывшие в Европу по гуманитарным основаниям, сохраняют низкий уровень занятости даже спустя несколько лет после прибытия. Средний уровень трудовой вовлечённости беженцев и лиц,

---

[232] Istituto Nazionale di Statistica (ISTAT). Indicatori demografici – Anno 2024. URL: https://www.istat.it/it/archivio/indicatori+demografici (датаобращения: 18.02.2026).

[233]European Union Agency for Asylum (EUAA). Asylum Report 2025 – Statistical Annex. URL: https://euaa.europa.eu/publications/asylum-report-2025 (датаобращения: 18.02.2026).

[234]Eurostat.Asylum and first-time asylum applicants – monthly data 2025.URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyappctzm/default/table (дата обращения: 18.02.2026).

получивших международную защиту, в течение первых пяти лет пребывания не превышает 25–30%, что указывает на затруднённый доступ к рынку труда и длительный процесс адаптации. Для сравнения, среди трудовых мигрантов из стран, не входящих в ЕС, уровень занятости в первые пять лет после въезда достигает около 79%, что связано с их предварительным включением в экономические сети и наличием конкретных предложений работы[235].

Данные OECD подтверждают, что разрыв между показателями занятости гуманитарных мигрантов и трудовых мигрантов сохраняется в течение длительного времени. Обычно выравнивание этих показателей между двумя социальными группами происходит лишь спустя 10–15 лет после прибытия[236].

Помимо юридических ограничений, это помогает снизить склонность работодателей использовать лиц, ищущих убежища, в качестве дешёвой рабочей силы. Проще говоря, путь к интеграции длинный, но он проходит от принятия решения до пункта назначения.

Присутствие мигрантов в итальянском обществе – это не только вопрос устойчивости пенсий будущего, как неоднократно упоминал президент INPS Т. Боэри, который вступил в спор с вице-премьером М. Сальвини после презентации годового отчета института пенсионного фонда, но и получение стажа и выплаты зарплат и потенциальных налогов трудоспособного населения. Вклад работы иностранцев имеет основополагающее значение для поддержки экономики страны и, следовательно, для благосостояния всех граждан Италии. Это без «демографического вклада» должно привести в действие другие рычаги в среднесрочной перспективе, чтобы поддержать экономический двигатель: повысить производительность, чего никогда не было в недавнем прошлом, отложить пенсионный возраст (с уверенностью в стабильности экономики), повысить уровень образования работников и ввести миллионы женщин в профессиональную структуру.

---

[235]OECD.International Migration Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/migr_outlook-2024-en (датаобращения: 10.11.2025).

[236]European Commission.Employment and Social Developments in Europe 2023.Brussels, 2024. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8718 (дата обращения: 10.11.2025).

За последние десять лет численность иностранцев, проживающих в Италии, значительно увеличилась: по данным Istat и других источников, к 2025 году она достигла примерно 5,4 млн человек[237]. Существенная часть этой группы — лица трудоспособного возраста (15–64 лет). Одновременно прогнозы Banca d'Italia указывают на значительное сокращение трудоспособного населения к 2050 году без внешней миграции[238].

Практика показывает, что несмотря на многолетнее поддержание подобного дефицита, прирост ВВП остаётся менее чем половиной от ожидаемых значений, а реальный ВВП на душу населения фактически не растёт.

Современная итальянская экономика демонстрирует структурную зависимость от труда иностранных граждан, особенно в сегментах, характеризующихся низкой оплатой и высокой трудоёмкостью. Речь идёт не о «нежелании» национального населения выполнять определённые виды работ, а о несоответствии между уровнем оплаты, условиями занятости и ожиданиями работников.

В условиях сохраняющейся безработицы и региональной дифференциации рынка труда мигранты концентрируются в секторах, отличающихся высокой долей неформальной занятости, что создаёт двойственный эффект: с одной стороны, они обеспечивают функционирование ряда отраслей, с другой — воспроизводят сегментированный рынок труда и усиливают теневую экономику.

Демографическое старение итальянского общества и ограниченные возможности институциональной системы социального обеспечения обусловили формирование устойчивого спроса на труд иностранных работников в сфере домашнего ухода. Тем самым миграция выполняет компенсаторную функцию в социальной структуре государства, снижая нагрузку на публичные финансы и поддерживая модель семейно-ориентированного ухода.

---

[237] "More foreigners in Italy, now 5.4 million — immigration report." Infomigrants, 16 Oct 2025. URL: https://www.infomigrants.net/en/post/67542/more-foreigners-in-italy-now-54-million--immigration-report (датаобращения: 10.11.2025).

[238] Brandolini A. "Italy's Demographic Decline and Prospects for Economic Growth." Banca d'Italia, paper 2025. URL: https://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/qef/2025-0969/QEF_969.pdf (датаобращения: 10.11.2025).

В то же время концентрация мигрантов в низкоквалифицированных сегментах занятости оказывает влияние на социально-политическую стабильность. Сегментация рынка труда, конкуренция за рабочие места в условиях экономической стагнации, а также восприятие мигрантов как фактора давления на систему социальной поддержки формируют почву для роста протестных настроений и политической мобилизации вокруг темы миграции. Это отражается в усилении электоральных позиций партий, апеллирующих к повестке ограничения притока иностранной рабочей силы и ужесточения контроля над рынком труда.

Влияние миграции на итальянское общество проявляется не столько в бытовом или культурном измерении, сколько в перераспределении социальных рисков и трансформации политической конкуренции. Мигранты становятся элементом структурной экономической модели, но одновременно — объектом политизации в условиях высокой чувствительности общества к вопросам занятости, социальной защиты и безопасности.

Очевидно, что иммигранты занимают значимое место в социально-экономической структуре Италии, обеспечивая устойчивость системы социального обеспечения и внося весомый вклад в формирование внутреннего валового продукта. По оценкам Istituto Nazionale di Statistica (ISTAT), к 2024 году иностранные граждане составляют около 10% трудоспособного населения страны[239].

Их участие в производственных и сервисных секторах определяет не только уровень занятости, но и объём налоговых и страховых поступлений: по данным International Organization for Migration (IOM), совокупный вклад иммигрантов в формирование ВВП Италии оценивается примерно в 127 млрд евро, что соответствует 8,8 % добавленной стоимости[240].

---

[239] Istituto Nazionale di Statistica (ISTAT). Stranieri residenti e cittadinanza in Italia, 2024.URL: https://www.istat.it/it/archivio/stranieri+in+italia (дата обращения: 10.11.2025).

[240]International Organization for Migration (IOM).Migrants' Economic Contribution to Italy.Geneva, 2024. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom_italy_briefing_02.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

Согласно аналитическим расчётам Fondazione Leone Moressa, в 2015 году иностранные работники внесли в систему социального страхования Италии более 10,9 млрд евро, при этом выплаты, направленные иностранцам в форме пенсий и пособий, не превышали 3,3 млрд евро, что подтверждает их положительный чистый вклад в устойчивость национальной пенсионной системы[241]. Вместе с тем, доля иностранных граждан, получающих пенсии по инвалидности, старости или по случаю потери кормильца, остаётся минимальной — около 0,3% от общего числа пенсионеров.[4]

В сфере занятости в 2015 году иностранцы составляли 10,5% всех занятых, то есть около 2,36 млн человек, что на 65 тыс. больше, чем в 2014 году.[5] Уровень занятости среди иностранцев достигал 58,9 %, что превышало средний показатель среди итальянцев (56%)[242].

Вклад иностранных работников в экономику выражался не только в сфере наёмного труда: в 2015 году в стране насчитывалось около 656 тыс. предпринимателей-иммигрантов, что на 20,4% больше, чем пятью годами ранее, в то время как число итальянских предпринимателей сократилось на 7,4%. Компании, основанные мигрантами, создали добавленную стоимость на сумму около 96 млрд евро, что составляет 6,7% общего объёма[243].

Несмотря на эти показатели, миграционный труд остаётся уязвимым сектором экономики. В период с 2008 по 2015 год уровень занятости иностранных граждан сократился на 8,1%, тогда как среди итальянцев — лишь на 2,1%; уровень безработицы вырос соответственно на 7,7% и 4,8%. При этом, как отмечается в отчётах Open Migration и IOM, положительное сальдо участия мигрантов в национальной экономике остаётся значительным: совокупные выгоды для бюджета Италии оцениваются примерно в 1,7 млрд евро, что

---

[241]Fondazione Leone Moressa.Rapporto sull’economia dell’immigrazione 2016.Bologna, 2016. URL: https://www.fondazioneleonemoressa.org/it/rapporto-immigrazione-2016 (дата обращения: 10.11.2025).

[242]ISTAT.Occupati e disoccupati – Serie storiche.Roma, 2016. URL: https://www.istat.it/it/archivio/lavoro (дата обращения: 10.11.2025).

[243] Unioncamere – Infocamere. Imprese e Imprenditori Stranieri in Italia 2015.Roma, 2016. URL: https://www.unioncamere.gov.it (датаобращения: 10.11.2025).

учитывает соотношение налоговых поступлений и государственных расходов на здравоохранение, образование и правосудие[244].

Данные за 2024–2025 гг. подтверждают устойчивость общего экономического вклада иностранной рабочей силы в национальную экономику Италии. Согласно обновлённым расчётам Fondazione Leone Moressa и INPS, совокупные взносы иностранных работников в систему социального страхования в 2024 году превысили 13,2 млрд евро, что отражает как увеличение занятости среди мигрантов, так и рост средней заработной платы в низко- и среднеквалифицированных секторах.

При этом общие государственные расходы на пенсии и социальные выплаты иностранным гражданам остаются крайне низкими и составляют 3,6–3,8 млрд евро, что подтверждает сохранение положительного чистого баланса участия мигрантов в финансировании пенсионной системы. Доля иностранных пенсионеров продолжает оставаться минимальной — около 0,4% от общего числа получателей пенсий, что связано со сравнительно молодым возрастом большей части мигрантов и ограниченной продолжительностью их страхового стажа.

В сфере занятости иностранные граждане сохраняют значимые позиции. По оценкам ISTAT за 2024 год, иностранцы составляли около 10,8% всех занятых (примерно 2,45 млн человек), что отражает умеренный рост по сравнению с показателями предшествующего десятилетия. Уровень занятости среди иностранцев стабилизировался на уровне 59–60%, по-прежнему превышая средний показатель среди граждан Италии.

Рост предпринимательской активности также сохраняется: число предпринимателей-иммигрантов в 2024–2025 гг. оценивается в 680–700 тыс. человек, что соответствует продолжающемуся расширению этого сегмента — в частности, в строительстве, торговле и сфере услуг. Совокупная добавленная стоимость компаний, основанных иностранцами, оценивается примерно в 100–

---

[244] Open Migration. How Immigrants Are Saving the Italian Economy and Pensions. 2024. URL: https://openmigration.org/en/op-ed/how-immigrants-are-saving-the-italian-economy-and-pensions (дата обращения: 10.11.2025).

105 млрд евро, или около 7% общего объёма. При этом характер уязвимости мигрантского труда практически не изменился.

Уровень преступности, несмотря на некоторые широко распространенные и, возможно, усиленные представления соответствующих СМИ, о деятельности мигрантов, при расчетах однородных возрастных групп итальянского населения и пребывающих беженцев показывает, что число преступлений, производимых мигрантами на тех же уровнях или даже ниже (явно без учета некоторых типичных преступлений иностранного статуса), чем у итальянцев.

С потоками мигрантов не связаны потоки иностранцев, которые пытаются незаконно проникнуть на национальную территорию (которые сегодня должны считаться частью общего европейского пространства), многие из них просто являются просителями убежища и, следовательно, желают избежать голода, конфликтов и преследований. Из-за отсутствия слишком жестких правил, таких как «Босси – Фини», которые, несмотря на широкую критику и непрекращающиеся просьбы о модификации, остаются в силе, происходят неконтролируемые волны миграций. Европейские миграционные явления также должны рассматриваться через более полное европейское законодательство в связи с необходимостью более широкого видения проблем миграции[245].

Экономическая теория, как известно, предполагает существование значительных экономических выгод для национальной экономики, вытекающих из свободного международного передвижения людей и преимущества от них будут значительно выше, чем те, которые являются результатом либерализации международной торговли товаров и услуг.

Таблица 3. Причины и проявления геополитизации миграционных процессов в Италии. Составлено диссертантом

Причина	**Механизм воздействия**	**Проявление**	**Политический результат**

[245]Иванов Д. В., Егорова Е. Н., Алиев Д. М., Левина М. М. Международно-правовая политика Европейского союза в области вынужденной и трудовой миграции: учеб.пособие. М.: Проспект, 2024. С. 204.

Причина	Механизм воздействия	Проявление	Политический результат
Институциональная нестабильность Ливии	Ослабление контроля над территорией и границами	Устойчивость транзита через Ливию	Зависимость Италии от взаимодействия с ливийскими структурами
Положение Италии на внешней границе ЕС	Концентрация прибытий по центрально-средиземноморскому маршруту	Повышенная нагрузка на национальную систему приёма	Перенос миграционной проблематики на уровень отношений Италии и ЕС
Неравномерность миграционной нагрузки в ЕС	Различие интересов государств первого въезда и назначения	Споры о распределении ответственности	Требования Италии о расширении европейской солидарности
Секьюритизация миграции	Восприятие нерегулярной миграции как проблемы безопасности	Усиление пограничных и административных ограничений	Ужесточение национальной миграционной политики
Экстернализация контроля	Перенос части регулирования за пределы территории Италии	Сотрудничество с Ливией и другими странами транзита	Расширение внешнеполитического измерения миграционной политики
Рост самостоятельности Италии	Сочетание механизмов ЕС с национальными инициативами	Использование двусторонних инструментов сдерживания	Формирование относительной автономности Италии в регулировании миграции

Несмотря на это, большинство правительств проводят политику, направленную на ограничения. Иммиграция, таким образом, является выгодным явлением для общественного мнения и правительств определённых стран Европейского союза, которые регулярно ставят её на первое место в списке проблем в стране проживания.

Среди экономических факторов, связанных с иммиграцией, которые могут поставить под угрозу качество жизни граждан принимающих стран часто указывают: наибольшую конкуренцию на рынке труда (что приводит к снижению заработной платы и сокращению возможностей трудоустройства); появление проблем в доступе к общественным товарам и услуг различного типа (такие как больницы и школы, системы социальной защиты и пенсии); большая потребность в финансировании со стороны налогоплательщиков.

Неэкономические факторы обычно связаны с различными предубеждениями, иногда частью коллективных понятий, например, граждане принимающей страны могут иметь личную неприязнь к иностранцу, будь то иррациональное или мотивированное своим, или историческим опытом. В противном случае они могут предпочесть жить в обществе с чувством национальной идентичности, а не в соответствии с четкими и общепринятыми социальными нормами.

В этом случае они могут противостоять иммиграции, воспринимая ее как угрозу выживанию. Что касается качества работы, известно, что иммигранты часто оказываются в ловушке самых дисквалифицированных позиций на рынке труда, даже если их квалификационные уровни аналогичны, если не выше, уровня местных жителей.

С этой точки зрения инструментальный подход (эффект весов) иммигрантов к поиску работы дает отрицательный результат. Хотя цель государства минимизировать периоды безработицы ограничила негативное влияние экономического спада на возможности трудоустройства мигрантов, с другой стороны, такое поведение могло увеличить риск оказаться на самых нестабильных и дисквалифицированных рабочих местах.

Этот подход также затрудняет как работодателям, так и мигрантам инвестирование в человеческий капитал и может способствовать выбору неоптимальных рабочих мест, поскольку они нацелены на максимизацию дохода в краткосрочной перспективе. Таким образом, низкоквалифицированная работа иммигрантов является своего рода константой для иммигранта: среди мужчин и женщин, на севере и юге, при прочих равных условиях, иностранцы систематически находятся в невыгодном положении по сравнению с итальянской «рабочей силой». Поскольку, в связи с этим, нет оснований ожидать улучшения условий занятости иммигрантов, можно предположить, что их неблагоприятное положение, с точки зрения качества работы, не изменилось за годы экономического кризиса. Международная дискуссия о глобальном управлении

миграцией полностью проигнорировала дилемму между «открытостью» и «правами».

В Италии предпринимательская активность, связанная с лицами иностранного происхождения, демонстрирует значительную устойчивость, хотя её структура и динамика претерпевают изменения. По оценке International Organization for Migration (IOM), к концу 2021 года иностранцы составляли приблизительно 10% от всех зарегистрированных предпринимателей в Италии[246].

Несмотря на пандемийный шок2020, снижение числа самозанятых предпринимателей-иностранцев не подтверждается едиными количественными данными: например, в отчёте Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) отмечено, что среди стран ОЭСР доля самозанятых иностранцев выросла с 11% в 2006 году до примерно 16% в 2022 году, что говорит о долговременной тенденции роста предпринимательства иностранного происхождения[247].

В то же время фирмы с иностранным капиталом или управлением в Италии отмечены как более инновационные и экспортно-ориентированные, по сравнению с общим средним, - за период 2020–2022 гг. доля таких предприятий, внедривших инновации, составила 71,2% против чуть менее 60% для национальных фирм[248].

Вопросы, характерные для итальянских предпринимателей — сложная бюрократическая процедура, ограниченный доступ к ликвидности и финансовым ресурсам — оказывают влияние и на иностранцев. При этом исследования указывают на то, что фирмы, управляемые лицами иностранного происхождения, чаще имеют форму ИП или микропредприятия, а их способность к

---

[246]IOM Italy.“Italy’s immigrant entrepreneurship”.URL: https://italy.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1096/files/documents/IOM_Italy%27s%20immigrant%20entrepreneurship_FLM%2030.05.2022%20(1).pdf (датаобращения: 10.11.2025).

[247]OECD. “International Migration Outlook 2024: Migrant entrepreneurship in OECD countries”. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/11/international-migration-outlook-2024_c6f3e803/full-report/migrant-entrepreneurship-in-oecd-countries_72f44494.html (дата обращения: 10.11.2025).

[248]Confindustria. “Foreign companies: how many are in Italy and how to attract new ones”. URL: https://www.confindustria.it/en/news/testing-how-many-foreign-companies-there-are-and-how-to-attract-new-ones/ (дата обращения: 10.11.2025).

самофинансированию и использованию семейных/социальных сетей повышена ввиду ограниченного доступа к внешним источникам капитала[249].

Следует также отметить, что они сильно различаются по некоторым признакам, в особенности из-за роста их числа перед лицом «итальянской» тенденции в обратном направлении, которое тянется годами.

Рост иностранного бизнеса за период кризиса, подобный тому, который переживает страна, также может быть плодом дискриминации в мире подчиненной работы, с точки зрения как найма, так и карьеры, из-за которой самостоятельная работа становится последним средством иностранных граждан. Риск состоит в том, что это явление ведет к еще одному фактору, а именно геттоизации иммигрантских общин.

Однако из данных CNEL не видно, что рост бизнеса иностранных граждан связан с дискриминаций в сфере занятости, скорее это стремление к социальному восхождению и интеграции, которое не представляется возможным.

Сокращение индивидуального предпринимательства, связанное с увеличением общества с более сложными структурами, также можно интерпретировать как положительный показатель, свидетельствующий об укреплении позиций в системе производственных компаний, возглавляемых иностранцами.

Развитие миграционной проблематики в Италии после кризиса 2015–2017 гг. сопровождалось трансформацией партийной системы и перераспределением электоральной поддержки. Парламентские выборы 4 марта 2018 года зафиксировали сдвиг в структуре предпочтений: Движение «Пять звёзд» получило 32,7% голосов (227 мест в Палате депутатов и 112 в Сенате), «Лига» — 17,4 % (125 и 58 мест соответственно), существенно улучшив позиции по сравнению с 2013 годом, тогда как «Демократическая партия» снизилась до 18,7% (112 и 53 места).

---

[249]OECD. “Inclusive Entrepreneurship Country Assessment Notes: Italy”. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/05/inclusive-entrepreneurship-policy-assessment-country-notes_48c462fc/italy_c39174cc/6a0f54d2-en.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

Коалиционное правительство «Лиги» и «Движения пяти звёзд», сформированное в июне 2018 году, закрепило институционализацию миграционной повестки. В период пребывания Маттео Сальвини на посту министра внутренних дел (2018–2019 гг.) были приняты «декреты о безопасности», ужесточившие порядок предоставления убежища, ограничившие гуманитарную защиту и усилившие контроль над деятельностью неправительственных организаций в Средиземном море.

Электоральная динамика усилилась на выборах в Европейский парламент 2019 года: «Лига» получила 34,3% голосов (29 из 76 мандатов), тогда как поддержка Движения «Пять звёзд» снизилась до 17,1%, а «Демократической партии» — составила 22,7%, что отражает перераспределение в пользу сил с жёсткой миграционной позицией.

К выборам 25 сентября 2022 года произошла дальнейшая перегруппировка: «Братья Италии» получили 26% голосов (119 мест в Палате депутатов и 66 в Сенате), «Лига» — 8,8 % (66 и 29 мест), «Демократическая партия» — около 19 % (69 и 40 мест). Правый блок обеспечил парламентское большинство, получив более 230 мест в Палате депутатов и около 115 в Сенате.

Региональная структура также изменилась: на севере усилились правые партии, в центральных регионах ослабло доминирование левоцентристских сил, на юге возросла волатильность с ростом поддержки жёсткой миграционной повестки.

Италия в последние годы постепенно смещает акцент миграционной политики с мер контроля на стратегию интеграции.Практика культурного посредничества оказалась особенно востребованной при урегулировании конфликтов, связанных с выходцами из Румынии и Северной Африки. В этих случаях посредники выступают экспертами по межэтническому взаимодействию, помогая минимизировать напряженность и предотвращать ксенофобию.

Система интеграции мигрантов в принимающее итальянское сообщество строится на трёх ключевых принципах:

- интеграция рассматривается как длительный процесс, начинающийся с момента первичного приёма и завершающийся достижением личной автономии;

- успех интеграции невозможен без осведомлённости и поддержки принимающего населения;

- особая защита должна быть обеспечена уязвимым группам — женщинам, несовершеннолетним, жертвам торговли людьми и лицам, ищущим убежище[250].

Однако общая динамика последних лет свидетельствует о снижении интенсивности миграционных потоков. Это связано с изменением политических приоритетов Италии, усилением двустороннего сотрудничества с Ливией и странами транзита, а также с заключением локальных соглашений с муниципалитетами, направленных на контроль и перераспределение миграционных маршрутов.

В последние годы важность продвижения интеграции стала приобретать межкультурный и межрелигиозный диалог как инструмент интеграции, а также противодействия культуре расизма и риска роста исламофобии.

В отличие от других стран, например Великобритании, в Италии практически нет районов с высокой концентрацией мусульманского населения. Исключение составляют несколько городов, где целенаправленно набирали гастарбайтеров. Так, население города Монфальконе, самого северного порта на Средиземном море, на треть состоит из мигрантов, преимущественно мусульман - уроженцев Бангладеш. Монфальконе - один из промышленных центров страны, здесь находится одна из главных верфей, где заняты многие иностранные рабочие. Одновременно город является вторым по величине портом, где происходит разгрузка судов с товарами для европейских стран. Здесь также есть предприятия, где производят химикаты, текстиль, нефтепродукты и даже строят авиалайнеры.

Мусульманское население в основном проживает на севере Италии и в центре страны. При этом их присутствие на юге менее заметно. И это - не только

---

[250] Арбатова Н. К., Басов Ф. А., Васильев В. И. [и др.] Невоенные угрозы безопасности ЕС. М.: Весь мир, 2023. С. 450.

результат более длительного исторического контакта. Сами итальянцы объясняют это тем, что менталитет выходцев из арабских стран близок менталитету жителей юга Италии. Если северяне более образованны, сосредоточенны и пунктуальны, то южане ведут расслабленный образ жизни и более толерантны к иностранцам.

Мусульманские сообщества, возникшие в Италии, различаются в зависимости от страны исхода, времени прибытия, контекста принимающего социума и по социально-демографическим характеристикам.

Совершенно иначе общество реагирует на приток выходцев из Украины или Китая, обладающих профессиональными навыками, опытом и встроенными каналами трудоустройства через уже сформированные диаспоры[251]. Или в среднем образованные бегущие сирийцы, как те, которых приветствовала в Германии А. Меркель.

В первом случае государственным структурам приходится концентрировать усилия на социальном контроле, интеграции и борьбе с нелегальной занятостью, во втором — на рациональном распределении трудовых ресурсов и содействии экономическому росту.

Для получения разрешения на работу и проживания иностранцы должны подтвердить знание итальянского языка и основ истории страны. Это требование отражает стремление государства не просто регулировать рынок труда, но и стимулировать культурную адаптацию. Тем не менее, процесс интеграции осложнён различиями в мировоззрении, религиозных практиках и социальных нормах. Выходцы из восточных стран зачастую испытывают трудности с восприятием европейских ценностей, что приводит к отчуждению и конфликтам с местным населением.

Проблема усугубляется тем, что интеграционные механизмы, разработанные в странах ЕС, не обеспечивают полной социальной адаптации беженцев. В результате формируется прослойка населения с устойчивым

---

[251] Мачадо Ортега Ш. Э., Рыжов И. В. Иммиграционная политика ЕС в 2020 году: анализ изменений и перспективы в контексте Пакта о миграции и убежище // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. науч. статей. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024. С. 55.

чувством отчуждения, которая нередко демонстрирует неприятие норм принимающего общества. При отсутствии системной интеграционной политики и эффективных правовых инструментов подобные группы могут превращаться из жертв конфликтов в источник дестабилизации. Это делает необходимым создание сбалансированной системы мер, направленных на интеграцию мигрантов, регулирование их правового положения и пресечение действий, способных спровоцировать межэтническую или религиозную напряжённость.

События последних лет на Ближнем Востоке и в Северной Африке привели к росту притока беженцев, отличающихся по ментальности, культурным установкам и социальной модели поведения от итальянского общества. В этих условиях обеспечение внутренней безопасности стало одной из приоритетных задач для итальянского государства. Отсутствие постоянного диалога между властями и мусульманскими общинами усиливает влияние радикальных течений и способствует росту популярности экстремистских организаций.

Огромное множество организаций исламского толка и ряда террористических исламских организаций сейчас находятся на территории Италии, тем самым создавая угрозу дестабилизации безопасности в регионе, возобновляя разногласия по поводу мигрантов.

В 2018–2019 гг. в Италии был сформирован нормативный пакет, получивший в публичном дискурсе обозначение «decreti sicurezza». Речь идёт о Decreto-legge n. 113/2018[252], впоследствии преобразованном в Закон № 132 от 1 декабря 2018 г., а также о Decreto-legge n. 53/2019, конвертированном в Закон №77 от 8 августа 2019 г.[253] Оба акта обладают статусом законов Республики и внесли системные изменения в регулирование международной защиты и противодействия нелегальной миграции. Закон №132/2018 пересмотрел архитектуру института международной защиты, отменив ранее применявшуюся

[252]Decreto-legge 14 giugno 2019, n. 53 «Disposizioni urgenti in materia di ordine e sicurezza pubblica»; Legge 8 agosto 2019, n. 77 (conversione in legge). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/06/14/19G00063/sg; https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/08/08/19G00084/sg (дата обращения: 18.02.2026).

[253]Decreto-legge 4 ottobre 2018, n. 113 «Disposizioni urgenti in materia di protezione internazionale e immigrazione, sicurezza pubblica»; Legge 1 dicembre 2018, n. 132 (conversione in legge). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/10/04/18G00140/sg;
https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/12/03/18G00161/sg (дата обращения: 18.02.2026).

гуманитарную форму разрешения на проживание и заменив её ограниченным перечнем специальных оснований.

Анализ современной научной литературы позволяет выделить несколько направлений исследования миграционной динамики в регионе. В работах М.М. Агазаде разрабатывается концепция Большого Средиземноморья как комплексного регионального пространства. В рамках этого пространства кризисы на Ближнем Востоке и в Северной Африке оказываются взаимосвязанными и формируют общие риски[254].

Исследования П.П. Тимофеева и М.В. Хорольской демонстрируют, что взаимодействие Франции и Германии с Турцией в зонах нестабильности усиливает политическую фрагментацию региона, влияя на характер и маршрутизацию миграционных потоков[255]. О.А. Тимакова показывает трансформацию политики ЕС в отношении государств Юго-Восточного Средиземноморья, отмечая переход от модели «кольца друзей» к «кольцу огня», что отражает углубление кризисных процессов на периферии европейского пространства безопасности[256].

По наблюдению И.А. Чихарева и Л.Н. Гарас, миграционные перемещения в Центральном Средиземноморье, в особенности в итальянском направлении, являются следствием сочетания внутренних конфликтов, энергетической уязвимости и структурной нестабильности прибрежных государств[257]. Совокупность этих исследований подчёркивает, что Средиземное море выступает не только географическим пространством, но и зоной пересечения экономических, политических и гуманитарных процессов, в которой формируются ключевые механизмы региональной миграционной динамики.

---

[254]Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 429–440.

[255]Тимофеев П. П., Хорольская М. В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4(116). С. 134–159.

[256]Тимакова О. А. Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 29–37.

[257]Чихарев И. А., Гарас Л. Н. Миграционные процессы в регионе Средиземноморья: итальянский контекст // Вестник Московского университета. Серия 12: Политическиенауки. 2018. № 5. С. 90–109.

Пандемия COVID-19 заметно изменила характер миграционных процессов в Европе: мобильность населения сократилась, но одновременно активизировались отдельные нелегальные направления. Согласно статистике European Commission, размещённой 23 марта 2020 года, количество заявлений о предоставлении убежища в странах ЕС сократилось примерно на треть, достигнув минимального уровня за шесть лет[258].

За первые десять месяцев 2020 года число нелегальных пересечений внешних границ ЕС составило около 114 000 человек, что на 10% меньше, чем годом ранее, и стало минимальным показателем за предыдущие шесть лет[259]. При этом уменьшение было неравномерным: на восточном маршруте (из Турции в Грецию) наблюдалось снижение, тогда как через центральное Средиземноморье (из Северной Африки в Италию и Мальту) поток усилился. Например, увеличилась высадка на Lampedusa.

Несмотря на общее снижение миграционных потоков, гуманитарная ситуация оставалась критичной: на средиземноморском маршруте в 2020 году погибло или пропало без вести по меньшей мере 1 810 человек[260]. Так пандемия не только изменила маршруты миграции, но и выявила уязвимость европейской системы управления миграцией и защиты мигрантов в условиях глобальных кризисов.

Пандемия COVID-19 выявила значительное неравенство в состоянии здоровья и уровне защиты мигрантов, проживающих в Италии. Согласно исследованию Итальянского института здравоохранения (Istituto Superiore di Sanità) в сотрудничестве с Итальянским обществом миграционной медицины (SIMM), уровень госпитализаций среди иностранных граждан был выше, чем

---

[258]European Commission.“Asylum applications down by one-third in 2020 amid COVID-19” (23 March 2020).URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_466 (дата обращения: 10.11.2025).

[259]EUR-Lex.“Illegal border crossings into EU fell by 10% in first ten months of 2020” (European Commission press release).URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0093 (дата обращения: 10.11.2025).

[260] Reuters. “A decade after EU’s migrant crisis, hundreds still dying in Mediterranean” (18 Aug 2025).URL: https://www.reuters.com/graphics/MIGRATION-EUROPE/MEDITERRANEAN/myvmxjemwpr/ (дата обращения: 10.11.2025).

среди итальянцев[261]. Анализ эпидемиологической кривой COVID-19 показал, что мигранты чаще сталкивались с проблемами при диагностике заболевания и трудностями получения информации о санитарных мерах[262].

Исследования также демонстрируют, что пандемия неравномерно затронула различные этнические группы. По оценкам Европейской комиссии, доля мигрантов в отраслях здравоохранения, сельского хозяйства, сферы социальной помощи и бытовых услуг в Италии превышает 30%[263].

Принятый правительством Италии Указ о возобновлении деятельности (Decreto Rilancio, № 34 от 19 мая 2020 г.) предусматривал частичную легализацию иностранных граждан, занятых в домашнем труде и сельском хозяйстве, чтобы компенсировать нехватку рабочей силы во время локдауна. Однако, как отмечает Ассоциация юридических исследований в области иммиграции (ASGI), из примерно 620 000 нелегальных работников ходатайства подали лишь около200 000 человек, что свидетельствует о низкой эффективности механизма[264].

Исследование аналитического центра Eurispes указывает на ухудшение положения мигрантов в аграрном секторе во время пандемии: зафиксированы рост эксплуатации, увеличение продолжительности рабочего дня и снижение оплаты[265].

Аналогичная динамика наблюдалась в сфере домашнего труда, где, по данным Ассоциации работодателей домашних работников (Assindatcolf), было потеряно около 13000 рабочих мест, что усугубило уязвимость иммигрантов, особенно женщин[266].

---

[261] Istituto Superiore di Sanità. COVID-19: Impatto sulla salute dei migranti in Italia. URL: https://www.iss.it/documents/20126/0/Rapporto_COVID19_ISS_SIMM.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[262]World Health Organization.Migration and Health in the Context of COVID-19 Pandemic in Italy.URL: https://www.who.int/europe/publications/migration-health-italy-covid-19 (дата обращения: 10.11.2025).

[263]European Commission.Employment and Social Developments in Europe 2021.URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8423 (дата обращения: 10.11.2025).

[264]ASGI. Decreto Rilancio: regolarizzazione dei lavoratori stranieri. URL: https://www.asgi.it/allontamento-espulsione/decreto-rilancio-regolarizzazione-migranti-2020/ (дата обращения: 10.11.2025).

[265]Eurispes. Rapporto Italia 2021: Lavoro e immigrazione nel settore agricolo. URL: https://eurispes.eu/publication/rapporto-italia-2021-lavoro-immigrazione-agricolo/ (дата обращения: 10.11.2025).

[266]Assindatcolf. Lavoro domestico e pandemia: i dati del 2020. URL: https://www.assindatcolf.it/news/lavoro-domestico-pandemia-2020 (дата обращения: 10.11.2025).

В совокупности пандемия подтвердила, что здоровье мигрантов тесно связано с социально-экономическими детерминантами: условиями труда, занятостью, жилищными обстоятельствами и доступом к медицинской помощи. В этом контексте итальянские и международные эксперты подчёркивают значение концепции «глобального здоровья» как междисциплинарного подхода, объединяющего эпидемиологические, экономические и социальные аспекты[267].

Во время пандемии в Италии сектор домашнего труда, в котором задействованы преимущественно граждане иностранного происхождения, подвергся значительному сокращению. По оценке аналитиков, число увольнений в домашнем обслуживании достигло порядка десятков тысяч. В ответ на кризис правительство приняло меру легализации трудоустройства иностранных граждан, работающих в сельском хозяйстве, домашнем обслуживании и уходе (Decreto Rilancio № 34/2020 от 19 мая 2020 г.)[268]. Однако исследование показывает, что из примерно 220000 поступивших заявлений лишь ограниченное число было принято — что говорит о существенном числе мигрантов, оставшихся вне формальной системы[269].

Эксперты отмечают, что система, ориентированная преимущественно на волю работодателя в сфере домашнего и сельскохозяйственного труда, оказалась «упущенной возможностью» для охвата всех нуждающихся и устранения теневого рынка труда. В аграрном секторе наблюдались случаи роста доли иностранных рабочих, занятых в нелегальных формах занятости, чрезмерной длительности рабочего дня и низкой защищённости трудовых прав[270].

При этом в числе мигрантов-работников в Италии преобладает занятость в отраслях, признанных «ключевыми» с точки зрения функционирования экономики (домашнее обслуживание, уход, уборка), — что усиливает их

---

[267]IDOS & Centro Studi Confronti.Dossier Statistico Immigrazione 2020.URL: https://www.dossierimmigrazione.it/ (датаобращения: 10.11.2025).

[268] Lexia Avvocati. «Regularization of undocumented workers – Italy, Decreto Rilancio».URL: https://italianvisa.it/regularization-of-undocumented-workers/ (дата обращения: 10.11.2025).

[269]IntegrazioneMigranti.gov.it. «Regularisation 2020 – analysis of the scheme».URL: https://integrazionemigranti.gov.it/en-gb/Dettaglio-approfondimento/id/3/Regularisation-2020 (дата обращения: 10.11.2025).

[270]MigrationPolicy.org. «Italy migrant farmworker exploitation during COVID-19».URL: https://www.migrationpolicy.org/article/italy-migrant-farmworker-exploitation (дата обращения: 10.11.2025).

уязвимость в период эпидемии. Многочисленные исследования увязывают неблагоприятные социально-экономические условия (связанные с незарегистрированной занятостью, перенаселенностью жилья, неудовлетворительным доступом к медицинской помощи) с повышенным риском заражения и неблагоприятного течения заболевания COVID-19 среди иммигрантов[271].

К числу значимых вызовов относится также то обстоятельство, что вопрос получения гражданства или устойчивого легального статуса для многих иностранных рабочих оставался отложенным: даже если формально допускается натурализация после длительного срока проживания, на практике для мигрантов трудоспособного возраста, последние годы живущих в условиях нестабильности, этот путь часто представляет собой непреодолимую преграду.

В сумме пандемия продемонстрировала, что здоровье мигрантов нельзя рассматривать отдельно от труда, жилищных условий и доступа к социальным гарантиям: они оказываются в «узловых точках» глобального здоровья, где эпидемия, эксплуатация труда и миграционный статус пересекаются.

В Италии число иностранных работников составляет порядка 2–2,4 млн человек (примерно 10% от общей занятости), при уровне занятости среди иностранцев в диапазоне 60–61%[272]. Для иностранных женщин наблюдается более слабая динамика, что свидетельствует о гендерной асимметрии в участии на рынке труда.

Несмотря на успехи интеграции в школьную и академическую среду, среди молодых работников, не являющихся гражданами ЕС, преобладают низкоквалифицированные и низкооплачиваемые позиции: данные указывают на

---

[271] PubMed Central. «The Impact of the COVID-19 Crisis on Marginal Migrant Populations in Europe, Italy Case».URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7992102/ (дата обращения: 10.11.2025).

[272] Ministero del Lavoro e delle Politiche Sociali. XIII Report “Foreigners in the labour market in Italy”. URL: https://integrazionemigranti.gov.it/en-gb/Dettaglio-approfondimento/id/52/XIII-Report-Foreigners-in-the-labour-market-in-Italy- (дата обращения: 10.11.2025).

значительное смещение в сторону «голубых воротничков», вне зависимости от уровня образования[273].

Пандемия COVID-19 раскрыла, что иностранные работники сосредоточены в секторах жизненно важной деятельности: агропродовольственный комплекс, здравоохранение, домашний уход, логистика. В этих областях они подвержены как усиленному воздействию эпидемии, так и экономической уязвимости. Некоторые источники указывают на попытки легализации иностранных работников в сельском хозяйстве и домашней помощи в ходе кризиса; однако количество заявлений оказалось существенно меньше оценочного числа нелегально занятых, что подчёркивает сложности охвата неблагополучных групп занятости[274].

Изменение миграционной политики Италии после 2022 г. необходимо рассматривать во взаимосвязи с трансформацией общеевропейского подхода к регулированию миграции. Его характерной чертой становится сочетание двух направлений: реформирования внутренних механизмов распределения ответственности между государствами — членами ЕС и расширения взаимодействия с государствами происхождения и транзита мигрантов. Показательна в этом отношении последовательность соглашений Европейского союза со странами Северной и Западной Африки. Меморандум о стратегическом и глобальном партнёрстве ЕС и Туниса от 16 июля 2023 г. включил миграцию и мобильность в число пяти основных направлений сотрудничества наряду с макроэкономической стабильностью, торговлей и инвестициями, энергетическим переходом и межчеловеческими контактами.

В марте 2024 г. было оформлено миграционное партнёрство с Мавританией, предусматривающее взаимодействие по вопросам нерегулярной миграции, убежища и защиты, легальной мобильности, противодействия нелегальной перевозке мигрантов и управления сухопутными и морскими границами. На

---

[273]Eurostat.Migrant integration statistics — labour market indicators.URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_%E2%80%93_labour_market_indicators (дата обращения: 10.11.2025).

[274]PICUM. Italy: the 2020 regularisation scheme leaves many behind. URL: https://picum.org/blog/italy-2020-regularisation-scheme-leaves-many-behind/ (дата обращения: 10.11.2025).

поддержку Мавритании ЕС объявил пакет в размере 210 млн евро, имеющий более широкую направленность и включающий наряду с миграционным регулированием экономические и социальные мероприятия. В том же месяце было заключено стратегическое и всеобъемлющее партнёрство с Египтом. Общий пакет поддержки на 2024–2027 гг. определён в размере 7,4 млрд евро, из которых 200 млн евро предусмотрены непосредственно для управления миграцией. В миграционной части партнёрство охватывает легальную мобильность.

В частности, партнёрства в области талантов (Talent Partnerships) развиваются с Тунисом, Марокко и Египтом и ориентированы на согласование потребностей европейских рынков труда с возможностями легальной мобильности граждан государств-партнёров. Институциональное оформление этой модели связано с принятым в 2024 г. Пактом о миграции и убежище. Его значение состоит прежде всего в попытке устранить противоречие между ответственностью государств, расположенных на внешней границе Союза, и принципом солидарности остальных государств-членов. Новая система предусматривает более унифицированный порядок регистрации и проверки прибывающих лиц, развитие обновлённой системы Eurodac, пограничные процедуры предоставления убежища и возвращения, а также механизм распределения ответственности и солидарности. Общий план имплементации Пакта был построен вокруг десяти взаимосвязанных направлений, охватывающих Eurodac, управление внешними границами, приём, процедуры убежища и возвращения и применение новых правил ответственности.

При этом общеевропейская реформа не исключила развития Италией собственных механизмов ограничения миграции. После формирования правительства Дж. Мелони в октябре 2022 г. национальная политика стала в большей степени ориентироваться на предотвращение нерегулярных прибытий до достижения мигрантами итальянского побережья, ускорение процедур возвращения, усиление ответственности за организацию нелегальной перевозки людей и расширение взаимодействия с государствами транзита. Такой подход проявился в принятии в 2023 г. так называемого декрета Кутро, расширении

сотрудничества с Тунисом и Ливией, а также в разработке механизма переноса отдельных миграционных процедур в Албанию.

Количественная динамика требует при этом более осторожной оценки, чем утверждение о постоянном росте миграции после прихода правительства Дж. Мелони. В 2023 г. Италия действительно столкнулась с резким увеличением морских прибытий, однако в 2024 г. направление динамики изменилось: по данным УВКБ ООН, на итальянском побережье было зарегистрировано свыше 66,3 тыс. прибытий морским путём, что на 58 % меньше показателя 2023 г. Следовательно, изменение политики после 2022 г. характеризуется не линейным ростом миграционного давления, а резким ухудшением ситуации в 2023 г. и последующим значительным сокращением морских прибытий в 2024 г.

Особенно существенно изменение роли Ливии. На протяжении 2024 г. её значение как государства отправления мигрантов вновь усиливалось: в мае на Ливию приходилось более половины морских прибытий в Италию, в июне — 66 %, в июле и августе — около 70 %, в ноябре — около 76 %, а в декабре — приблизительно 89 %. Данные показатели требуют разграничивать государство отправления и государство происхождения мигрантов. Высокая доля отправлений с ливийского побережья не означает преобладания граждан Ливии в составе потока. По итогам 2024 г. среди прибывших в Италию наиболее многочисленными были граждане Бангладеш (21 %), Сирии (19 %), Туниса (12 %), Египта (6 %), Гвинеи и Пакистана (по 5 %); далее следовали граждане Судана, Эритреи, Мали и Гамбии.

В июле 2025 г. комиссар ЕС по внутренним делам Магнус Бруннер совместно с министрами, отвечающими за миграцию в Италии, Греции и на Мальте, посетил Ливию на фоне увеличения нерегулярных прибытий из этой страны. В Триполи состоялись переговоры с Правительством национального единства, тогда как запланированная часть визита в Бенгази была сорвана вследствие разногласий протокольного характера. Наиболее самостоятельным элементом итальянской стратегии стало соглашение с Албанией, подписанное в ноябре 2023 г. Его принципиальное отличие от традиционного сотрудничества со

странами транзита состоит в создании за пределами Италии объектов, в которых итальянские органы должны осуществлять предусмотренные национальным законодательством процедуры в отношении определённых категорий лиц, спасённых или перехваченных в Средиземном море. Модель предусматривает использование объектов в Шенджине и Гядере; расчётная вместимость системы определялась приблизительно в 3 тыс. человек одновременно, а потенциальная пропускная способность — до 36 тыс. человек в год. Оценки совокупных расходов на пятилетний период составляли около 610–653 млн евро.

Постпандемийный период показал, что снижение миграционной активности в 2020 году носило временный характер. Проведённый диссертантом анализ данных Министерства внутренних дел Италии[275] и Frontex[276], включающий расчёт годовых темпов прироста и долей основных стран происхождения, позволил выявить качественное изменение структуры миграционных потоков.

По результатам собственных вычислений диссертанта, объём миграции на Центрально-средиземноморском направлении в 2021 году увеличился на 96%по сравнению с 2020 годом (с 34 154 до 67 040 прибытий). В 2022 году рост составил ещё 56% (до 105 131 человека). Совокупное увеличение за два постпандемийных года достигло 208% относительно 2020 года. Сравнительная обработка данных по странам происхождения и маршрутам прибытия[277] показала изменение маршрутов миграции. Если в 2020 году 48% прибывших достигали Италии через Ливию, то по подсчётам диссертанта, основанным на официальной статистике, в 2022 году этот показатель снизился до 28%. Доля Туниса, напротив, увеличилась с 24 до 38%. Вклад Туниса в формирование миграционного давления вырос в 1,6 раза быстрее Ливии.

На основе этих значений диссертантом была выполнена экстраполяция долей маршрутов на ближайшую перспективу. Если сохранится динамика 2021–

---

[275]Ministero dell’Interno. Dipartimento della Pubblica Sicurezza. Cruscotto Statistico Giornaliero. URL: https://www.interno.gov.it (датаобращения: 27.11.2025).
[276]Frontex. Risk Analysis Reports, Annual/Quarterly Statistical Data.URL: https://frontex.europa.eu (датаобращения: 27.11.2025).
[277]UNHCR.Operational Data Portal.Mediterranean Situation.URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean (дата обращения: 27.11.2025).

2022 гг., тунисский маршрут может стабилизироваться в диапазоне 40–42% общего потока, тогда как ливийский — снизиться до уровня около 25%. Такая проекция основана на расчёте среднегодового изменения доли маршрутов (ΔTunisia= +7 %, ΔLibya = −7 %) и отражает структурный характер происходящих процессов. Данное смещение нельзя объяснить только политическими колебаниями в Ливии, поскольку оно совпало с постпандемийным кризисом в Тунисе, ростом инфляции продовольственных товаров и увеличением активности криминальных сетей на юге страны.

Обработанные данные показывают, что постпандемийное усиление миграции совпало с изменением состава потоков. Для оценки структуры перемещений был рассчитан вклад отдельных стран происхождения в общий объём прибытий.

Полученные значения фиксируют рост доли выходцев из стран Западной Африки, прежде всего из Гвинеи и Кот-д’Ивуара. Авторский расчёт долей стран происхождения позволяет утверждать, что после пандемии миграция потеряла прежнюю региональную специфику.Темпы увеличения прибытий через Тунис в 2021–2022 гг. превысили общую динамику на 18 процентных пунктов, тогда как темпы через Ливию оказались ниже общей динамики на 12 пунктов. Изменение маршрутов морских перемещений является следствием общего состояния государств отправления. Пандемия выступила катализатором процессов, которые уже проявлялись до 2020 года.Рост на 208% за два года усилил напряжение в системе приёма. Увеличение доли тунисского направления приводит к высокой вариативности объёмов прибытий.

В целом политический процесс в Италии продолжает приобретать всё более персонализированный характер. Это отражает потребность общества в ответственном лидерстве, но в то же время негативно сказывается на функционировании институтов.

Процесс согласования плана восстановления в Брюсселе, по итогам которого Италия оказалась главным бенефициаром европейских фондов, также укрепил позиции правительства и способствовал его авторитету в восприятии

общества. Кроме того, его усиливает «распределительная» роль правительства по мере того, как финансовые ресурсы на восстановление экономики начинают поступать из ЕС. Это также меняет баланс отношений между региональными властями и центром в пользу последнего.

Партийный ландшафт Италии за время пандемии изменяется в сторону выравнивания, когда в стране фактически отсутствует ярко выраженная партия-лидер. Правоцентристская и левоцентристская коалиции сопоставимы по уровню поддержки населением, но вместе с тем растёт и фрустрация, отражающая неудовлетворённость граждан всем партийным спектром. Частично это объясняется тем, что «прорывные» идеи, связанные с экономическим восстановлением, социально-экономическими реформами, энергетическим переходом, климатической повесткой, устойчивостью, исходят от правительства и, в общем-то, никем не оспариваются. Можно сказать, что возникает определённое ощущение безальтернативности предлагаемой модели развития и отсутствие самого запроса на альтернативу. На этом фоне у столь популярных недавно идей «суверенизма», кажется, больше нет никаких перспектив. Европеизм действующего кабинета становится единственным шансом страны на восстановление экономики и её последующее преобразование благодаря фондам ЕС.

Одновременно был пересмотрен режим содержания в лагерях и центрах временного размещения. Финансирование по линиям ECHO и AMIF было направлено на модернизацию инфраструктуры, снижение плотности проживания и обеспечение медицинского сопровождения. Развёртывание санитарных зон и мобильных бригад в Греции и Италии свидетельствовало о признании того факта, что эпидемиологическая уязвимость лагерной инфраструктуры имеет прямое политическое измерение: вспышки заболеваний в таких пространствах быстро становились предметом внутриполитической полемики и межгосударственных споров.

Переход от санитарных мер к более широкому обсуждению устойчивости европейской модели оказался логически обусловленным. Пандемия

продемонстрировала, что миграционная политика не может рассматриваться изолированно от вопросов социальной интеграции, занятости и распределения ресурсов. Включение мигрантов в программы вакцинации и трудовой легализации оказалось не актом благотворительности, а способом стабилизации социально-экономической системы. Именно в этой точке возникает вопрос о границах европейского единства: способность согласовывать меры в сфере здравоохранения и миграции стала индикатором институциональной связности Союза.

В итальянском случае санитарный кризис ускорил переосмысление роли миграции в структуре внутренней устойчивости. Масштабное присутствие иностранной рабочей силы в секторах, чувствительных к карантинным ограничениям, выявило зависимость экономики от транснациональной мобильности. Миграция перестала восприниматься исключительно как следствие внешних конфликтов; она встроилась в механизм воспроизводства социальной инфраструктуры. Это обстоятельство придало интеграционной политике новое содержание: от управления потоками — к управлению участием.

Такое смещение акцента усилило геополитическое измерение миграции. Контроль границ всё чаще сочетается с распределением ответственности между государствами, а сама граница функционирует как зона переговоров и координации, а не только как линия разграничения. Итальянский опыт показывает, что устойчивость зависит от способности соединять инструменты безопасности с механизмами включения. В этом смысле адаптация мигрантов выходит за рамки социальной политики и становится элементом внешнеполитического позиционирования: через неё выстраивается баланс между национальными интересами и общеевропейскими обязательствами.

Миграция, таким образом, оказывается пространством сопряжения внутренней и внешней политики. Включённость мигрантов в экономические и институциональные структуры формирует модель общества, находящегося в постоянном взаимодействии с внешней средой, но способного к внутренней регуляции. Итальянская практика демонстрирует, что устойчивость достигается

не устранением мобильности, а её институциональным оформлением — через сочетание правовых гарантий, санитарных стандартов и механизмов распределённой ответственности.

Выводы по второй главе.

1. Политическая нестабильность стран Ближнего Востока и Северной Африки сформировала качественно новый тип регионального конфликта, выходящий за рамки традиционных вооружённых противостояний. Его структура основана на распаде государственных институтов, фрагментации власти и вовлечении внешних акторов, что превращает миграцию в один из инструментов функционирования кризисного пространства. В этих условиях движение населения из зоны конфликтов в Европу перестаёт быть лишь следствием гуманитарных катастроф и приобретает признаки системного явления, отражающего изменение политической географии региона. Миграция становится функциональным элементом региональной дестабилизации, а не её побочного эффекта.

2. Миграционная система Италии представляет собой сложное пересечение демографических, экономических и геополитических процессов, в которых страна играет роль «переднего рубежа» Европейского союза. Выявляется устойчивая взаимозависимость между внутренними кризисами стран происхождения и стратегическими интересами ЕС, что превращает миграцию в индикатор региональной нестабильности и фактор внешнеполитического прогнозирования.

3. Совокупность обнаруженных тенденций позволяет сделать вывод о том, что миграция в регионе приобретает свойства самостоятельного геополитического процесса, в рамках которого перераспределение субъектности, активизация негосударственных участников и связь между миграционной динамикой и структурными трансформациями в Северной Африке формируют многоуровневую систему взаимодействий.

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИВИИ И ИТАЛИИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ФИЛЬТРАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

3.1. Ливия и Европейский Союз: поиск совместных решений проблем миграции

Проблематика взаимодействия Ливии и Европейского союза в сфере миграции после 2011 года не может быть понята вне анализа институциональной деградации ливийского государства. Распад централизованных структур управления, утрата монополии на легитимное применение силы и фрагментация силового сектора привели к тому, что контроль над перемещением населения фактически оказался распределён между полуформальными и неформальными акторами[278]. Как отмечают О.Г. Лекаренко и К.В. Гостев, европейское участие в ливийском урегулировании изначально сочетало стабилизационные задачи с попытками минимизировать миграционные риски, однако отсутствие единого государственного партнёра существенно ограничивало результативность подобных усилий[279].

Влияние институтов Европейского союза на миграционную политику Италии реализуется через наднациональные механизмы нормотворчества и управления. Определяющее значение сохраняет Европейская комиссия, действующая с 1958года. В её структуре с 2010 года функционирует Генеральный директорат по вопросам миграции и внутренних дел (DG HOME), формирующий инициативы в сфере убежища, охраны границ и противодействия незаконной миграции. Через проекты регламентов и директив задаются параметры национальной политики, а финансовые инструменты — Фонд убежища, миграции и интеграции (AMIF) и Фонд внутренней безопасности (ISF), действующие с

---

[278] Высочина Е. С. Ливия — африканское поле битвы мировых держав… // Новый исторический вестник. 2021. № 1(67). С. 152–156.

[279] Лекаренко О. Г., Гостев К. В. Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2(86). С. 353–356.

2014 года, — напрямую влияют на организацию приёма мигрантов и развитие инфраструктуры контроля в Италии.

Законодательный процесс осуществляется при участии Европейского парламента, ведущего свою историю с 1952 года и действующего наравне с Советом. Ключевые вопросы проходят через Комитет по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам (LIBE). В рамках Совета ЕС формат по юстиции и внутренним делам обеспечивает согласование решений государствами-членами, включая параметры распределения нагрузки и меры по усилению внешних границ; позиция Италии формируется в условиях межгосударственного баланса.

Операционное воздействие обеспечивают специализированные агентства. Frontex, созданное в 2004 году и реформированное в 2016 году, координирует операции на внешних границах, включая центрально-средиземноморское направление. EUAA, учреждённое в 2021 году на базе EASO (2010), оказывает методическую и кадровую поддержку национальным органам. В сфере противодействия трансграничным сетям действует Европол, координирующий обмен оперативной информацией и поддерживающий расследования, связанные с незаконной миграцией.

В этих условиях любая миграционная договорённость с Ливией неизбежно приобретала гибридный характер: Европейский союз взаимодействовал не столько с государственными институтами, сколько с фрагментированным сектором безопасности, в котором вооружённые формирования частично инкорпорированы в официальные структуры, но сохраняют автономные командные вертикали. К.Н. Гасанов подчёркивает, что после «арабской весны» геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье оказалось ограниченным конкуренцией внешних акторов и институциональной слабостью партнёрских режимов[280].

Это означает, что миграционная политика ЕС в отношении Ливии изначально развивалась в условиях структурной несбалансированности:

---

[280]Гасанов К. Н. Геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье после «арабской весны» // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 68–71.

европейская сторона стремилась к формированию предсказуемой инфраструктуры пограничного контроля, тогда как ливийская реальность характеризовалась множественностью центров силы и политизированной безопасностью.

С 2011 года структурные раздоры в системах управления Ливией подорвали монополию государства на применение силы, а расширение числа вооружённых группировок и их постепенное проникновение в органы безопасности по всей стране ещё больше усилили это ослабление[281].

Одним из устойчивых заблуждений в процессах разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР) в Ливии стало предположение, что участников вооружённых формирований можно «выкупить» или интегрировать лишь посредством финансовых стимулов[282]. Ещё одно неверное представление состоит в том, что реформа сектора безопасности (РСБ) зависит преимущественно от выбора подходящих личностей, а не от внедрения адекватных систем и процессов[283].

Европейские сиюминутные задачи по стабилизации, особенно в сфере миграции и борьбы с терроризмом, породили ответную политику, которая, согласно анализу, лишь способствовала углублению нестабильности.

Чтобы обеспечить Европе значимую роль в реформировании сектора безопасности Ливии, требуется единая стратегия и операционные принципы. При этом необходимо признать, что европейское пространство для манёвра будет ограниченным, а усилия — среднесрочными и долгосрочными. В краткосрочной перспективе европейцам следует способствовать учреждению находящегося в Ливии органа РСБ, который мог бы возглавить усилия на национальном уровне совместно с дипломатией United Nations Support Mission in Libya, опираясь на

---

[281]European Council on Foreign Relations. Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).
[282]Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF).Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya.URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
[283] Clingendael Institute. One thousand and one failings: The prospects for security sector development in Libya. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-04/one-thousand-and-one-failings.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

децентрализованные инициативы по безопасности с участием гражданского общества[284].

Это должно сопровождаться большим вниманием к укреплению инициатив в области безопасности от низов и до верхов, которые могут помочь стабилизировать страну и восстановить европейское влияние.

Спустя десять лет после смены режима М. Каддафи аппарат безопасности Ливии находится в хаосе. Наибольшим влиянием в ливийской столице пользуются четыре основные триполитанские фракции, т.н. «большая четверка» — Специальные силы сдерживания, Бригада революционеров Триполи, Центральные силы безопасности «Абу Салим» и Бригада «Наваси». Именно эти группировки контролируют центральные районы ливийской столицы, где размещены правительственные учреждения. На эти фракции опирается лично Ф. Сарадж, видя в них, помимо всего прочего, и противовес иным региональным силам Западной Ливии, лояльным ПНЕ — в частности бригадам Мисраты, чей неформальный представитель Ахмед Майтыг занимает должность вице-премьера в правительстве.

Группировки «большой четверки» относятся к МВД ПНЕ, а потому также наделены функциями сил безопасности и могут быть использованы в качестве репрессивных органов в отношении иных западно-ливийских фракций, включая и подконтрольные министерству обороны ПНЕ. Злоупотребление этими функциями часто приводит к межфракционным конфликтам.

Специальные силы сдерживания (ССС) — самая влиятельная, наиболее обученная и оснащенная группировка ополченцев в Триполи. Она была создана, вероятно, в конце 2011 или начале 2012 года как подразделение мобильных сил верховного комитета безопасности (аналог министерства внутренних дел) Национального переходного комитета. В 2018 году ССС по-прежнему является структурой министерства внутренних дел, только теперь в рамках ПНЕ, но на практике в своих действиях пользуется большой автономией.

---

[284]Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Security Sector Stabilization: Defining a Path in the Libyan Context. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

Поэтому ССС рассматриваются многими группировками, противостоящими ЛНА, в качестве «троянского коня» Хафтара в Триполи. Их обвиняют в похищениях, пытках и убийствах их политических противников. Следует учитывать, что две отдельные бригады ССС действуют в качестве полицейских сил и в рядах ЛНА, однако не участвуют в операциях против политических оппонентов Тобрука, если речь не идет о борьбе с общепризнанными террористическими группировками.

Также и находящиеся в Триполи бригады ССС во главе с Абд ар-Рауфом Кара не задействованы в противостоянии с ЛНА и специализируются на внутренней безопасности — охране правопорядка, защите правительственных объектов. С 2014 года, когда United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL) инициировала процесс диалога в Ливии, усилия международного сообщества по миростроительству включают процедуры разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР)[285].

Ситуация остаётся неизменной: например, после формирования Joint Military Commission (СВК) летом 2020 года, созданной для обеспечения перемирия и интеграции вооружённых формирований после наступления Х. Хафтара на Триполи, этот орган помог достичь соглашения о прекращении огня в октябре 2020 года[286].

Фактическая «гибридизация» институтов безопасности позволила отдельным группам использовать контроль над побережьем и транзитными маршрутами как источник экономической ренты и инструмент политического давления. Как справедливо указывает К.Д. Смолькова, миграционная дипломатия в современных условиях выступает формой перераспределения внешнеполитических ресурсов и может использоваться в качестве средства

---

[285]Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF).Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya.URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

[286]Chatham House. Conclusions: implications for disarmament, demobilization and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/10/sprint-41/06-conclusions-implications-disarmament-demobilization-and-reintegration (дата обращения: 21.11.2025).

влияния на партнёров[287]. В ливийском случае подобная логика проявилась в трансформации миграционных потоков в элемент политической экономики конфликта.

Проблема, таким образом, выходит за рамки простой незаинтересованности сторон.Ряд ливийских политических акторов институционализировал взаимодействие с вооружёнными группами, рассчитывая укрепить собственные позиции во внутреннем соперничестве, тогда как отдельные европейские государства поддерживали локальные структуры безопасности, исходя из приоритетов сдерживания миграции и противодействия терроризму[288]. Подобная тактика краткосрочного реагирования, как отмечают З.В. Покудов и Э.Л. Садыкова, уже в период интервенции 2011 года заложила основу для регионализации военно-политических интересов ЕС и их расхождения на практике[289].В результате меры по стабилизации сектора безопасности оказывались встроенными в конкурентную среду и не приводили к созданию единой системы управления границами.

Ослабление монополии государства на применение силы сопровождалось постепенной интеграцией неофициальных вооружённых формирований в формальные институты без системной реорганизации командных структур. Е.С. Высочина обращает внимание на то, что ливийский конфликт приобрёл черты «поля битвы мировых держав», где внешние интересы усиливали внутреннюю фрагментацию[290]. В подобных условиях интеграция ополчений без предварительной демобилизации и институциональной реформы лишь легитимировала их влияние и усилила борьбу за доступ к государственным ресурсам.

Попытки «персонализированного» подхода к реформе — замены отдельных фигур без изменения процедур и механизмов подотчётности — не устранили

---

[287] Смолькова К. Д. Миграционная дипломатия как инструмент внешней политики… // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 6(118). С. 2560–2563.

[288]Ионов Д. Д., Кретов А. Д. Место «арабской весны» во внешней политике Франции // Конфликтология / Nota Bene. 2024. № 3. С. 35–38.

[289]Покудов З. В., Садыкова Э. Л. Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС… // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 163–166.

[290]ВысочинаЕ. С. Указ.соч. С. 158–160.

системных дисфункций, что подтверждает ограниченность моделей, ориентированных на кадровые решения вместо институционального проектирования.

Таким образом, самой важной проблемой для Ливии в постреволюционную эпоху является отсутствие легитимного и центрального правительства, что не может вызывать возражений. Ведь Ливия нуждалась в мощной правовой государственной власти над силами ополченцев, вооруженными и политическими группами, исключая необходимость внешнего вмешательства[291].

В отличие от периода правления Каддафи, когда архитектура безопасности носила исключительно централизованный характер, защищая и поддерживая авторитарность власти, в послереволюционный период, включая время после 2014 года, система безопасности основывалась на действиях ополченцев. Но поскольку силы ополченцев никак не контролировались, также как и поставки оружия, Ливия была ввергнута в полный хаос.

При планировании РСБ в Ливии европейские государства должны, как представляется, сосредоточить внимание на инициативах, вовлекающих как руководство, так и население. Следует принять стратегический долгосрочный подход, учитывающий не только политические приоритеты, но и потребности безопасности населения Ливии. Явные краткосрочные задачи — контроль миграции и борьба с терроризмом — неоднократно приводили Европу к реактивной политике, усиливающей нестабильность[292]. Вместо этого лучше поощрять создание институционального партнёра, способного соответствовать стратегическому видению Европы, укреплять верховенство закона и защищать население Ливии посредством механизмов контроля и подотчётности.

Параллельно европейская политика в Средиземноморье эволюционировала от оперативных мер реагирования к попытке выстроить долгосрочную архитектуру взаимодействия. М.В. Клинова и О.Е. Трофимова подчёркивают, что

---

[291]European Council on Foreign Relations (ECFR). Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).

[292]Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF).Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya.URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

обновлённая стратегия ЕС в отношении стран Магриба предполагает сочетание инструментов безопасности, экономического партнёрства и управляемой мобильности[293].

Однако реализация данной модели невозможна без формирования в Ливии институционального партнёра, способного осуществлять гражданский контроль над вооружёнными структурами и обеспечивать единообразное применение пограничных процедур.

Таким образом, реформа сектора безопасности приобретает непосредственное миграционное измерение. Без создания централизованной и подотчётной системы безопасности контроль над морскими отправлениями остаётся фрагментарным, а соглашения с ЕС — ситуативными. Как показывает анализ европейского единства в период гражданской войны в Ливии, проведённый К.Н. Гасановым, внутренняя разобщённость ЕС дополнительно снижала его способность к последовательной политике[294].

Отдельно отметим реформирование миграционной политики Европейского союза после принятия в 2024 г. Пакта о миграции и убежище. Его значение для изучения итальянской миграционной политики обусловлено тем, что новая система непосредственно затрагивает государства, расположенные на внешней границе ЕС и принимающие значительную часть мигрантов, следующих по средиземноморским маршрутам. Центральным элементом реформы стал Регламент (ЕС) 2024/1351 об управлении убежищем и миграцией, закрепивший общий механизм управления миграционными процессами, принцип солидарности и справедливого распределения ответственности между государствами — членами ЕС, а также новые правила определения государства, ответственного за рассмотрение заявления о международной защите. Отметим Регламент (ЕС) 2024/1356, вводящий скрининг граждан третьих стран на внешних границах, Регламент (ЕС) 2024/1358 о системе Eurodac, Директива (ЕС) 2024/1346 об

---

[293]Клинова М. В., Трофимова О. Е. Европейский союз и страны Магриба: новая «старая» стратегия // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4(128). С. 55–60.

[294]Гасанов К. Н. Европейское единство во время гражданской войны в Ливии (2015–2020 гг.) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 3. С. 52–57.

условиях приёма лиц, обращающихся за международной защитой, и другие акты, составляющие нормативную основу Пакта[295].

Процесс реализации Пакта подробно исследуется О. А. Потемкиной. Рассматривая первые этапы подготовки новой системы, автор обращает внимание на сочетание двух тенденций: унификации общеевропейских процедур и сохранения стремления государств-членов использовать собственные инструменты ограничения нерегулярной миграции. Особое место занимают проблемы инструментализации миграционных потоков, применения исключительных мер на внешних границах, создания центров возврата и определения «безопасных третьих стран». По наблюдению О. А. Потемкиной, уже на подготовительном этапе отдельные государства стремились ускорить применение предусмотренных Пактом механизмов, а к началу 2025 г. национальные планы его реализации представили 24 государства — члена ЕС. Последующее развитие реформы показывает дальнейшее усиление внешнего измерения миграционного регулирования. В частности, предложения Европейской комиссии 2025 г. предусматривают возможность создания центров возврата в третьих странах и расширения применения концепции «безопасной третьей страны»[296].

Выявленная в работах О. А. Потемкиной взаимосвязь общеевропейской реформы с национальными интересами государств Средиземноморья заключается в следующем. В 2025 г. начался предусмотренный Пактом первый годовой цикл управления миграцией, включающий формирование механизма «взносов солидарности»: государства получили возможность участвовать в распределении

---

[295] Regulation (EU) 2024/1351 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on asylum and migration management, amending Regulations (EU) 2021/1147 and (EU) 2021/1060 and repealing Regulation (EU) No 604/2013 // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1351; Regulation (EU) 2024/1356 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 introducing the screening of third-country nationals at the external borders and amending Regulations (EC) No 767/2008, (EU) 2017/2226, (EU) 2018/1240 and (EU) 2019/817 // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1356; Regulation (EU) 2024/1358 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on the establishment of “Eurodac” for the comparison of biometric data // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1358; Directive (EU) 2024/1346 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 laying down standards for the reception of applicants for international protection // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1346.

[296] Потемкина О.Ю. Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 5. С. 44–54.

миграционной нагрузки посредством приёма лиц, финансовых платежей либо альтернативной оперативной и технической поддержки. Применительно к Ливии общеевропейская политика одновременно ориентирована на усиление пограничного контроля, противодействие незаконному ввозу мигрантов и развитие механизмов их добровольного возвращения в государства происхождения.

Общеевропейская нормативная трансформация развивается параллельно с длительной эволюцией национального миграционного законодательства Италии. К основным этапам его формирования относятся Закон № 943 от 30 декабря 1986 г., впервые комплексно урегулировавший положение иностранных работников; Закон № 39 от 28 февраля 1990 г. (так называемый Закон Мартелли), расширивший регулирование въезда и предоставления убежища; Закон № 40 от 6 марта 1998 г. (Закон Турко — Наполитано) и принятый на его основе Сводный текст положений об иммиграции и статусе иностранцев — Законодательный декрет № 286 от 25 июля 1998 г. Существенное ужесточение режима связано с Законом № 189 от 30 июля 2002 г. (Закон Босси — Фини), усилившим зависимость легального пребывания иностранца от наличия трудовых отношений и расширившим инструменты противодействия нерегулярной миграции. В дальнейшем эта линия получила развитие в законодательных и административных мерах 2008–2009 гг., декретах Сальвини 2018–2019 гг., их частичном пересмотре Декретом-законом № 130 от 21 октября 2020 г., а после прихода правительства Дж. Мелони — в Декрете-законе № 20 от 10 марта 2023 г., принятом после трагедии у Кутро, и последующих мерах по ускорению процедур, ограничению нерегулярного въезда и расширению внешних инструментов миграционного контроля.

Стабильность миграционного партнёрства зависит не столько от объёма финансовой помощи, сколько от глубины институциональной трансформации ливийского сектора безопасности и согласованности европейской стратегии.

Например, в конце 2011 года Национальный переходный совет решил предоставить стипендии членам революционных вооруженных группировок. Это

не только не помогло их разоружить, демобилизовать или восстановить в должности, но и опустошило общественную казну и продвинуло идею о том, что принадлежность к ополчению может гарантировать источник средств к существованию. Натиск в ДДР (Disarmament, Demobilization and Reintegration) после войны 2011 года свел демократический контроль над сектором безопасности к замене офицеров эпохи М. Каддафи новыми революционными деятелями. Основная политика того времени - «Программа реинтеграции и развития Ливии» (LPRD), первоначально известная как «Комиссия по делам воинов», характеризовалась большим энтузиазмом, плохим планированием[297]. ЛПРД не смог определить реорганизацию цепочки командования или контроля на институциональном уровне, а также не смог адекватно обучить или, во всяком случае, нанять персонал, способный управлять современным, демократическим и функциональным аппаратом безопасности. Эти проблемы усугублялись неосведомленностью о прочных связях, возникших между революционными бригадами (а позже и ополчениями) во время боевых действий, что потребовало бы процесса полной демобилизации и разоружения, прежде чем рассматривать их интеграцию в государство.

С точки зрения местных сообществ, это были основные проблемы, которые характеризовали усилия РДР, предпринятые в рамках LPRD, которые были сосредоточены на интеграции бывших комбатантов в сектор безопасности, а не на гражданском измерении и программах профессиональной подготовки. Действительно, в своем отчете о ходе работы за 2011–2015 гг. LPRD сообщило, что оно подписало меморандумы о взаимопонимании с различными учреждениями безопасности для интеграции 38 000 бывших комбатантов, в то время как за тот же период только 1400 человек прошли профессиональную подготовку в рамках экономической подготовки LPRD. Легитимизация чрезмерного расширения ливийского аппарата безопасности была стратегической

[297]Chatham House. Security actors in Misrata, Zawiya and Zintan since 2011: Conclusions – Implications for disarmament, demobilisation and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2023/12/security-actors-misrata-zawiya-and-zintan-2011/06-conclusions-implications-disarmament (дата обращения: 21.11.2025).

ошибкой, даже если правительство сделало это в полной координации с Миссией ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ)[298].

Многие эксперты согласны с тем, что интеграция ополченцев в регулярные полицейские силы и вооруженные силы была катастрофой, которая ждала своего часа, препятствуя попыткам восстановить верховенство закона, поскольку неподготовленные бывшие боевики брали на себя роли, для которых они не были подготовлены.

Более того, власти провели этот процесс, не меняя командные структуры, чтобы обеспечить гражданский контроль над деятельностью сектора безопасности. Это оказалось особенно деструктивным, поскольку некоторые из этих глубоко укоренившихся групп использовали признание своего нового статуса и доступ к общественным ресурсам для укрепления существующих отношений с сообществом, предлагая льготы, которые они взяли на себя за счет государства.

Между тем, зарубежные партнеры Ливии (такие как США, Великобритания, Италия и Турция) способствовали интеграции ополченцев в службы безопасности, но не в гражданскую жизнь. Усилиям этих стран препятствовал неадекватный процесс отбора и соображения оппортунизма, а не эффективности. Самый яркий пример подобных проектов на ранних стадиях касается попытки Великобритании обучить 2000 ливийских солдат в Кембридже, которая не удалась, когда ливийские кадеты, не прошедшие никакого отбора, вырвались из-под контроля британских инструкторов и даже совершили преступления. В целом, эти нескоординированные международные усилия по реформе в сфере безопасности не смогли обеспечить ливийским новобранцам подготовку, необходимую им для эффективного выполнения своих обязанностей после интеграции, даже если учесть, что в большинстве случаев, годы необходимой подготовки академических занятий были сосредоточены на курсах

[298]Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF).Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya.URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

продолжительностью несколько недель или, в лучшем случае, несколько месяцев[299].

Формирование двух конкурирующих правительств в 2014 году еще больше усугубило ситуацию, поскольку ни одна гражданская власть не считалась достаточно легитимной, чтобы заслуживать командования вооруженными группировками. Поскольку различные политические группы контролировали разные целевые ополченцы, инициативы РСБ и РДР приобрели политизированный характер, были оспариваемы и ограничивались конкретными группами.

Несмотря на эти трудности, власти внесли лишь косметические изменения в политику РСБ и ДДР на высоком уровне, одновременно пытаясь интегрировать вооруженные формирования во вновь созданные органы. Например, в 2016 году, при настоянии США и ряда европейских государств, Правительство национального согласия (Ливия) (ПНС) создало Президентскую гвардию(Ливия) — формирование, которое должно было содействовать интеграции и обеспечению безопасности. Тем не менее создание такого рода ополчения фактически ослабило государственный контроль над столицей, где вскоре усилили позиции группировки, включённые в так называемый «Картель Триполи». Эта ситуация показала, как попытки «разделить», а не «согласовать» процессы РДР и реформы сектора безопасности (РСБ) привели к провалу обеих[300].

Сегодня некоторые вооружённые группировки функционируют как свободные формирования, в то время как другие продолжают поддерживать конкурирующие политические структуры.

После последовательных волн политизированной интеграции в сектор безопасности Ливии сейчас, по оценкам, вовлечено порядка 400 000 человек —

---

[299] Pack J., Smith R., Mezran K. The Origins and Evolution of the Libyan Conflict.Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 65.

[300] The Presidential Guard (2016-18), Clingendael Institute. URL: https://www.clingendael.org/pub/2020/one-thousand-and-one-failings/3-analysis-of-major-national-security-initiatives-in-libya-20112018/ (датаобращения: 21.11.2025).

что составляет примерно 6% населения страны[301]. Это значительно осложняет управление реформами в сфере безопасности и РДР и снижает шансы на успешное разрешение политических и управленческих проблем государства, особенно в ситуации, когда вооружённые группы получили влияние над различными министерствами.

Одной из причин провала усилий по РДР в Ливии было то, что власти не связали интеграцию бывших комбатантов с тщательной оценкой потребностей сектора безопасности страны, что потребовало бы детального внутреннего анализа внешних угроз, с которыми столкнулась Ливия. М. Каддафи намеренно пренебрег и ослабил официальные службы безопасности, опасаясь, что какой-нибудь молодой офицер пойдет по его стопам и устроит переворот.

Таким образом, после революции Ливия оказалась без технических навыков, необходимых для организации современных и функциональных служб безопасности и адаптации к постконфликтной реальности, характеризующейся распространением оружия и вооруженных группировок. Кроме того, неудачи ДДР затруднили взаимодействие хрупкого сектора безопасности, политики и верховенства закона Ливии с хорошо оснащенными ополченцами.

Эти проблемы усугубляются поведением политических элит, которые, как уже упоминалось, стремились использовать ополченцев для доминирования друг над другом. В результате инициативы РСБ превратились в политизированные попытки усилить свою сферу влияния, из-за чего население оказалось более лояльным к простым решениям по созданию проектов обучения и переобучения вооруженных сил.

Политизация ССР только усилилась, когда ливийский конфликт превратился в международную опосредованную войну. С 2011 года доверенные лица инициировали программы обучения и оснащения, направленные, прежде всего, на усиление влияния и легитимности их местных представителей.

---

[301] New Libya government creates ‘Presidential Guard’, The Peninsula / AFP. URL: https://thepeninsulaqatar.com/article/10/05/2016/New-Libya-government-creates-Presidential-Guard (дата обращения: 21.11.2025).

Ливийские арабские вооруженные силы (ЛАВС, Libyan Arab Armed Forces) Х.Хафтара представляют собой прекрасный пример такой динамики[302].

Начиная с 2014 года Объединенные Арабские Эмираты, Египет и другие государства организовывали, финансировали и строили ВСАЛ с целью привести к власти в Ливии сильного и послушного человека[303]. Аналогичным образом, подход Турции к РСБ начался с попытки помочь ливийцам остановить наступление Х. Хафтара на Триполи, а теперь превратился в политизированное усилие, направленное на обучение, оснащение и поддержку послушных вооруженных или политических группировок.

Эти инициативы нарушили эмбарго ООН на поставки оружия, действующее с 2011 года, и в них участвовали иностранные наемники из Сирии, Судана и Чада. Очевидно, что первоначальный провал РСБ не только обрек проекты ДДР на провал, но и открыл дверь к интернационализации конфликта.

Изучение взаимодействия Ливии и ЕС по вопросам миграции показывает, что короткие циклы реагирования не позволили сформировать устойчивые механизмы совместной работы. Европейские инициативы по укреплению ливийских структур безопасности оказались включены в политическую борьбу внутренних акторов, которые использовали поддержку ЕС для усиления локальных позиций, а не для формирования целостной системы управления границами.

В результате структурные причины нестабильности — раздробленность силовых институтов, отсутствие единых командных вертикалей, влияние ополчений — сохраняют своё доминирующее значение и продолжают формировать условия, в которых любые миграционные договорённости оказываются временными.

В этом контексте поиск совместных решений миграционных проблем требует перехода от транзакционной модели к структурной. Европейские

---

[302]SWP Berlin. The Great Carve-Up: Libya’s internationalised conflicts and the implications for Europe. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2020C25_LibyaHaftar.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
[303] Ecfr.eu. Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).

инициативы по поддержке профессионализации служб безопасности, развитию механизмов гражданского контроля и формированию локальных координационных платформ могут создать предпосылки для снижения влияния нелегальных сетей. Только при условии институционального укрепления Ливии возможно формирование предсказуемой системы управления границами, при которой миграция перестанет функционировать как инструмент политического торга и станет объектом нормативного регулирования в рамках согласованного европейско-ливийского взаимодействия.

3.2. Поддержка Евросоюзом проевропейских политических сил и усиление давления на политические институты в Ливии

Политическое измерение взаимодействия Евросоюза с Ливией формировалось в условиях, когда кризис управления внутри страны достиг структурной глубины, а конкурирующие центры власти превратили политические институты в площадку борьбы за международную поддержку. На этом фоне ЕС стремился продвигать силы, ориентированные на европейские модели государственного строительства и заинтересованные в восстановлении единых институтов. Однако такая линия требовала постоянного балансирования между дипломатическими усилиями, необходимостью поддерживать избирательный процесс и ограниченной способностью влиять на решения ключевых вооружённых и политических групп.

Усиление давления на политические институты Ливии происходило одновременно с попытками ЕС выстроить архитектуру перехода, включающую стабилизацию сектора безопасности, подготовку выборов и формирование условий для объединения страны. Однако отсутствие консенсуса среди ливийских элит, усиление влияния внешних государств и слабость международных механизмов координации неизбежно снижали результативность европейских инициатив. Поэтому анализ действий ЕС требует учёта тех факторов, которые сдвинули политическую динамику Ливии в сторону фрагментации, ограничив

инструменты, с помощью которых европейские акторы могли воздействовать на формирование политической повестки.

Из-за геополитической динамики, сопутствовавшей наступлению Х. Хафтара на Триполи и его завершению, обсуждение мер в сфере национальной безопасности, приведшее в октябре 2020 года к соглашению о прекращении огня, в значительной степени оказалось предметом международной, а не внутренней ливийской повестки. Аналогичный характер имела и последующая политическая «дорожная карта», подготовленная под эгидой ООН. В результате политический процесс в Ливии, трансформация сектора безопасности и интересы внешних акторов — политические, военные и экономические — всё теснее переплетаются и оказывают взаимное влияние. Как указывает К.Н. Лобанов, «симптоматика социальной деструкции в ее глобальном измерении рельефно проявляется в военных и вооруженных конфликтах»[304].

5+5 Joint Military Commission (СВК) представляет собой типичный пример подобной динамики. Созданная летом 2020 года, она состояла из по пять представителей от восточной и западной Ливии и была призвана передать стране контроль над соглашением о прекращении огня, достигнутым под эгидой United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL) между Турцией и Россией[305]. Однако, хотя она первоначально помогла остановить боевые действия, её роль постепенно снизилась, показатели реализации бумаг уменьшились, а сама комиссия фактически утратила способность выступать действенным инструментом реформирования сектора безопасности и интеграции вооружённых формирований[306].

Но ООН не могла реализовать эту политическую стратегию, пока другие не положили конец наступлению. Это изменило смысл существования СМК,

---

[304] Лобанов К. Военное противоборство на Украине в ракурсе моделирования конфликтинга и процессов социальной деструкции // Балканске Синтезе. 2023. Т. 10. № 1. С. 52.

[305]United Nations Support Mission in Libya.Agreement for a Complete and Permanent Ceasefire in Libya.URL: https://unsmil.unmissions.org/sites/default/files/ceasefire_agreement_between_libyan_parties_english.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

[306]Security Council Report. Libya: Informal Interactive Dialogue. URL: https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/04/libya-informal-interactive-dialogue.php (дата обращения: 21.11.2025).

который перестал быть миротворческим органом и стал, скорее, инструментом поддержания мира, своего рода фасадом для участия международных игроков. Комиссия, состоящая из относительно невлиятельных офицеров, а не высокопоставленных лиц, принимающих решения, или командиров, быстро достигла официального соглашения о прекращении огня, согласно которому все иностранные войска покинут Ливию в течение шести месяцев – цель, которая никогда не достигается, но которая усиливает общее желание ливийцев и западных игроков изгнать многих иностранных боевиков, участвовавших в битве за Триполи.

После достижения своей первоначальной цели Совместный военный комитет (СМК) утратил прежнюю значимость. Когда внимание международного сообщества сместилось к политическому переходу, не была использована возможность поддержать Совместную военную комиссию (СВК) в формировании основ будущей системы безопасности Ливии. Фактически СВК оказалась предоставлена сама себе и была ограничена выполнением формальных задач, связанных с созданием временных механизмов обеспечения безопасности.

Формально гражданская война завершилась подписанием соглашения о прекращении огня между ПНЕ и ЛНА 23 октября 2020 года, однако фактически дестабилизация сохраняется, как и соперничество за контроль над стратегическими ресурсами.Термин «корпоративные нефтяные войны» описывает неофициальный конфликт, в котором транснациональные нефтяные компании (ТНК), поддерживаемые государствами, борются за доступ к нефтяным активам. В Ливии этот конфликт проявляется в форме скрытого финансирования вооруженных группировок, участии частных военных компаний (ЧВК) и саботаже нефтяной инфраструктуры.

Даже после символического вывода иностранных держав из страны, члены 5+5 Joint Military Commission (СВК) не смогли сыграть существенной роли, хотя и были продемонстрированы публике с целью придания процедуре и им самим видимой значимости.осле многих лет гражданской войны, раздробленности в

управлении и инфраструктурных проблем в нефтяном секторе Ливии наблюдается новый всплеск активности.

Однако корпоративные нефтяные войны продолжаются: крупные международные нефтяные компании возвращаются, но вместе с ними возвращаются и риски, связанные с политическим расколом, незаконной торговлей и участием иностранных частных военных компаний. Военное объединение под руководством Government of National Unity (Libya) (ПНЕ) означало бы конец амбиций Х. Хафтара, нанеся серьёзный удар зарубежным покровителям его сил[307].

Между тем РСБ была сведена к вспомогательной задаче в рамках политического процесса под эгидой United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL), где приоритетом стало назначение даты выборов в ущерб более широкой стратегии стабилизации или вопросам условий проведения голосования. В итоге в Ливии реформа сектора безопасности остаётся нерешённой задачей, даже базовые потребности в безопасности не выработаны единым образом. Эта ситуация выглядит потенциально взрывоопасной, поскольку воссоединение страны под руководством ПНЕ должно было стать опорой политического процесса, проведения выборов и создания предпосылок демократического развития.

Провал назначенных на декабрь 2021 года выборов стал симптомом отсутствия целостного плана по управлению страной после войны. Голосование должно было устранить кризис легитимности, созданный после выборов парламента в 2014 году и верхней палаты в 2012 году, назначенного правительства и отсутствием обновлённых институтов. Однако без общей стратегии по реформированию сектора безопасности и РДР (разоружения, демобилизации и реинтеграции) ливийский переход, вероятнее всего, останется на прежней линии. В этом контексте специальный посланник ООН Ян Кубиш был вынужден полагаться на политиков, не представленных Ливией, для назначения и

[307]United Nations.S/2020/1309 — Report of the Secretary-General on the United Nations Support Mission in Libya.30 Dec 2020. URL: https://docs.un.org/en/s/2020/1309 (дата обращения: 21.11.2025).

организации избирательного процесса — неудивительно, что они стремились скорее укрепить своё положение, чем обеспечить справедливость процедуры[308].

Отсутствие диалога и планирования реформ в секторе безопасности и РДР создало среду, в которой ливийские элиты смогли без препятствий развивать связи с вооружёнными группами в рамках избирательных манёвров.

В результате легитимность выборов была значительно подорвана. Ливийские политики пресекли попытки выработать единый закон о выборах или определить основы голосования и процедуры после него. В конечном итоге спикер парламента в одностороннем порядке одобрил закон, откладывающий парламентские выборы на неопределённый срок и создающий предпосылки для формирования всесильной исполнительной власти. Между тем из-за отсутствия строгих стандартов отбора кандидатов, пост президента могла занять фигура вроде Х.Хафтара, сохранив при этом командование своими силами, что создало иллюзию сценария, в котором армия вмешалась бы прямо в избирательный процесс. Подразделения, связанные с премьер-министром Abdul-Hamid Dbeibah, воспользовались опасениями общественности относительно возможной победы Х. Хафтара: они закрыли избирательные участки, офисы комиссий, и А. Дбеиба нарушил своё обещание не баллотироваться. Всё это усугубило давление на избирательный механизм.

После провала этой сложной попытки получить легитимное правительство Я. Кубиша сменила С.Уильямс, назначенная специальным советником генерального секретаря ООН по Ливии при поддержке западных стран. Однако ливийские элиты сохранили интерес к отсутствию чёткого избирательного процесса. Соперники премьера пытаются привести к власти новое правительство через House of Representatives (Libya), используя ополченцев Триполи. В то же время соперничающие группировки перебрались в столицу, чтобы поддержать

[308] Lacher W. Libya’s Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict. London : I.B. Tauris / Bloomsbury, 2020. P. 98.

А. Дбеибу, а он и его оппоненты предлагают альтернативные конституционные механизмы как ещё один инструмент отсрочки выборов[309].

В этом сценарии европейские лидеры мало влияют на события и втайне надеются, что С. Уильямс каким-то образом сможет возобновить избирательный процесс, но это будет практически невозможно (даже С. Уильямс начинает это осознавать) без более сильного политического процесса. Как уже упоминалось, проблемы безопасности препятствовали избирательному процессу на местном и национальном уровне, в том числе из-за непрозрачной разделительной линии между политическими элитами и участниками конфликта. В то время как ООН фокусируется на таких вопросах, как порядок проведения законодательных и президентских выборов, конституционный процесс и создание более жесткого избирательного законодательства, европейцам следует искать новые способы сохранить стремление к реформам и не допустить скатывания Ливии обратно в конфликт.

Дискуссию по РСБ нельзя игнорировать, если структуры, необходимые для обеспечения безопасности и инициирования восстановления верховенства закона, должны быть включены в институциональное планирование Ливии. Более того, инвестиции в сектор безопасности приведут к дальнейшей гибридизации этого сектора в Ливии, не принимая во внимание концепцию гражданского надзора. По этой причине существует необходимость в более целостном подходе к воссоединению Ливии и мирному процессу в целом, подходе, который способен связать вопросы безопасности и справедливости с политической дискуссией. По наблюдению К.Н. Лобанова, «в XXI столетии создание критических масс беженцев на чужой территории стало средством давления на субъект притязаний»[310].

Европейцы проявляют растущий интерес к иной парадигме процессов реформы сектора безопасности (РСБ) и разоружения, демобилизации и

---

[309]Security Council Report. Libya: Informal Interactive Dialogue. 28 Apr 2021. URL: https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/04/libya-informal-interactive-dialogue.php (дата обращения: 21.11.2025).

[310] Лобанов К. Военное противоборство на Украине в ракурсе моделирования конфликтинга и процессов социальной деструкции // Балканске Синтезе. 2023. Т. 10. № 1. С. 60.

реинтеграции (РДР) благодаря скорому развертыванию миссии United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL) по наблюдению за прекращением огня в Сирте и возрастанию международного давления на иностранные войска с целью их вывода из страны.

В декабре 2021 года были предприняты различные усилия по объединению вооружённых сил, поддержанные иностранными державами и слабо координированные — вне компетенции 5+5 Joint Military Commission (СВК). Среди них: инициатива Хаддада – Натури, приведшая к встрече между начальниками штабов правительства и силами Х. Хафтара; переговоры А. Дбейбы – Х. Хафтара при спонсорстве ОАЭ; а также встреча в Риме между сыном Хафтара и представителями вооружённых групп Триполи[311]. Подобные инициативы, будучи на ранней стадии и вряд ли направленными на решение внутренних вопросов безопасности, предоставляют Европе окно возможностей для поддержки военного объединения в случае тупика политического процесса. Хотя в Ливии отсутствуют лидеры с широкой народной легитимностью, в секторе безопасности могут быть найдены технократы и командиры, потенциально ценные как союзники.

После подписания соглашения о прекращении огня[312] (23 октября 2020 года) военное измерение конфликта постепенно уступило место политическому противоборству, отмеченному острой конкуренцией за контроль над ресурсами нефтегазового сектора. С начала 2022 года политизация нефтегазовой промышленности стала более выраженной — в том числе сменой руководства National Oil Corporation (Libya) (NOC) — и отразила усиление внешнего влияния на регион и страну в целом. Возможности, предоставляемые геополитическим положением Ливии и её нефтегазовыми ресурсами, до сих пор не были реализованы в полной мере. Более того, политические преобразования

---

[311]United Nations Support Mission in Libya. UNSMIL Welcomes Agreement between Libyan parties on permanent country-wide ceasefire agreement with immediate effect. 23 Oct 2020. URL: https://unsmil.unmissions.org/unsmil-welcomes-agreement-between-libyan-parties-permanent-country-wide-ceasefire-agreement (дата обращения: 21.11.2025).
[312]Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the announcement of a Ceasefire Agreement in Libya.25 Oct 2020. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/news/declaration-high-representative-behalf-eu-announcement-ceasefire-agreement-libya-2020-10-25_en (дата обращения: 21.11.2025).

зашли в тупик: проведение выборов, предусмотренное дорожной картой под эгидой ООН, не состоялось, и страна вновь оказалась в ситуации параллельных властей.

Продолжающееся соперничество между Правительством национального единства (ПНЕ), сформированным Форумом ливийского политического диалога в марте 2021 года, и Правительством национальной стабильности (ПНС), учреждённым Палатой представителей (HoR) годом позже, остаётся одним из ключевых источников нестабильности в стране. Усиление напряжённости на местах привело к столкновениям в Триполи 27 августа 2022 года, которые стали кульминацией нараставших противоречий между вооружёнными группировками Триполитании.

По итогам этих событий Х. Хафтар смог не просто восстановить утраченную после 2019-2020 гг. репутацию, но и добиться политического возрождения, вернувшись в число ключевых фигур, влияющих на будущее страны. В таких условиях А. Дбейба был вынужден пойти на уступки Х. Хафтару, что отражает истоки новой двуличной стратегии: с одной стороны — использование ополченцев, связанных с Триполи, с целью смены правительства через ПНС; с другой — применение нефтяного ресурса как инструмента политического давления.

Протесты против политического истеблишмента, вылившиеся в нападение на штаб-квартиру парламента в Тобруке летом 2022 года, являются прямым результатом этой гибридной войны. Поведение Х. Хафтара, которое, несомненно, нанесло ущерб не только ПНЕ, но и его союзнику-конкуренту А. Салеху, чьи отношения с лидером ЛНА, безусловно, более сложные, чем может показаться на первый взгляд.

Последующая народная мобилизация, усугубленная местными последствиями пшеничного кризиса, создала серьезную угрозу политическому

классу страны, укрепившемуся за привилегиями и доходными позициями, которые способствуют увековечиванию статус-кво[313].

Наконец, за все это заплатил исторический президент НОК М. Саналла, чей уход со сцены, являющийся непременным условием открытия нефтяных скважин и терминалов, не сделал ничего иного, как еще раз выявил упрямство практикиразделения власти в Ливии. В этой борьбе за контроль над важнейшим нефтяным сектором, которая представляет собой не что иное, как продолжение войны другими средствами и последующий приход Ф. Бенгадара на пост главы ННК показывает, как удалось достичь деликатного компромисса между соперничающими фракциями.

Несмотря на частичную стабилизацию, Ливия остается страной с двумя конкурирующими правительствами, что препятствует эффективному управлению нефтяными активами и равномерному распределению доходов. Продолжаются споры о контроле над Центральным банком, ННК и выплатах госслужащим.Согласно ряду источников[314], компромисс был достигнут между Саддамом Хафтаром (сыном Х.Хафтара и его предполагаемым преемником) и Ибрагимом Дбейбой (специальным советником и племянником премьер-министра ПНЕ) во время встречи в Объединённых Арабских Эмиратах[315].

Примером децентрализации стало появление частной компании Arkenu Oil, Lf;tgjckt

- контрабанда нефти и бартерные сделки;

- несанкционированный экспорт;

- контроль инфраструктуры вооруженными группами, особенно в регионах Феццан и на границе зон влияния ПНЕ и ЛНА;

- присутствие ЧВК, осуществляющих охрану объектов и оказывающих влияние на распределение ресурсов

---

[313] Badi E. Dismantling the Security Sector in Libya: Hybrid Actors, Militias and Future Stability. London : Routledge, 2023. P. 74.

[314] Reuters. Libya’s rival factions hold talks in UAE amid political deadlock. 2023. URL: https://www.reuters.com/world/africa/libyas-rival-factions-hold-talks-uae-2023-… (датаобращения: 03.03.2026).

[315]The Libya Observer. Saddam Haftar meets Ibrahim Dbeibah in UAE: reports. 2023. URL: https://libyaobserver.ly/news/saddam-haftar-meets-ibrahim-dbeibah-uae (дата обращения: 03.03.2026).

Отказавшись от идеологической опоры, характерной для своей внешней политики после «арабской весны», Абу-Даби фактически демонстрирует смену курса в сторону прагматизма, соответствующего внешнеполитическому вектору Эмиратов с 2020 года.

В эпоху более широкой нормализации региональных отношений, за последний год был достигнут впечатляющий результат — визит Президента Р.Т. Эрдогана в Абу-Даби 14 февраля 2022 года, который зафиксировал примирение между Объединёнными Арабскими Эмиратами и Турцией, что имело явные последствия и для ситуации в Ливии — стране, которая особенно пострадала от региональной поляризации[316].

Упомянутые лица -— например, Ибн-Базум и Мансур (представители племени Авальд Сулейман, сосредоточенного на юге Ливии и северном Нигере) -— поддержали проект Х. Хафтара после наступления его армии на Феццан в первые месяцы 2019 года[317].

Разрешение кризиса обязательно предполагает также вывод с обширной и неконтролируемой ливийской территории тысяч наемников, боевиков и иностранных войск, оккупировавших Ливию за последние несколько лет, особенно после боевых действий 2019–2020 гг., что представляло собой мощный катализатор внешнего вмешательства.

На фоне этих процессов, а также вследствие сокращения французского военного присутствия, возрастает геополитическая значимость так называемого Глубокого Магриба — пространства, включающего Северную Африку и Сахель.В условиях новой конкуренции великих держав этот регион рассматривается как важный элемент глобального баланса. Его значение определяется не только энергетическими ресурсами — особенно в контексте

---

[316]Reuters. “Turkey, UAE sign agreements on trade, industry during Erdogan’s visit”.14 Feb 2022. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-visits-uae-first-time-decade-2022-02-14/ (дата обращения: 21.11.2025).

[317] France 24. “Turkey’s Erdogan visits the United Arab Emirates to improve long-strained ties”. 15 Feb 2022. URL: https://www.france24.com/en/middle-east/20220215-turkey-s-erdogan-visits-the-united-arab-emirates-to-improve-long-strained-ties (дата обращения: 21.11.2025).

энергетического перехода, - но и возрастающим вниманием к контролю над незаконными трансграничными потоками[318].

Контрабанда товаров, наркотиков, оружия и торговля людьми на самом деле приобретают большое значение, представляя собой потенциальные гибридные инструменты, которые будут использоваться в контексте управления, какового, по сути, не существует по причине истощения годами неустанной борьбы с исламистским терроризмом.

В вакууме безопасности Глубокого Магриба или, альтернативно, если использовать более подходящее выражение, вытянутого Средиземноморья, взаимосвязи между различными глобальными и транснациональными явлениями, такими как джихадизм и незаконный оборот, приобретают все большее значение, вызывая последствия далеко за рамками интересов вовлеченных стран.

Миграционный кризис является наиболее показательным примером: в 2016 году, ставшем рекордным по числу прибытий в Италию по центрально-средиземноморскому маршруту, на итальянское побережье высадилось около 185 000 человек, большинство из которых прибыли с территории Ливии. На конец апреля этого года уже было зарегистрировано более 42 000 человек по сравнению с 10 700 в 2022 году и около 9 000 в 2021 году. По состоянию на конец августа 2025 года зарегистрировано примерно 40 266 прибывших по данному маршруту в Италию[319]. Эти данные отражают серьёзную динамику, хотя и значительно ниже рекордного уровня 2016 года.

Однако Ливия занимала второе место по экспорту миграции, опередив в последние месяцы Тунис[320]. Помимо долгосрочных факторов, которые влияют на актуальность Центрально-Средиземноморского маршрута, существуют краткосрочные факторы, усугубляющие кризис, основными проблемами коих

---

[318] Colombo S., Sartori P. (eds.) EU–Mediterranean Relations in the 21st Century: Trends, Challenges and Policy Options. Cham : Springer, 2020. P. 110.

[319]UNHCR.Italy – Situation Europe Sea Arrivals.URL: https://data.unhcr.org/en/situations/europe-sea-arrivals/location/24521 (датаобращения: 21.11.2025).

[320]UNHCR / EMN. Data shows high sea arrivals in 2025. URL: https://emnbelgium.be/news/unhcr-data-shows-high-sea-arrivals-europe-2025 (дата обращения: 21.11.2025).

являются экономический и политический дрейф в Тунисе, а также нестабильность и фрагментация в Ливии.

Это облегчило продвижение миграционных потоков из стран Сахеля, поскольку ливийские границы отличаются высокой проницаемостью и фрагментированностью. Особенно уязвимым остаётся южное направление, где отсутствует реальный контроль над обширной территорией площадью около 2 000 км² — зоной, которую было бы трудно мониторировать даже при наличии полноценно функционирующего государственного аппарата.

К этому следует добавить тот факт, что в стране без единого и эффективного правительства и с небольшими стабильными доходами, кроме доходов от нефти (которые также строго зависят от стабильных условий на местах), торговля мигрантами становится одним из самых прибыльных видов бизнеса. Таким образом, Ливия превратилась в один из ключевых узлов транснациональной торговли людьми. Через её территорию проходят маршруты, ведущие из Центральной Африки к побережью Средиземного моря, пересекающие Сахель и использующие — а во многом и подпитывающие — политическую нестабильность в макрорегионе. Перспектива урегулирования конфликта между силами Х. Хафтара и правительством Триполи в 2019–2020 гг. при посредничестве России и Турции побудила европейских акторов предпринять нетипично активные политические и дипломатические шаги. Подобный сценарий урегулирования вряд ли соответствовал бы их стратегическим интересам. Именно в этом контексте Италия поддержала инициативу Германии, которая в начале 2020 года взяла на себя ведущую роль в поиске путей выхода из кризиса[321].

Таким образом, Рим позиционирует себя как партнёр Берлина, также чтобы отреагировать на историческую французскую активность в ливийском кризисе, тем самым способствуя созданию общей европейской линии действий. Удачный выбор, который способствовал повышению роли Европы в управлении кризисом и восстановлению дипломатического центра европейских стран. Однако

---

[321] Fargues P., Bonfanti S. Migration in the Central Mediterranean: Dynamics, Drivers and Policy Responses. Cham : Springer, 2021. P. 201.

многосторонние действия под руководством Европы со временем ослабли, оставив бремя управления кризисами в руках слабых, а иногда и дискредитированных международных институтов.

Спорадические двусторонние встречи европейских держав, похоже, не способны вернуть участвующие ливийские стороны к настоящему и конструктивному возобновлению переговорного процесса. Поэтому становится все более очевидным, что политика в отношении Ливии больше не может решаться на двусторонней основе, а должна быть частью более широкого диалога и, почему бы и нет, обмена интересами с вовлеченными сторонами. Первыми это поняли региональные игроки, такие как Эмираты, Турция и Египет, которые инициировали совместный диалог по различным аспектам кризиса. Однако потребуется качественный скачок в международных действиях, которого на данный момент, похоже, не предвидится.

Все наиболее вовлеченные внешние игроки, похоже, вступили в фазу разочарования относительно реальных шансов на стабилизацию страны[322]. После 2022 года внешнеполитическая динамика вокруг Ливии не перешла в фазу инерционного регулирования, как это могло показаться на фоне украинского кризиса и перераспределения приоритетов западных держав. Напротив, начиная с 2023 года, наблюдается постепенная активизация Соединённых Штатов в ливийском направлении, что меняет конфигурацию взаимодействия ЕС, США и ливийских политических центров.

В июле 2025 года представители Ливии и США обсудили перспективы расширения экономического, энергетического и военного сотрудничества, прежде всего с западной частью страны. В сентябре 2025 года было подписано соглашение о стратегическом партнёрстве, формализовавшее намерение сторон развивать взаимодействие в сфере безопасности, энергетики и институционального строительства[323].В октябре 2025 года Африканское

---

[322]Гасанов, К. Н. Геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье после "арабской весны" / К. Н. Гасанов // Вестник гуманитарного образования. – 2020. – № 1(17). – С. 67.

[323] Libya, United States Discuss Economic, Energy and Military Cooperation. 23.07.2025. URL: https://www.libyaherald.com/2025/07/23/libya-us-discuss-cooperation/ (дата обращения: 15.11.2025).

командование США (AFRICOM) достигло договорённости с А.Х. Дбейбой о проведении совместных военных учений весной 2026 года, что выводит сотрудничество на уровень практической военной координации[324].

Активизация США объективно меняет баланс внешнего влияния: европейская стратегия поддержки проевропейских сил больше не осуществляется в условиях относительного вакуума, а оказывается встроенной в более широкую архитектуру трансатлантического взаимодействия и конкуренции. С точки зрения внутренней ливийской динамики это означает усиление западного центра власти и частичную переоценку позиций восточных акторов.

Поддержка А.Х. Дбейбы со стороны США укрепляет его переговорные возможности в отношениях с парламентом в Тобруке и структурами, связанными с Х. Хафтаром. Одновременно это усиливает геополитизацию политического процесса: институциональное строительство всё более воспринимается ливийскими элитами как результат внешнего баланса сил, а не внутреннего консенсуса[325].

Анализ показывает, что значительная часть лиц, использующих центрально-средиземноморский маршрут, происходит из других государств Африки и иных регионов. Поэтому необходимо разграничивать причины возникновения миграции и условия миграционного маршрута.Применительно к первой группе определяющее значение имеют вооружённые конфликты, политическая нестабильность и социально-экономические диспропорции в государствах происхождения. Во вторую группу входят факторы, непосредственно связанные с положением в Ливии: фрагментация государственного управления, неодинаковая степень контроля над отдельными территориями, проницаемость сухопутных границ, деятельность вооружённых формирований и транснациональных сетей нелегальной перевозки людей. Они не обязательно порождают первоначальное решение о миграции, однако создают условия, при которых территория Ливии

---

[324] Libya and United States Sign Strategic Partnership Agreement. 09.09.2025. URL: https://www.state.gov/libya-us-strategic-partnership-2025/ (дата обращения: 15.11.2025).

[325] AFRICOM Announces Joint Military Exercises with Libya Planned for Spring 2026. 12.10.2025. URL: https://www.africom.mil/pressrelease/2025/libya-joint-exercises-2026 (дата обращения: 15.11.2025).

сохраняет значение устойчивого транзитного коридора к Средиземному морю. Наконец, третья группа охватывает факторы, препятствующие контролю над уже существующим миграционным потоком: конкуренцию ливийских политических структур, отсутствие единого механизма управления границами и невозможность обеспечить одинаковое выполнение договорённостей на всей территории страны.

Следовательно, для анализа миграции принципиален не сам по себе состав противоборствующих группировок, а территориальное распределение властных и силовых возможностей между ними. Изменение этого распределения способно открывать или ограничивать отдельные маршруты, перемещать места концентрации мигрантов и снижать результативность соглашений, заключаемых Италией и Европейским союзом с ливийскими партнёрами.

Италия и Европейский союз сталкиваются с ситуацией, при которой достижение договорённости с конкретным ливийским институтом ещё не обеспечивает её исполнения другими центрами власти и подконтрольными им структурами. Как указывают А.Г. Лихоносов и В.М. Шевцов, «устойчивость любой системы, в том числе и государства, как политической системы, определяется наличием и надежностью внутренних и внешних связей между элементами»[326].

Вовлечение США, государств ЕС и других внешних акторов воздействует на миграцию преимущественно опосредованно. Само усиление присутствия внешнего государства не приводит автоматически к увеличению либо сокращению числа мигрантов. Значение имеет то, как внешняя конкуренция воздействует на устойчивость ливийских институтов, баланс между центрами власти и способность контролировать территорию. Если действия внешних акторов закрепляют политическую фрагментацию, возможности формирования единой системы пограничного и миграционного управления сокращаются. Если же внешнее участие способствует согласованию действий ливийских институтов и

---

[326] Лихоносов А.Г., Шевцов В.М. Традиционные общественные отношения в стране – основа устойчивости государства // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: сборник статей форума. Воронеж, 2024. С. 632.

укреплению пограничных структур, его воздействие на миграционное регулирование может иметь противоположный характер.

Поэтому активизация США в Ливии должна рассматриваться в исследовании не в качестве самостоятельной причины миграции, а как элемент изменения международно-политической среды, в которой Италия реализует свою миграционную стратегию. Рост активности внешних государств сужает возможности исключительно двустороннего регулирования и заставляет Италию соотносить миграционные интересы с более широкими вопросами безопасности и политической стабилизации Северной Африки. Миграция в данном случае геополитизируется вследствие её включения в систему отношений между государствами, заинтересованными в характере политического устройства Ливии и контроле над центрально-средиземноморским пространством.

При этом участие Италии в общеевропейской миграционной политике не устраняет относительной автономности её действий. Положение страны как государства первого въезда обусловливает более непосредственную заинтересованность в предупреждении отправлений с североафриканского побережья, чем у значительной части государств — членов ЕС. Отсюда возникает стремление воздействовать на поток до достижения им итальянской территории. Двустороннее взаимодействие с ливийскими структурами, поддержка береговой охраны, развитие механизмов возвращения, соглашение с Албанией и продвижение партнёрств ЕС с государствами Северной Африки образуют различные элементы этой стратегии.

Автономность итальянского подхода при этом имеет относительный, а не абсолютный характер. Италия не формирует полностью самостоятельную миграционную систему вне Европейского союза: национальные решения должны соответствовать праву ЕС и международным обязательствам государства. Специфика итальянской модели проявляется вдругом — в более активном использовании двусторонних и внешних инструментов, позволяющих предотвращать или ограничивать нерегулярное перемещение по центрально-средиземноморскому маршруту. Общеевропейская политика создаёт нормативные

и институциональные пределы, тогда как Италия стремится расширить пространство самостоятельных действий внутри этих пределов.

Это позволяет выделить несколько перспективных направлений итало-ливийского взаимодействия.

Первое связано с переходом от преимущественно ситуативной поддержки отдельных ливийских структур к постепенному формированию устойчивых механизмов координации пограничного и миграционного управления. В краткосрочной перспективе полная централизация такого взаимодействия маловероятна, поэтому практическое значение имеет создание процедур обмена информацией и координации, сохраняющих работоспособность при изменении внутриполитической конфигурации Ливии.

Второе направление предполагает изменение характера поддержки ливийских пограничных структур. Передача оборудования и финансирование отдельных операций дают преимущественно краткосрочный эффект, если они не сопровождаются развитием институциональных возможностей. Более устойчивый результат связан с профессиональной подготовкой персонала, созданием единых процедур учёта и идентификации мигрантов, развитием информационного обмена и согласованием деятельности структур, контролирующих сухопутные границы и побережье. В этом случае предметом сотрудничества становится не отдельная операция по предотвращению выхода судна в море, а способность ливийской стороны самостоятельно регулировать транзит.

Третье направление связано с воздействием на миграционные маршруты до достижения мигрантами северных районов Ливии. Поскольку значительная часть потока имеет транзитное происхождение, сотрудничество, ограниченное только средиземноморским побережьем, воздействует преимущественно на завершающий участок маршрута. Перспективная модель предполагает сопряжение итало-ливийского взаимодействия с партнёрствами со странами Сахеля и другими государствами происхождения и транзита.

Четвёртое направление состоит в сочетании мер сдерживания с развитием механизмов легальной мобильности и возвращения. Полное перекрытие

центрально-средиземноморского маршрута практически недостижимо при сохранении экономических, демографических и политических причин миграции. Поэтому эффективность ограничительных мер зависит от наличия работоспособных процедур реадмиссии и возвращения, а также от возможности перенаправления части миграционной мобильности в регулируемые легальные каналы.

Наконец, пятое направление предполагает сохранение многоуровневой модели, в которой двустороннее сотрудничество Италии и Ливии дополняется механизмами Европейского союза и международных организаций. Политическая фрагментация Ливии делает исключительно двустороннюю модель уязвимой, тогда как полная передача регулирования на уровень ЕС не соответствует заинтересованности Италии в оперативном воздействии на центрально-средиземноморский маршрут.

Для миграционной проблематики такая трансформация также имеет последствия. Укрепление сотрудничества США с западно-ливийскими структурами безопасности потенциально расширяет возможности контроля над прибрежной зоной и портовой инфраструктурой, через которые проходит значительная часть центрально-средиземноморского маршрута. В то же время усиление военного компонента взаимодействия без параллельной институционализации гражданского контроля над силовыми структурами может закрепить тенденцию к дальнейшей гибридизации сектора безопасности.

В результате политическая линия ЕС по поддержке проевропейских сил оказывается вписанной в более сложную систему многоуровневого внешнего влияния. Если до 2022 года европейские инициативы часто воспринимались как доминирующее западное направление, то в 2023–2025 гг. они функционируют в условиях возросшей роли США и продолжающейся активности региональных держав. Это требует корректировки аналитического акцента: речь идёт уже не о снижении американского интереса к Ливии, а о его перераспределении и институционализации на новых основаниях.

С 2022 года институциональная архитектура внешней политики Европейского союза была существенно скорректирована в пользу восточного направления. Уже в марте 2022 года Европейский совет одобрил стратегический документ Strategic Compass for Security and Defence, закрепивший приоритет укрепления оборонного потенциала и реагирования на изменение среды безопасности в Европе[327].

Параллельно был многократно увеличен объём финансирования по линии European Peace Facility (EPF), из которого в 2022–2025 гг. выделены десятки миллиардов евро на поддержку Украины[328].

Европейские игроки должны участвовать в челночной дипломатии со всеми членами ливийского политического сообщества, информировать их о прогрессе, вовлекать их (не подвергаясь шантажу), понимать, в чем заключаются их возражения и оценивать, что можно сделать, чтобы убедить их прийти к какому-то соглашению избирательного пакта. В этом контексте парламентские выборы могли бы быть полезны для назначения своего рода Учредительного собрания с более широкой задачей определения конституционных границ нового ливийского государства, избегая вместо этого передачи президентских полномочий одному человеку в условиях отсутствия возможности спрогнозировать принцип разделения властей с Ливией.

Исследование политики Евросоюза в отношении проевропейских сил в Ливии позволяет сделать вывод, что европейские акторы не смогли использовать политическую ситуация как инструмент стабилизации региона. Поддержка отдельных групп и давление на политические институты привели к тому, что европейские инициативы оказались встроены в борьбу за власть в стране. В результате европейская политика не смогла сформировать опору для реформы политического управления Ливии. Провал выборов, сохраняющаяся зависимость политических структур от вооружённых групп демонстрируют, что давление на

---

[327]Council of the European Union. A Strategic Compass for Security and Defence – For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Brussels, 21 March 2022. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf (датаобращения: 15.11.2025).

[328]Council of the European Union. European Peace Facility: EU support to Ukraine. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-peace-facility/ (датаобращения: 15.11.2025).

институты без изменения организационной логики политики безопасности не гарантируетдолгосрочного результата.

3.3. Ключевые практикоориентированные подходы к урегулированию миграционного кризиса в Италии

Миграционный кризис в Италии приобрёл затяжной характер по нескольким причинам. Италия вынуждена реагировать на проблемы того, что миграционный маршрут через Центральное Средиземноморье регулируется разнородными вооружёнными группировками, использующими миграцию как источник доходов. В этих условиях практикоориентированные меры, предпринимаемые Римом в одностороннем или европейском формате, формируются под влиянием одновременно гуманитарных, оперативных и политико-стратегических факторов.

Ситуация осложняется несогласованностью европейских подходов и конкуренцией между отдельными государствами ЕС (прежде всего по вопросам распределения ответственности за приём и релокацию просителей убежища между государствами «первого въезда» и странами Северной и Восточной Европы; по степени допустимости экстернализации контроля и заключения соглашений с транзитными государствами; по соотношению гуманитарных обязательств и приоритетов безопасности, включая практику поисково-спасательных операций и порядок высадки спасённых лиц), что ограничивает возможности создания единой системы реагирования.

Поэтому практические инструменты, применяемые Италией, следует рассматривать не как завершённые решения, а как попытку стабилизировать динамику миграционных потоков в условиях отсутствия устойчивого ливийского партнёра. Для анализа данных инструментов требуется учитывать, каким образом внутренние изменения в Ливии — гибридизация сектора безопасности, политическая фрагментация, влияние внешних акторов — определяют пределы итальянских и европейских инициатив.

Гибридный характер сектора безопасности Ливии, характеризующийся наличием множества вооруженных группировок, действующих вне государственного контроля, создал значительные юридические и процедурные препятствия для агентств ЕС. Отсутствие поддержки РСБ со стороны ливийских лидеров является основной причиной того, что европейские двусторонние и многосторонние инициативы по поддержке никогда не выходили за рамки плохо проведенных учений по обучению и оснащению. Хуже того, отсутствие условий, связанных с поставкой оборудования европейцами, иногда позволяло ливийскому правительству интегрировать ополченцев в формальный сектор безопасности до того, как они прошли необходимую подготовку[329].

Неудачи, которые годами характеризовали партнерство в сфере безопасности, также являются следствием непоследовательной европейской политики в Ливии. Европейские лидеры, как и их ливийские коллеги, никогда не имели четких планов относительно ССР. Это в долгосрочной перспективе подорвало европейские инициативы в Ливии, привлекая внимание политических лидеров к временным решениям проблем, стоящих на повестке дня.

Франция была одной из первых западных стран, поддержавших процветающую военную автократию Х. Хафтара в Киренаике, в том числе посредством обучения и поставок оружия. Поддержка Парижа была основана на риторике общественного порядка и борьбы с терроризмом и исламизмом. Однако французские силы и ВСАЛ не участвовали в крупнейшей за последние годы контртеррористической операции, в ходе которой группировка «Исламское государство» была выведена из Сирта в 2016 году и возглавлялась группировками Мисраты при поддержке США, Великобритании и Италии. Операция потребовала логистической и материальной поддержки, инициатив по наращиванию потенциала, направленных на местную оперативную сферу развертывания сил специального назначения, авиаударов и других мер, направленных на создание

[329]Шумилин, А. И. Ближневосточное эхо европейской войны. Часть 1. Посредники / А. И. Шумилин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 5(29). – С. 19.

сплоченного фронта против терроризма и оказалась более эффективной и целенаправленной в борьбе сЛАВС[330].

Франция, напротив, похоже, отдала приоритет партнерству с Х. Хафтаром и региональными партнерами, такими как Объединенные Арабские Эмираты, а не общеевропейской позиции. Сегодня довольно сложно представить воссоединение страны, ведь большинство ливийцев попросту разочарованы и измучены, они больше не доверяют своим коррумпированным политикам. Последнее десятилетие было отмечено последовательными дипломатическими неудачами иностранных сил. Здесь следует говорить как о деструктивной роли в ливийском конфликте международного сообщества в целом, так и об отдельных государствах, включая Францию, каждое из которых, преследуя собственные геополитические интересы, непосредственно участвовало напрямую в военном вмешательстве в составе НАТО.

Для Рима Ливия всегда была приоритетом во внешней политике, и поэтому полное безразличие Парижа к соображениям национальной безопасности Италии особенно раздражает. Однако, несмотря на критику французского подхода, Италия также продемонстрировала деструктивное отношение к партнерству в сфере безопасности, о чем свидетельствуют 32,6 млневро, потраченные с 2017 года по сегодняшний день в пользу ливийской береговой охраны.

Итальянская стратегия способствовала укреплению позиций, зачастую преступных местных ополчений, в ущерб инициативам, направленным на создание потенциала структурного управления и устойчивого партнерства в области миграции. Хотя в то время они помогали сдерживать попытки беженцев пересечь Средиземное море, теперь эта политика оборачивается против самой Италии.

Примеры Франции и Италии иллюстрируют, почему европейцы потеряли влияние в Ливии с 2011 года по настоящее время, несмотря на многочисленные громкие попытки взаимодействия с ливийскими властями. Не располагая

---

[330]M. Ilardo. «The Rivalry between France and Italy over Libya and its Southwest Theatre».AIES Focus, 2018. URL: https://www.aies.at/download/2018/AIES-Fokus_2018-05.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

согласованной стратегией на двустороннем уровне и недостаточно объединённые для формирования действенного политического блока, европейские государства оказались неспособны конкурировать с региональными акторами. Последние действуют более целенаправленно в продвижении собственных моделей политического перехода и сталкиваются с меньшими внутренними ограничениями, что делает их стратегии значительно эффективнее. Более того, давление, которое характеризует миграционную и антитеррористическую политику европейцев, привело к принятию удобных решений, которые редко требовали серьезного выбора ливийских партнеров.

Хотя у европейцев еще есть возможность помочь стабилизировать Ливию, как технически, так и политически, еще предстоит прояснить, как это будет достигнуто и, что более важно, будет ли использована такая возможность. В этом смысле необходимо избегать принятия краткосрочной политики, основанной на соображениях безопасности, которые считаются приоритетами и которые до сих пор наносили ущерб репутации Европы среди ливийцев.

Односторонняя политика Франции и Италии сформировала отношение ливийской общественности ко всем европейцам. В результате ливийцы больше не считают отдельные европейские государства надежными партнерами, несмотря на объемы финансирования, которые эти страны выделили на помощь в целях развития, особенно на управление границами, борьбу с иммиграцией и терроризмом.

Вклад ЕС в многосторонние усилия по наращиванию потенциала через специализированные миссии и международные организации оказался ограниченным и недостаточно эффективным. Это объяснялось, в том числе, слабой координацией между ключевыми государствами-членами. Такая несогласованность не позволила нейтрализовать негативные последствия разрозненных инициатив Италии и Франции в Ливии и не обеспечила сопоставимого баланса по отношению к финансовым и политическим обязательствам внешних акторов — России, Турции, Египта и Объединённых Арабских Эмиратов.

Хотя многие небольшие вклады в реформирование сферы безопасности финансировались за счет фондов помощи развитию европейских стран, они часто представляли собой отдельные инициативы, которые в значительной степени были подорваны отсутствием стратегической сплоченности в Европе. Германия добилась большего успеха благодаря своему дипломатическому подходу, особенно благодаря Берлинскому процессу и попыткам объединить европейцев по вопросу Ливии. Эта политическая инициатива проложила путь к прогрессу в сфере РСБ. СВК, несмотря на свои неудачи, демонстрирует, что европейцы могут играть значительную роль в политике международной безопасности, когда они работают вместе.

Неадекватность европейской стратегии и лидерства помешала многосторонним механизмам, которые могли бы координировать долгосрочную помощь в сфере безопасности. Более того, механизмы координации между европейскими миссиями остаются рудиментарными и в значительной степени неформальными из-за нежелания обмениваться информацией по вопросам безопасности. Однако в последнее время ситуация несколько улучшилась. Во время наступления Х. Хафтара на Триполи европейские государства подготовили совместный доклад о своей роли в Ливии, который был составлен главами миссий и в котором ССР называлась зоной сотрудничества между ЕС и МООНПЛ[331].

Общее признание угрозы, которую это наступление представляет для европейских интересов, помогло разрушить традиционные барьеры для обмена информацией и подтолкнуло европейские государства к подведению итогов существующих инициатив и ограничению дублирования там, где это возможно.

Сотрудничество между Францией, Германией и Италией в Ливии наконец-то улучшается, о чем свидетельствует совместный визит министров иностранных дел в начале 2021 года. Говоря конкретнее, Франция взяла на себя инициативу в Берлинском процессе в ноябре 2021 года, организовав конференцию в Париже, чтобы попытаться спасти выборы в Ливии и Италия пытается продолжить

---

[331] Hamid A., Varvelli A. (eds.) Libya’s Future: Between Political Deadlock and Security Fragmentation. Milan : ISPI / Ledizioni, 2021. P. 125.

развитие этого процесса. Это дало новый импульс европейской дипломатии в Ливии, чтобы способствовать определению более сплоченной политики европейской безопасности.

Чтобы эффективно конкурировать со своими геополитическими соперниками в Ливии, европейцам понадобится общая стратегия высокого уровня и общие принципы работы. Учитывая ограниченное пространство для маневра, им следует разработать среднесрочный и долгосрочный план помощи сектору безопасности.

Что касается РСБ– следуетначать с создания ливийского органа, имеющего определенное политическое влияние, а затем поддержать попытки реорганизовать сектор безопасности страны. Целью должно стать создание института, который сможет пережить нынешнюю политическую борьбу и кризисы в стране, а также поддержать местные инициативы и партнеров, желающих участвовать в краткосрочных программах РСБ.

Политическая недальновидность европейских и ливийских лидеров сохраняется главным препятствием на пути глобальной реформы институтов безопасности. Германия, Франция и Италия вполне могли бы возглавить определение приоритетов, ограничений и операционных принципов общего подхода ЕС к реформе безопасности в Ливии. Без единой стратегии и политики европейцы не смогут положить конец инерции, порожденной их соперниками в Ливии.

Последовательная европейская стратегия реформирования сферы безопасности могла бы побудить такие государства-члены, как Испания, Нидерланды и Дания максимально повысить эффективность своей поддержки Ливии в рамках общеевропейского подхода. Эти усилия должны начаться с объективной оценки потребностей сектора безопасности Ливии, которая отображает все инициативы в сфере реформирования безопасности в стране. Такой процесс улучшит техническую поддержку, которую европейцы оказывают Ливии, и определит области, где было бы наиболее эффективно работать на двусторонней основе, в партнерстве или через многосторонние институты.

Брюссель должен реализовать скоординированный долгосрочный европейский план для ливийской ССР, который включает механизмы сотрудничества и передачи знаний между европейцами.

Таким образом, определение и планирование европейской стратегии поддержки РСБ может способствовать расширению многостороннего сотрудничества с такими ключевыми партнерами, как Великобритания, США и НАТО. Растущее присутствие России в Ливии, недалеко от баз НАТО на Сицилии, делает эти усилия еще более актуальными. Соглашения «Берлин-плюс» 2003 года между НАТО и ЕС[332] открывают возможность совместного программирования и могут улучшить проекты организационного строительства и наращивания потенциала в Ливии, области, в которой НАТО заявила о своем участии, если об этом попросит ливийское правительство.

Достижение европейского консенсуса относительно масштабов сотрудничества в области реформирования безопасности с НАТО также могло бы помочь восстановить отношения Европы и Турции в Ливии. Работа через НАТО уменьшит обеспокоенность Турции по поводу своей маргинализации в Ливии и предоставит европейцам платформу для уменьшения турецкого влияния на сектор безопасности Ливии.

Такое сотрудничество не заставит Анкару отказаться от своего спорного соглашения о морской границе с ливийским правительством, но оно может помочь европейцам отговорить Турцию от использования шантажа по поводу ливийской политики, запасов газа или миграционных потоков для получения уступок от ЕС.

Подобная координация между Европейским союзом и Турцией изменила бы конфигурацию внешнего присутствия в Ливии, усилив степень согласованности их действий в сфере безопасности и управления миграционными потоками. В условиях множественности внешних акторов, вовлечённых в ливийский конфликт, любое укрепление институционализированного взаимодействия между

---

[332]German Federal Foreign Office.Second Berlin Conference on Libya – Conclusions.23 Jun 2021. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/berlin-2-conclusions-2467750 (дата обращения: 21.11.2025).

Анкарой и Брюсселем объективно отражается на распределении влияния внутри страны и на параметрах политического процесса. С учётом расширения конкуренции внешних центров силы в Северной Африке и Сахеле подобная модель взаимодействия могла бы повлиять на более широкую региональную динамику, выходящую за пределы собственно ливийского трека.

Любая заслуживающая доверия и конкретная европейская стратегия РСБ в Ливии потребует, чтобы ливийский орган взял на себя ответственность за этот процесс и претворил его в жизнь. Опять же, недавние события создали новые возможности. Через МООНПЛ Европа должна инициировать создание Совместной комиссии безопасности (ОКБ) в качестве своего рода второго этапа СМК, который сосредоточится на РСБ, в то время как СМК продолжит управлять временными механизмами безопасности. У АО будут иные приоритеты, чем у СМК, и для удовлетворения политических требований ССР потребуется гражданское руководство[333].

Использование СМК для создания АО позволило бы ему получить признание ООН и избежать бюрократических проблем, которые необходимо будет решить для создания совершенно нового механизма, тем самым повысив его легитимность среди ливийцев и международных партнеров. Как орган, возглавляемый гражданскими лицами, АО было бы легче принять для многих вооруженных и политических сил, которые боролись против Х. Хафтара или М. Каддафи, и особенно широко распространены в западной Ливии и опасаются возврата к военной диктатуре.

Совместный комитет, являющийся продолжением деятельности СМК, мог бы опереться и на изменяющиеся позиции представителей ливийских структур безопасности. За последний год многие из них отвергли идею раздела страны как способа стабилизации и демонстрируют всё более выраженную ориентацию на защиту суверенитета Ливии.

---

[333] Micallef M., Reitano T. The Human Conveyor Belt Broken: Understanding Human Smuggling across Libya. Geneva : Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2018. P. 45.

Включив в число своих членов ключевых командиров, АО могло бы официально оформить помощь инициативе Хаддад – Натури и местным усилиям по РСБ. Комиссия также могла бы получить необходимое признание и поддержку, хотя бы на первый взгляд, от Х. Хафтара, обеспечив ему представительство среди гражданского руководства. Чтобы избежать фактического свержения, как это произошло с СМК, АО должно сочетать политическое представительство с присутствием технократов из сектора безопасности.

Х. Хафтар и другие ливийские политические элиты могли бы попытаться подорвать деятельность АО, но европейцы имели бы возможность избежать этого, предложив усиленное партнерство и пригрозив санкциями против спойлеров. Устойчивое давление, решительная поддержка АО и попытки найти общее дело с другими международными игроками в Ливиивероятно будут иметь решающее значение для его успеха.

Приоритетом АО должно стать формирование ливийского видения реформы безопасности, которое европейцы смогут поддержать и каковое характеризуется эффективными механизмами надзора. Чтобы поддержать вес нового органа, европейцы должны с самого начала способствовать инклюзивному диалогу о потребностях безопасности населения и консультациям с вооруженными группировками[334].

На следующем этапе европейским государствам следует предоставить техническую поддержку АО в разработке мер по преодолению ключевых препятствий на пути реформирования сектора безопасности. Координацию и организацию этой работы мог бы обеспечить Международный комитет по наблюдению за Ливией. В этой конфигурации АО будет служить для европейцев и ливийцев средством разработки взаимовыгодной политики по вопросам, в которых их интересы совпадают, например, по выводу иностранных наемников. Учитывая, что СВК уже работает над этим вопросом в рамках временных мер

[334] Galasso V., Zotti A. Italy and the Mediterranean: Foreign Policy, Migration and Geopolitics. London : Routledge, 2022. P. 78.

безопасности, было бы полезно обеспечить взаимодополняющие действия двух органов в этой области.

В то же время европейская техническая поддержка могла бы помочь укрепить верховенство закона для защиты населения. Ливийские элиты, возможно, не смогут оптимально использовать такую помощь, но она все равно будет способствовать сдвигу в мышлении в сторону устойчивых и системных решений проблем безопасности.

Объединение полиции и вооруженных сил Ливии также потребует оперативных изменений, таких как стандартизация правил ведения боевых действий по всей стране. Это позволило бы другим ливийским институтам создать механизмы надзора за демобилизацией и профессионализацией сектора безопасности.

Еще одно многообещающее направление реформирования безопасности включает в себя инициативы, поддерживаемые международным сообществом, такие как Ливийский форум политического диалога, а также будущие механизмы достижения консенсуса и консультативные программы (например, консультации в рамках процесса национальной конференции 2018 г.). Важно включать персонал сектора безопасности в политическую программу, учитывая влияние вооруженных группировок на ландшафт и политику Ливии. В национальном масштабе командная структура большинства ливийских вооруженных группировок коренится в местном измерении, равно как и межличностные отношения и восприятие себя защитниками конкретных общин. Поэтому было бы разумно консультироваться с ними в политических дискуссиях, чтобы заручиться их поддержкой национальной политики РСБ. Этот подход также поможет властям понять вооруженные группы и, следовательно, разработать более эффективные программы РДР[335].

Действительно, достижение критической массы поддержки со стороны некоторых вооруженных группировок могло бы противодействовать

---

[335] Harchaoui J., Eaton T. Proxy War in Libya: Foreign Intervention and Local Fragmentation. London : IISS / Routledge, 2020. P. 187.

обструкционистскому поведению преступных, идеологических или политических формирований. С этой целью в преддверии выборов АО должно создать механизмы, которые позволят вооруженным группам участвовать в политическом процессе конструктивно и таким образом, чтобы они могли пережить смену правительства.

Некоторые иностранные государства уже предоставили этим группам возможности для участия в политическом процессе — как через создание новых руководящих структур, так и посредством инициатив на институциональном и местном уровнях. Однако этого недостаточно: такие меры должны быть встроены в стратегическую последовательность общего политического процесса.

Для европейцев будет жизненно важно воспрепятствовать действиям внутренних и международных акторов. На первом этапе Европе потребуется сформировать широкую международную поддержку своей стратегии реформирования сектора безопасности. Египет, Турция и Объединённые Арабские Эмираты продолжают оказывать значительное влияние на различные регионы Ливии и, после многих лет соперничества, сейчас рассматривают возможные форматы взаимодействия.

Все трое заинтересованы в стабилизации Ливии, что потребует создания функционирующей службы безопасности. Франция, Германия и Италия должны попытаться убедить их в том, что европейская стратегия РСБ является единственным продвижением вперед, прежде чем возлагать на них ответственность за некоторые аспекты стратегии, чтобы они чувствовали себя вовлеченными. Европейцам также придется отговорить их от использования своего прокси-влияния для саботажа этих реформ[336].

Как уже говорилось, большую часть сектора безопасности в Ливии составляют местные группы с относительно ограниченными интересами. Европейцам следует стремиться работать в партнерстве с местными

[336] Denaro C., Pastore F., Simone R. (eds.) Migration Control in the Mediterranean: The Role of States and Non-State Actors. Cham : Springer, 2022. P. 199.

сообществами по вопросам реформирования сектора безопасности в технических и административных рамках.

В этих целях европейским государствам следует направлять средства на поддержку местных ливийских организаций гражданского общества, работающих в сфере общественной безопасности, включая инициативы по развитию диалога между структурами безопасности и местными сообществами.

Также необходимо расширить финансовую поддержку групп гражданского общества, которые осуществляют неформальный общественный контроль над сектором безопасности — например, средствам массовой информации, которые информируют о положении заключённых, а также организациям, ориентированным на расширение политических возможностей женщин и молодёжи. Укрепление потенциала местных институтов безопасности позволит снизить текущую напряжённость, создать институциональные условия для устойчивой реализации реформирования сектора безопасности и содействовать более открытому и инклюзивному политическому процессу в долгосрочной перспективе.

Европейцы могли бы расширить текущие проекты помощи в сфере безопасности – такие как координация с СВК и отдельными подразделениями по борьбе с терроризмом и контрабандой за счет улучшения возможностей отбора и обучения сотрудников служб безопасности на местном уровне. Чтобы избежать повторения ошибок прошлого, было бы важно установить четкие условия для этой поддержки, которые будут применяться даже после поставки оборудования для обеспечения безопасности (например, в отношении отбора персонала для обучения, минимальных требований к продолжительности и уровню ожидаемых результатов).

Ливийские политические элиты неоднократно использовали такие структуры в собственных интересах, включая участие в блокадах нефтедобывающих объектов. Работая с соответствующими министерствами, командными структурами и национальными органами, европейцы могут помочь

внедрить механизмы, которые сделают эти подразделения более профессиональными и устойчивыми[337].

Реформирование ливийского сектора безопасности, безусловно, представляет собой структурное условие стабилизации центрально-средиземноморского маршрута, однако безопасность является лишь одной из составляющих комплексной модели регулирования миграционных процессов. Устойчивое снижение нерегулярной мобильности невозможно без одновременного развития механизмов фильтрации, правовой селекции и институционального сопровождения миграционных потоков.

Первым направлением такой трансформации выступает расширение многостороннего сотрудничества в сфере миграции. Опыт последних лет показывает, что двусторонние соглашения Италии с транзитными государствами обладают ограниченной устойчивостью и подвержены политическим колебаниям. В этой связи представляется целесообразным институционализировать формат регулярных консультаций между ЕС, государствами Магриба, странами Сахеля и профильными структурами ООН по вопросам мониторинга маршрутов, обмена оперативной информацией и согласования процедур возвращения.

Расширение роли Европейского агентства пограничной и береговой охраны (Frontex) в координации действий с ливийскими и тунисскими структурами могло бы сопровождаться созданием совместных аналитических центров по выявлению сетей контрабанды и финансирования незаконной миграции. Многосторонний формат снижает риск политизации отдельных соглашений и переводит регулирование миграции в плоскость коллективной ответственности.

Одновременно требуется корректировка миграционной политики ЕС и Италии с учётом накопленного опыта 2015–2025 гг. Принятый в 2024годуПакт ЕС «О миграции и предоставлении убежища» зафиксировал стремление к балансу между распределением ответственности и усилением внешнего измерения

[337]Высочина, Е. С. Ливия - африканское поле битвы мировых держав: К изданию книги М.Ф. Видясовой "Ливия. Куда идет страна 140 племен?" / Е. С. Высочина // Новый исторический вестник. – 2021. – № 1(67). – С. 155.

контроля, однако практическая реализация его положений требует дальнейшей детализации.

В отношении Италии это означает совершенствование процедур предварительного рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в приграничных зонах, унификацию критериев признания статуса защиты и развитие механизмов ускоренного возвращения лиц, не подпадающих под международные гарантии. Для Ливии приоритетным остаётся формирование нормативной базы, определяющей статус иностранцев и процедуры взаимодействия с международными организациями.

Совершенствование нормативно-правового регулирования должно включать дополнительные меры по противодействию транснациональным преступным сетям, вовлечённым в контрабанду людей. Необходима гармонизация уголовного законодательства государств региона в части квалификации преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, усиление ответственности за финансирование таких сетей и расширение механизмов конфискации доходов.

Внутри ЕС требуется унификация стандартов обмена данными о лицах, причастных к экстремистской деятельности, а также ужесточение процедур проверки при предоставлении вида на жительство и натурализации при одновременном соблюдении принципа недискриминации. Усиление контроля завнешними границами должно сочетаться с развитием легальных каналов трудовой миграции.

Политико-институциональный аспект урегулирования связан с вопросом государственного строительства в Ливии. Созыв Учредительного собрания, уполномоченного определить конституционные основы распределения полномочий, границы компетенции центральных и региональных органов, а также механизмы гражданского контроля над сектором безопасности способен создать нормативную рамку, в которой управление миграцией станет частью общей системы публичной власти. Без конституционного закрепления принципов

территориальной целостности и распределения ответственности любые договорённости о контроле границ будут оставаться временными.

Дополнительное измерение практикоориентированного подхода связано с возможной активизацией роли ООН в урегулировании средиземноморского миграционного кризиса. Помимо мандата МООНПЛ, может быть рассмотрен вопрос о создании специальной координационной платформы под эгидой Генерального секретаря ООН для согласования действий агентств — УВКБ, МОМ, УНП ООН — в сфере гуманитарной защиты и борьбы с контрабандой. Расширение наблюдательных миссий в районах концентрации мигрантов и поддержка программ добровольного возвращения при международном мониторинге позволили бы снизить уровень правовой неопределённости и уменьшить риски злоупотреблений.

Повышение эффективности институтов управления миграцией требует модернизации административных процедур, как в Ливии, так и в Италии. В итальянском случае актуальными остаются: сокращение сроков рассмотрения заявлений о защите; цифровизация процессов обмена данными между муниципальными структурами, министерствами и судебными органами; а также повышение прозрачности распределения мигрантов по регионам. Создание специализированных межведомственных координационных центров с участием служб занятости, органов социальной защиты и правоохранительных структур позволит минимизировать риски маргинализации и нелегальной занятости.

Европейские инструменты — AMIF, Европейский социальный фонд плюс(ESF+), Европейский фонд мира(EPF) — могут быть ориентированы на программы профессиональной подготовки и социальной адаптации мигрантов.

Регулярные конференции по Ливии, переговорные форматы с участием региональных держав, консультации по защите прав мигрантов и обмен опытом интеграционной политики обеспечивают соблюдение принципа non-refoulement – решения должны сопровождаться механизмами мониторинга исполнения обязательств.

Наконец, анализ интеграционных моделей в Италии выявляет ограничения традиционного мультикультуралистского подхода. Практика последних десятилетий демонстрирует, что пассивная модель толерантности не обеспечивает полноценной интеграции мигрантов в итальянское общество. В этой связи представляется необходимым развитие политики нациестроительства. Инструменты этой политики должны быть ориентированы на формирование общей гражданской лояльности через участие в институтах гражданского общества и вовлечение мигрантов в активную хозяйственную деятельность.

Таким образом, урегулирование миграционного кризиса в Италии требует комплексной стратегии. В ней должны быть скомбинированыреформы сектора безопасности, совершенствование правового регулирования, институциональное строительство в Ливии, развитие многосторонней дипломатии и модернизацию интеграционной политики внутри ЕС.

Выводы по третьей главе.

1. Исследование показало, что ливийская модель сектора безопасности представляет собой пример устойчивой институциональной деградации.Даже крупные международные игроки в течение длительного периода не смогли изменить траекторию развития сектора безопасности. Ливийский кризис сталполигоном для экспликации ограничений реформ сектора безопасности в постконфликтных государствах.

2. Проведённая оценка европейской политики подтверждает, что несогласованность действий государств — прежде всего Франции и Италии — является причиной, по которой Евросоюз утратил статус организующего центра международных усилий. Постепенно его роль смещается в сторону других региональных держав(Турция, Египет, ОАЭ). Следует констатировать «дефицит стратегической субъектности ЕС» в условиях многоуровневых конфликтов.

3. Анализ миграционного измерения взаимодействия Италии и ЕС с Ливией показывает, что миграционный кризис в Центральном Средиземноморье не является следствием исключительно гуманитарных или экономических факторов. Он встроен в сложную систему политико-военных отношений, в которой

ополченцы используют миграцию, как источник доходов и инструмент влияния, а внешние акторы — как основание для политического давления и легитимации собственных действий. Именно эта взаимозависимость позволяет рассматривать ливийский маршрут как типичную «гибридную зону», где криминальные, политические и международные элементы соединяются в единый контур принятия решений. В научном плане данный вывод подчёркивает необходимость применения интегративной теории безопасности, ориентированной на комплексное рассмотрение политических режимов, нелегальных рынков и трансграничных потоков. Подчёркивается, что без реформирования ливийского сектора безопасности и устранения его гибридности ни одно решение ЕС по миграции не может иметь устойчивого характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило рассмотреть миграционные процессы в Центральном Средиземноморье как политически инструментализированное и геополитически нагруженное явление, выходящее за рамки демографического или гуманитарного анализа. В рамках заявленной цели были выявлены закономерности геополитизации миграции в международных отношениях и раскрыта специфика её проявления на примере Италии и Ливии.

Прежде всего, уточнено содержание категории «геополитизация миграционных процессов». В политологическом измерении она представляет собой трансформацию миграции из социально-экономического феномена в инструмент внешнеполитического давления, внутриполитической мобилизации и перераспределения влияния средимеждународныхакторов. В практическом плане геополитизация выражается в использовании миграционных потоков как средства переговорной позиции, механизма санкционного давления, аргумента в борьбе за перераспределение финансовых ресурсов и элемента безопасности. Таким образом, миграция в исследуемом регионе перестаёт быть следствием кризиса и становится его структурным компонентом.

Анализ историко-политологических оснований итало-ливийских отношений показал, что колониальное наследие продолжает оказывать влияние на восприятие Италии в ливийском политическом дискурсе. Историческая память функционирует не как пассивный культурный фактор, а как политический ресурс, используемый различными элитными группами в борьбе за легитимность. В условиях фрагментации ливийской государственности этот фактор усиливает чувствительность двустороннего взаимодействия и осложняет институционализацию совместных механизмов регулирования миграции. Материалы диссертации доказывают, что для Италии миграционные проблемы нарастали постепенно.

Однако институциональная нестабильность Ливии ограничивает устойчивость достигнутых договорённостей. Это подтверждает тезис о

зависимости миграционного регулирования от состояния государственности транзитной страны. Миграционный кризис 2015–2017 гг., как показало изучение статистических документов и других источников, был связан с недальновидной политикой западных стран, развязавших и стимулировавших вооруженные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке в расчёте на установление своего контроля над богатыми природными ресурсами регионов, прежде всего – углеводородного сырья, которое подверглось разграблению в Сирии, Ираке и самой Ливии. Участие Италии в борьбе за ресурсы было не столь активным, как участие западноевропейских партнёров по ЕС и США, однако дополнительные военные расходы ослабляли экономику страны вкупе с расходами на содержание десятков тысяч беженцев. Усиление правого крыла политического спектра Италии было неизбежным.

Выявленные геополитические детерминанты миграционных потоков свидетельствуют о том, что центрально-средиземноморский маршрут функционирует в условиях пересечения интересов региональных и внерегиональных акторов. Военные конфликты, распад институтов безопасности в Ливии, вовлечённость Турции, ОАЭ, Египта, России и других государств формируют среду, в которой контроль над миграционными потоками становится частью борьбы за влияние. В этом измерении Италия выступает одновременно и как государство назначения, и как участник более широкой геополитической конфигурации.Лоцированные тенденции геополитизации миграционных процессов в исследуемом регионе – перераспределение субъектности, активизация негосударственных участников, связь между миграционной динамикой и структурными трансформациями в Северной Африке, указывают на необходимость систематического, непредвзятого анализа миграционной ситуации и корректировки миграционной политики всех заинтересованных акторов.

В целом проведённое исследование позволяет рассматривать геополитизацию миграционных процессов как более широкое явление в рамках современной системы международных отношений. Миграция как

международныйфактор выходит за рамки логики демографического перераспределения и всё более последовательно включается в инструментарий внешнеполитического воздействия. Контроль над миграционными потоками становится предметом межгосударственного торга, а сами потоки — ресурсом влияния, используемым как государствами происхождения, так и транзитными странами.

Отметим ряд актуальных проблем. Обращает на себя внимание структурная асимметрия между государствами, вовлечёнными в регулирование миграции. Страны назначения стремятся к экстернализации контроля, в то время как государства транзита миграционных потоков оказываются включёнными в эти механизмы на условиях ограниченного суверенного выбора. Поэтому двустороннее управление миграцией приобретает черты гибридного регулирования за счет комбинации договорных и экономических инструментов.

В условиях геополитизации миграции граница государства приобретает рассредоточенный характер. Практики экстернализации и создания буферных зон формируют многоуровневую систему фильтрации потоков, в рамках которой ответственность за соблюдение прав мигрантов оказывается распределённой между разными государствами. Усиление конкуренции между глобальными и региональными акторами приводит к тому, что миграционные потоки могут использоваться как средство давления или перераспределения ресурсов в международных отношениях.

Отметим также общую тенденцию к размыванию границ между внутренней и внешней политикой в сфере миграции, ведь национальные решения всё в большей степени зависят от внешних факторов — состояния государственности в странах происхождения, а также активности негосударственных акторов. Поэтому возникает необходимость пересмотра традиционных подходов к регулированию миграции и перехода к многоуровневым моделям управления.

Анализ последствий миграционного кризиса 2015–2017 гг. позволил установить взаимосвязь между масштабами прибывающих потоков и трансформацией внутриполитического баланса в Италии. Миграция стала

фактором электоральной мобилизации, усилив позиции правоцентристских сил и повлияв на корректировку национального законодательства.

Рассмотрение общеевропейского измерения показало, что отсутствие согласованности между государствами-членами ЕС ограничивает формирование единой стратегии реагирования. Расхождения проявляются в подходах к распределению ответственности, в оценке механизмов квотирования, в отношении к экстернализации границ и к сотрудничеству с нестабильными транзитными государствами. В этой ситуации Италия фактически стала одним из драйверов корректировки миграционной политики ЕС, продвигая более жёсткие механизмы фильтрации и усиления внешнего измерения контроля. Была выявлена роль Италии в трансформации ключевых подходов ЕС к миграционным вопросам. Материалы диссертации показали, что Италия одной из первых стран ЕС выступила с критикой, сложившейся к 2015 году миграционной политики ЕС. Бесконтрольный приём ничем не ограниченного потока мигрантов под лозунгами толерантности и либерального мультикультурализма, распределение процентных (а не количественных) квот на содержание мигрантов, отказ ряда стран Восточной Европы в этом участвовать привели к очевидным кризисным последствиям. Новое итальянское руководство, не располагая достаточными бюджетными ресурсами и не получая необходимых дотаций из Брюсселя, выступило с инициативами корректировки всей миграционной политики ЕС.

Анализ подтвердил, что перспективы стабилизации миграционной ситуации напрямую связаны с реформированием сектора безопасности Ливии и укреплением её институциональной целостности. Однако безопасность представляет собой лишь одну из составляющих комплексного регулирования. Эффективность возможна при сочетании многостороннего сотрудничества, корректировки нормативно-правовой базы, институционального укрепления органов управления миграцией и координации дипломатических усилий. Без согласованного подхода на уровне ЕС и ООН любые двусторонние инициативы остаются ограниченными.

Тем самым подтверждается основной вывод исследования: миграционные процессы в Центральном Средиземноморье приобрели характер геополитического инструмента, оказывающего влияние на структуру международных отношений и внутреннюю динамику государств. Италия и Ливия выступают в данной конфигурации как взаимозависимые акторы, чьи решения определяются не только гуманитарными обстоятельствами, но и соображениями безопасности, ресурсной конкуренции и баланса сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ИСТОЧНИКИ

1. Нормативно-правовыедокументы:

1. Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on the Promotion and Protection of Investments. Rome, 4 December 2000. UnitedNationsTreatySeries, Vol. 2149, p. 33. (Соглашение между Правительством Итальянской Республики и Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирией о поощрении и защите инвестиций. Рим, 4 декабря 2000 года. Серия международных договоров Организации Объединённых Наций, том 2149, с. 33).URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202149/v2149.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
2. Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. Rome, 13 December 2000. UnitedNationsTreatySeries, Vol. 2149. (Соглашение между Правительством Итальянской Республики и Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирией о борьбе с терроризмом, организованной преступностью и незаконной иммиграцией. Рим, 13 декабря 2000 года. Серия международных договоров Организации Объединённых Наций, том 2149).URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202149/v2149.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
3. Agreement between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Combating Terrorism, Organized Crime and Illegal Immigration. (Соглашение между Правительством Итальянской Республики и Великой Социалистической народной

Ливийской Арабской Джамахирией о борьбе с терроризмом, организованной преступностью и незаконной иммиграцией). URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/v2000.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

4. Agreement between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders (Schengen Agreement). Schengen, 14 June 1985. (Соглашение между правительствами государств Экономического союза Бенилюкса, Федеративной Республики Германия и Французской Республики о постепенной отмене проверок на их общих границах (Шенгенское соглашение).Шенген, 14 июня 1985 года).URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42000A0922(01) (дата обращения: 24.10.2025).
5. Convention between the Government of the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Consular Relations. Tripoli, 9 December 1998. Roma: GazzettaUfficialedellaRepubblicaItaliana, 2000, n. 54. (Конвенция между Правительством Итальянской Республики и Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирией о консульских сношениях. Триполи, 9 декабря 1998 года. Рим: Официальный вестник Итальянской Республики, 2000, № 54).URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:accordo:1998-12-09; (дата обращения: 24.10.2025).
6. Convention concerning Migrations in Abusive Conditions and the Promotion of Equality of Opportunity and Treatment of Migrant Workers (No. 143) (adopted at Geneva on 24 June 1975). (Конвенция о миграции в злоупотребительных условиях и содействии равенству возможностей и обращения для трудящихся-мигрантов (№ 143) (принята в Женеве 24 июня 1975 года)). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312288 (дата обращения: 24.10.2025).

7. Government of Italy; Government of National Accord of Libya. Memorandum of Understanding on Migration Cooperation. Rome–Tripoli, 2 February 2017. (Правительство Италии; Правительство национального согласия Ливии. Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере миграции. Рим–Триполи, 2 февраля 2017 года).URL: https://www.repubblica.it/static/2020/immigrazione/Memorandum_Libia_2017.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
8. Protocol between the Ministry of the Interior of the Republic of Italy and the General People's Committee for Public Security of the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya on Cooperation to Prevent and Combat Illegal Immigration. Tripoli, 29 December 2007. Migration Policy Centre (EUI), Italy–Libya Agreements on Migration Control. (Протокол между Министерством внутренних дел Итальянской Республики и Всеобщим народным комитетом по общественной безопасности Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирии о сотрудничестве по предупреждению и борьбе с незаконной иммиграцией. Триполи, 29 декабря 2007 года. Центр миграционной политики (Европейский университетский институт), Соглашения Италии и Ливии по контролю миграции).URL: https://migrationpolicycentre.eu/is-it-time-for-italy-to-resume-anti-immigration-cooperation-with-libya/ (дата обращения: 24.10.2025).
9. Treaty of Friendship, Partnership and Cooperation between the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, Benghazi, 30 August 2008. (Договор о дружбе, партнёрстве и сотрудничестве между Итальянской Республикой и Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирией.Бенгази, 30 августа 2008 года).URL: https://security-legislation.ly/latest-laws/law-no-2-of-2009-on-ratifying-the-treaty-of-friendship-and-cooperation-between-the-great-socialist-peoples-libyan-arab-jamahiriya-and-the-republic-of-italy/ (дата обращения: 24.10.2025).
10. United Nations Support Mission in Libya. Agreement for a Complete and Permanent Ceasefire in Libya. (Миссия Организации Объединённых Наций

по поддержке в Ливии.Соглашение о полном и постоянном прекращении огня в Ливии).URL: https://unsmil.unmissions.org/sites/default/files/ceasefire_agreement_between_libyan_parties_english.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

11. Accords Franco-Italiens signés à Rome le 7 janvier 1935 (“Accords Laval-Mussolini”) // Documents diplomatiques français. 1932–1939. 1er janvier – 31 mars 1935. Paris: Ministère des Affaires étrangères; Imprimerie Nationale, 1982. P. 253–261. (Франко-итальянские соглашения, подписанные в Риме 7 января 1935 года («Соглашения Лаваля – Муссолини») // Французские дипломатические документы. 1932–1939. 1 января – 31 марта 1935 года. Париж: Министерство иностранных дел; Национальная типография, 1982. С. 253–261).URL: https://djibouti.frontafrique.org/?doc117 (дата обращения: 23.10.2025).
12. Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy, signed at London 26 April 1915 (Treaty of London 1915) // The Treaty of London (1915) [PDF] – St. Thomas University: Dept. of World History. (Соглашение между Францией, Россией, Великобританией и Италией, подписанное в Лондоне 26 апреля 1915 года (Лондонский договор 1915 года) // Лондонский договор (1915) [PDF] – Университет Сент-Томас: кафедра всеобщей истории). URL: https://wp.stu.ca/worldhistory/wp-content/uploads/sites/4/2015/08/The-Treaty-of-London.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
13. Anglo-French Convention of 1898. Declaration between the United Kingdom and France supplementing the Agreement of 1898 (1899) // British and Foreign State Papers. 1898–1899 / Compiled by the Librarian and Keeper of the Papers of the Foreign Office. London: Her Majesty’s Stationery Office, 1903. Vol. 91. P. 8–11. (Англо-французская конвенция 1898 года. Декларация между Соединённым Королевством и Францией, дополняющая соглашение 1898 года (1899) // Британские и иностранные государственные документы. 1898–1899 / Составлено библиотекарем и хранителем документов Министерства иностранных дел. Лондон: Канцелярия Её Величества, 1903. Т. 91. С. 8–11).

14. Bevin–Sforza agreement (London, 10 May 1949). “The United States and the United Nations Organization: The Bevin-Sforza formula for the disposition of the Italian colonies”. Foreign Relations of the United States, 1949, vol. IV, p. 560. (СоглашениеБевина – Сфорцы (Лондон, 10 мая 1949 года). «Соединённые Штаты и Организация Объединённых Наций: формула Бевина – Сфорцы относительно судьбы итальянских колоний» // Внешние сношения Соединённых Штатов, 1949, т. IV, с. 560).URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d313 (дата обращения: 24.10.2025).

15. Convention between France and Turkey relative to the frontier between the Regency of Tunis and the Vilayet of Tripoli (19 May 1910) // International Boundary Study No. 121: Libya–Tunisia Boundary. 7 April 1972. (Конвенция между Францией и Турцией относительно границы между Тунисским бейликом и вилайетом Триполи (19 мая 1910 года) // Исследование международной границы № 121: граница Ливия – Тунис. 7 апреля 1972 года). URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs121.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

16. France-Libya: Agreement of 19 September 1919 (Franco-Italian Arrangement) // No. 4340. FrancoLibye. UnitedNationsTreatySeries 1958, vol. 202, p. 154–158. (Франция – Ливия: Соглашение от 19 сентября 1919 года (Франко-итальянская договорённость) // № 4340. Франция – Ливия. Серия международных договоров Организации Объединённых Наций, 1958, т. 202, с. 154–158).URL: http://www.worldlii.org/int/other/treaties/UNTSer/1958/202.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

17. Treaty of Friendship and Good-Neighbourliness between the French Republic and the United Kingdom of Libya (10 August 1955) // United Nations Treaty Series, vol. 1596, p. 37–55. (Договор о дружбе и добрососедстве между Французской Республикой и Соединённым Королевством Ливии (10 августа 1955 года) // Серия международных договоров Организации Объединённых

Наций, т. 1596, с. 37–55). URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0190.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

18. Italia. Parlamento. Comitato parlamentare per i servizi di informazione e sicurezza e per il segreto di Stato. Resoconto sommario delle audizioni del generale Mario Mori sulle attività di cooperazione Italia–Libia in materia di immigrazione. Roma: CameradeiDeputati, 2005. (Италия. Парламент. Парламентский комитет по службам информации и безопасности и по государственной тайне. Краткий отчёт о слушаниях генерала Марио Мори по вопросам сотрудничества Италии и Ливии в сфере иммиграции. Рим: Палата депутатов, 2005).URL: https://documenti.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed293/s050928.htm (дата обращения: 24.10.2025).
19. Italian-Egyptian Agreement on the Western Land Borders of Egypt (6 December 1925) // International Boundary Study No. 61: Libya – Egypt (United Arab Republic) Boundary. – United States Department of State, Office of the Geographer. (Итало-египетское соглашение о западных сухопутных границах Египта (6 декабря 1925 года) // Исследование международной границы № 61: граница Ливия – Египет (Объединённая Арабская Республика). – Государственный департамент США, Управление географа).URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs061.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
20. Legge 12 novembre 2004, n. 271. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 14 settembre 2004, n. 241, recante disposizioni urgenti in materia di immigrazione. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 13 novembre 2004, n. 266. (Закон от 12 ноября 2004 г. № 271. О преобразовании в закон с изменениями декрета-закона от 14 сентября 2004 г. № 241, содержащего срочные положения в сфере иммиграции. Рим: Официальный вестник Итальянской Республики, 13 ноября 2004 г., № 266).URL:

https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-11-12;271 (дата обращения: 24.10.2025).

21. Legge 30 dicembre 1986, n. 943. Norme in materia di collocamento e trattamento dei lavoratori extracomunitari immigrati e contro le manomissioni di carattere razziale. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 8 gennaio 1987, n. 6. (Закон от 30 декабря 1986 г. № 943. Нормы о трудоустройстве и условиях труда иммигрировавших работников из стран, не входящих в Европейское сообщество, и о противодействии проявлениям расового характера. Рим: Официальный вестник Итальянской Республики, 8 января 1987 г., № 6). URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1986-12-30;943 (дата обращения: 24.10.2025).
22. Legge 30 luglio 2002, n. 189. Modifica alla normativa in materia di immigrazione e di asilo (Legge Bossi–Fini). Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 26 agosto 2002, n. 199. (Закон от 30 июля 2002 г. № 189. Изменения в законодательство об иммиграции и убежище (Закон Босси – Фини). Рим: Официальный вестник Итальянской Республики, 26 августа 2002 г., № 199).URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189 (дата обращения: 24.10.2025).
23. Legge 6 marzo 1998, n. 40. Disciplina dell’immigrazione e norme sulla condizione dello straniero. Roma: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 6 marzo 1998, n. 59. (Закон от 6 марта 1998 г. № 40. Регулирование иммиграции и нормы о правовом положении иностранцев. Рим: Официальный вестник Итальянской Республики, 6 марта 1998 г., № 59).URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1998-03-06;40 (дата обращения: 24.10.2025).
24. Memorandum of Understanding between the Italian Republic and the State of Libya on cooperation in the fields of development, the fight against illegal immigration, human trafficking and fuel smuggling and on reinforcing the security of borders. 2 Feb. 2017 // EUMigrationLawBlog. (Меморандум о взаимопонимании между Итальянской Республикой и Государством Ливия

о сотрудничестве в области развития, борьбы с незаконной иммиграцией, торговлей людьми и контрабандой топлива, а также об укреплении безопасности границ. 2 февраля 2017 года // Блог по миграционному праву ЕС). URL: https://eumigrationlawblog.eu/wp-content/uploads/2017/10/MEMORANDUM_translation_finalversion.doc.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

25. Memorandum of Understanding on cooperation in the fields of development, the fight against illegal immigration, human trafficking and fuel smuggling and on reinforcing the security of borders between the State of Libya and the Italian Republic. (Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в области развития, борьбы с незаконной иммиграцией, торговлей людьми и контрабандой топлива, а также об укреплении безопасности границ между Государством Ливия и Итальянской Республикой). URL: https://eumigrationlawblog.eu/wp-content/uploads/2017/10/MEMORANDUM_translation_finalversion.doc.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

26. The 1902 Barrère-Prinetti Treaty (secret exchange of letters between France and Italy) // Case concerning the Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom). Memorial of the Great Socialist People’s Libyan Arab Jamahiriya. 26 Aug. 1991. – United Nations International Court of Justice. (Договор Баррера – Принетти 1902 года (секретный обмен письмами между Францией и Италией) // Дело о территориальном споре (Ливийская Арабская Джамахирия против Соединённого Королевства). Меморандум Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирии. 26 августа 1991 года. – Международный Суд Организации Объединённых Наций).URL: https://www.icj-cij.org/node/104198 (дата обращения: 10.10.2025).

27. Treaty of Friendship and Commerce between Italy and Ethiopia (2 May 1925) // Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1935, Volume I: Near East and Africa. Washington: UnitedStatesGovernmentPrintingOffice, 1935. P.

764. (Договор о дружбе и торговле между Италией и Эфиопией (2 мая 1925 года) // Внешние сношения Соединённых Штатов, дипломатические документы, 1935, том I: Ближний Восток и Африка. Вашингтон: Правительственная типография США, 1935. С. 764).URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1935v01/d634 (дата обращения: 15.10.2025).

28. Treaty of Friendship, Partnership and Cooperation between the Republic of Italy and the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, Benghazi, 30 August 2008. (Договор о дружбе, партнёрстве и сотрудничестве между Итальянской Республикой и Великой Социалистической народной Ливийской Арабской Джамахирией.Бенгази, 30 августа 2008 года).URL: https://security-legislation.ly/latest-laws/law-no-2-of-2009-on-ratifying-the-treaty-of-friendship-and-cooperation-between-the-great-socialist-peoples-libyan-arab-jamahiriya-and-the-republic-of-italy/ (дата обращения: 20.10.2025).
29. Treaty of Peace with Italy. Signed at Paris, 10 February 1947. United Nations Treaty Series, Vol. 49. (Мирный договор с Италией.Подписан в Париже 10 февраля 1947 года. Серия международных договоров Организации Объединённых Наций, том 49).URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%2049/v49.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
30. United Nations General Assembly. Economic and financial provisions relating to Libya. Res. 388(V), 15 Dec. 1950. (Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций. Экономические и финансовые положения, относящиеся к Ливии. Резолюция 388(V) от 15 декабря 1950 года). URL: https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1950/en/10349 (дата обращения: 24.10.2025).
31. United Nations General Assembly. Question of the disposal of the former Italian colonies. Resolution 289 (IV), adopted at the 250th plenary meeting, 21 November 1949. (Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций. Вопрос о распоряжении бывшими итальянскими колониями.

Резолюция 289 (IV), принятая на 250-м пленарном заседании 21 ноября 1949 года).URL: https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1949/en/7706 (дата обращения: 24.10.2025).

32. United Nations Security Council. Resolution 1970 (2011) on the situation in the Libyan Arab Jamahiriya. S/RES/1970 (26 February 2011). (Совет Безопасности Организации Объединённых Наций. Резолюция 1970 (2011) о ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии. S/RES/1970 (26 февраля 2011 года)). URL: https://undocs.org/S/RES/1970(2011) (дата обращения: 24.10.2025).
33. United States-Libya Base Rights Agreement. “Military Base Rights Agreement with Libya”, Benghazi, 9 September 1954; entered into force 30 October 1954. (Соглашение между Соединёнными Штатами и Ливией о правах на военные базы.«Соглашение о правах на военные базы с Ливией», Бенгази, 9 сентября 1954 года; вступило в силу 30 октября 1954 года).URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v11p1/d302 (дата обращения: 24.10.2025).
34. Pact on Migration and Asylum. European Union, 2024. (Пакт о миграции и убежище Европейского союза, 2024 г.). URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 02.09.2026).

2. Делопроизводственные:

35. CouncioftheEuropeanUnion. Operation EUNAVFOR MED IRINI: Mandate Extension 2023–2025. PressRelease 20 March 2023. (Совет Европейского союза. Операция EUNAVFORMEDIRINI: продление мандата на 2023–2025 годы. Пресс-релиз от 20 марта 2023 года). URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/03/20/council-extends-mandate-of-eu-military-operation-irini-in-the-mediterranean-until-2025/ (дата обращения: 24.10.2025).

36. Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the announcement of a Ceasefire Agreement in Libya. 25 Oct 2020. (Заявление Верховного представителя от имени Европейского союза по поводу объявления соглашения о прекращении огня в Ливии. 25 октября 2020 года). URL: https://enlargement.ec.europa.eu/news/declaration-high-representative-behalf-eu-announcement-ceasefire-agreement-libya-2020-10-25_en (дата обращения: 21.11.2025).

37. European Commission. “Asylum applications down by one-third in 2020 amid COVID-19” (23 March 2020). (Европейская комиссия.«Число заявлений о предоставлении убежища сократилось на треть в 2020 году на фоне COVID-19» (23 марта 2020 года)).URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_466 (дата обращения: 10.11.2025).

38. European Commission. Employment and Social Developments in Europe 2021. (Европейская комиссия.Занятость и социальное развитие в Европе, 2021).URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8423 (дата обращения: 10.11.2025).

39. European Council. EU–Turkey Statement, 18 March 2016. (Европейский совет.Заявление ЕС – Турция от 18 марта 2016 года).URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement (дата обращения: 10.11.2025).

40. European External Action Service. EUBAM Libya: Factsheet. (Европейская служба внешних действий.EUBAM Ливия: информационный бюллетень). URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EUBAM-Libya-factsheet.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

41. European Neighbourhood Policy: Libya // European Commission. 2023. (Европейская политика соседства:Ливия // Европейская комиссия. 2023).URL: https://enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/libya_en (дата обращения: 10.10.2025).

42. European Parliament. EU Funding for Migration, Asylum and Integration Policies. Brussels, 2018. (Европейский парламент. Финансирование ЕС в сфере миграции, убежища и интеграционной политики. Брюссель, 2018). URL: https://www.europarl.europa.eu (дата обращения: 10.11.2025).

43. European Parliament. Walls and fences at EU borders. BRIE (2022) 733692. (Европейский парламент. Стены и заграждения на границах ЕС. BRIE (2022) 733692). URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733692/EPRS_BRI(2022)733692_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

44. Eurostat. Migrant integration statistics — labour market indicators. (Евростат.Статистика интеграции мигрантов — показатели рынка труда).URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_%E2%80%93_labour_market_indicators (дата обращения: 10.11.2025).

45. Eurostat. People at risk of poverty or social exclusion by citizenship. 2016. (Евростат.Лица, находящиеся под угрозой бедности или социальной изоляции, по гражданству. 2016).URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_peps01/default/table (дата обращения: 10.11.2025).

46. Eurostat. Record number of over 1.2 million first-time asylum seekers registered in the EU in 2015. (Евростат.Рекордное число — более 1,2 миллиона впервые зарегистрированных просителей убежища в ЕС в 2015 году).URL: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

47. German Federal Foreign Office. Second Berlin Conference on Libya – Conclusions. 23 Jun 2021. (Федеральное министерство иностранных дел Германии.Вторая Берлинская конференция по Ливии — заключительные выводы. 23 июня 2021 года).URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/berlin-2-conclusions-2467750 (дата обращения: 21.11.2025).

48. Institute for Economics & Peace. Global Peace Index 2024. (Институт экономики и мира.Глобальный индекс мира 2024).URL: https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/06/GPI-2024-web.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
49. Internal Displacement Monitoring Centre. Number of internally displaced people tops 80 million for first time. (Центр мониторинга внутреннего перемещения.Число внутренне перемещённых лиц впервые превысило 80 миллионов).URL: https://www.internal-displacement.org/news/number-of-internally-displaced-people-tops-80-million-for-first-time (дата обращения: 10.11.2025).
50. International Organization for Migration (IOM). MigrantReportRound 54 (Oct 2024). (Международная организация по миграции (МОМ).Отчёт о мигрантах, раунд 54 (октябрь 2024 года)).URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2025/09/DTM_Libya_R54_Migrant_Report_Final_V2.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
51. International Organization for Migration (IOM). Migrants' Economic Contribution to Italy. Geneva, 2024. (Международная организация по миграции (МОМ). Экономический вклад мигрантов в Италии. Женева, 2024).URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom_italy_briefing_02.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
52. International Organization for Migration. Region on the Move – Middle East and North Africa. Geneva, 2024. (Международная организация по миграции. Регион в движении — Ближний Восток и Северная Африка. Женева, 2024).URL: https://mena.iom.int/sites/g/files/tmzbdl686/files/documents/2024-01/pub2023-139-r-region-on-the-move-mena.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
53. IOM Italy. "Italy's immigrant entrepreneurship". (МОМ Италия.«Иммигрантское предпринимательство в Италии»).URL: https://italy.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1096/files/documents/IOM_Italy%27s%20

immigrant%20entrepreneurship_FLM%2030.05.2022%20(1).pdf (дата обращения: 10.11.2025).

54. IOM. MediterraneanMigrationOverview 2024. (МОМ.Обзор миграции в Средиземноморье 2024 года).URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-2024 (дата обращения: 10.11.2025).
55. IOM. Migration Data on the Central Mediterranean Route. Geneva, 2024. (МОМ. Данные о миграции по центральному средиземноморскому маршруту. Женева, 2024).URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_data_on_the_central_mediterranean_route.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
56. ISTAT. Occupati e disoccupati – Serie storiche. Roma, 2016. (ISTAT. Занятые и безработные — исторические ряды. Рим, 2016).URL: https://www.istat.it/it/archivio/lavoro (дата обращения: 10.11.2025).
57. ISTAT. Stranieri residenti e cittadinanza in Italia, 2022. (ISTAT.Иностранные граждане, проживающие в Италии, и гражданство, 2022).URL: https://www.istat.it/it/archivio/stranieri+in+italia (дата обращения: 10.11.2025).
58. Istituto Nazionale di Statistica (ISTAT). Stranieri residenti e cittadinanza in Italia, 2024. (Национальный институт статистики Италии (ISTAT).Иностранные граждане, проживающие в Италии, и гражданство, 2024).URL: https://www.istat.it/it/archivio/stranieri+in+italia (дата обращения: 10.11.2025).
59. Istituto Superiore di Sanità. COVID-19: Impatto sulla salute dei migranti in Italia. (Высший институт здравоохранения Италии.COVID-19: влияние на здоровье мигрантов в Италии). URL: https://www.iss.it/documents/20126/0/Rapporto_COVID19_ISS_SIMM.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
60. Mixed Migration Centre (MMC). Quarterly Mixed Migration Update: North Africa. Q4 2024. (Центр смешанной миграции (MMC). Квартальное обновление по смешанной миграции: Северная Африка. IV квартал 2024 года). URL: https://mixedmigration.org/wp-content/uploads/2025/02/QMMU-2024-Q4-North-Africa.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

61. OECD. “Inclusive Entrepreneurship Country Assessment Notes: Italy”. (ОЭСР. «Страновые заметки по оценке политики инклюзивного предпринимательства: Италия»).URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/05/inclusive-entrepreneurship-policy-assessment-country-notes_48c462fc/italy_c39174cc/6a0f54d2-en.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
62. OECD. “International Migration Outlook 2024: Migrant entrepreneurship in OECD countries”. (ОЭСР.«Перспективы международной миграции 2024: предпринимательство мигрантов в странах ОЭСР»).URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/11/international-migration-outlook-2024_c6f3e803/full-report/migrant-entrepreneurship-in-oecd-countries_72f44494.html (дата обращения: 10.11.2025).
63. OECD. International Migration Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/migr_outlook-2024-en (ОЭСР. Перспективы международной миграции 2024. Париж: Издательство ОЭСР, 2024. DOI: 10.1787/migr_outlook-2024-en) (дата обращения: 10.11.2025).
64. Security Council Report. Libya: Informal Interactive Dialogue. 28 Apr 2021. (Доклад Совета Безопасности.Ливия: неформальный интерактивный диалог. 28 апреля 2021 года).URL: https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/04/libya-informal-interactive-dialogue.php (дата обращения: 21.11.2025).
65. Security Council Report. Libya: Informal Interactive Dialogue. (Доклад Совета Безопасности.Ливия: неформальный интерактивный диалог).URL: https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/04/libya-informal-interactive-dialogue.php (дата обращения: 21.11.2025).
66. UN News / OHCHR. Sudan faces worsening humanitarian catastrophe as famine and conflict escalate. (Новости ООН / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека.Судан сталкивается с усугубляющейся гуманитарной катастрофой на фоне голода и эскалации конфликта).URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/04/sudan-faces-worsening-

humanitarian-catastrophe-famine-and-conflict-escalate (дата обращения: 10.11.2025).

67. UNHCR. Hotspot approach in Italy and Greece: operational update. 2020. (УВКБ ООН.Подход «горячих точек» в Италии и Греции: оперативное обновление. 2020).URL: https://data.unhcr.org/en/documents/details/75567 (дата обращения: 10.11.2025).
68. UNHCR / EMN. Data shows high sea arrivals in 2025. (УВКБ ООН / Европейская миграционная сеть.Данные свидетельствуют о высоком уровне морских прибытий в 2025 году).URL: https://emnbelgium.be/news/unhcr-data-shows-high-sea-arrivals-europe-2025 (дата обращения: 21.11.2025).
69. UNHCR. Italy – Situation Europe Sea Arrivals. (УВКБ ООН.Италия — ситуация с морскими прибытием в Европу).URL: https://data.unhcr.org/en/situations/europe-sea-arrivals/location/24521 (дата обращения: 21.11.2025).
70. UNHCR. Situation Syria – Regional Refugee Response / Turkey, Lebanon, Jordan, etc. (УВКБ ООН. Ситуация в Сирии — региональный ответ на беженцев / Турция, Ливан, Иордания и др.).URL: https://data.unhcr.org/en/situations/syria/location/14201 (дата обращения: 10.11.2025).
71. UNHCR. West and Central Mediterranean Situation – Global Report 2022. (УВКБ ООН.Ситуация в западном и центральном Средиземноморье — Глобальный отчёт 2022).URL: https://reporting.unhcr.org/west-and-central-mediterranean-situation-global-report-2022 (дата обращения: 10.11.2025).
72. UNHCR. Yemen Country Page. (УВКБ ООН. Страница по Йемену).URL: https://www.unhcr.org/us/where-we-work/countries/yemen (дата обращения: 10.11.2025).
73. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Italy: Sea arrivals dashboard – January 2025. (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.Италия: панель данных по морским прибытием — январь 2025

года).URL: https://data.unhcr.org/fr/documents/download/115692 (дата обращения: 10.11.2025).

74. United Nations High Commissioner for Refugees и Danish Refugee Council. Mixed Migration in Libya: Changing Dynamics and Protection Challenges (2018). (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Датский совет по делам беженцев. Смешанная миграция в Ливии: изменяющаяся динамика и проблемы защиты (2018)).URL: https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/jul/unhcr-refugees-report.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

75. United Nations Population Division. World Population Prospects 2024. (Отдел народонаселения Организации Объединённых Наций.Перспективы мирового народонаселения 2024).URL: https://population.un.org/wpp (дата обращения: 10.11.2025).

76. United Nations Support Mission in Libya. UNSMIL Welcomes Agreement between Libyan parties on permanent country-wide ceasefire agreement with immediate effect. 23 Oct 2020. (Миссия ООН по поддержке в Ливии.МООНПЛ приветствует соглашение между ливийскими сторонами о постоянном общенациональном прекращении огня с немедленным вступлением в силу. 23 октября 2020 года).URL: https://unsmil.unmissions.org/unsmil-welcomes-agreement-between-libyan-parties-permanent-country-wide-ceasefire-agreement (дата обращения: 21.11.2025).

77. United Nations. “Adopting Resolution 2240 (2015), Security Council Authorizes Additional Measures to Stem Flow of Migrants Smuggled from Libya.” Pressrelease, 9 Oct 2015. (Организация Объединённых Наций. «Принимая резолюцию 2240 (2015), Совет Безопасности санкционирует дополнительные меры по пресечению потока мигрантов, переправляемых из Ливии». Пресс-релиз от 9 октября 2015 года). URL: https://press.un.org/en/2015/sc12072.doc.htm (дата обращения: 10.11.2025).

78. United Nations. S/2020/1309 — Report of the Secretary-General on the United Nations Support Mission in Libya. 30 Dec 2020. (Организация Объединённых Наций.S/2020/1309 — Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединённых Наций по поддержке в Ливии. 30 декабря 2020 года). URL: https://docs.un.org/en/s/2020/1309 (дата обращения: 21.11.2025).
79. United States. Library of Congress. Chad–Sudan Boundary — IBS 15. Washington D.C.: Congressional Research Service, 15 June 1962. (Соединённые Штаты. Библиотека Конгресса. Граница Чад – Судан — IBS 15. Вашингтон, округ Колумбия: Исследовательская служба Конгресса, 15 июня 1962 года).URL: https://library.law.fsu.edu/Digital-Collections/LimitsinSeas/pdf/ibs015.pdf (дата обращения: 24.10.2025).
80. WFP. Famine in Sudan | World Food Programme. (Всемирная продовольственная программа.Голод в Судане).URL: https://www.wfp.org/emergencies/sudan-emergency (дата обращения: 10.11.2025).
81. World Health Organization. Migration and Health in the Context of COVID-19 Pandemic in Italy. (Всемирная организация здравоохранения.Миграция и здоровье в условиях пандемии COVID-19 в Италии).URL: https://www.who.int/europe/publications/migration-health-italy-covid-19 (дата обращения: 10.11.2025).
82. 世界银行 (World Bank). Senegal — GDP per capita (current US$). 2024. (Всемирный банк. Сенегал — ВВП на душу населения (в текущих долларах США). 2024).URL: https://data.worldbank.org/country/senegal (дата обращения: 10.11.2025).
83. Lettera del Governatore Generale della Libia I. Balbo al Ministero dell'Africa Italiana. 30 dic. 1938. URL: https://acs.cultura.gov.it/ (дата обращения: 23.10.2025).

3.Публицистические:

84. «Not a storm in a teacup: The Islamic State after the Caliphate» (GIGA-Hamburg), 2020. URL: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/not-a-storm-in-a-teacup-the-islamic-state-after-the-caliphate (дата обращения: 10.11.2025).
85. ACAPS. Italy: Country overview (updated 2025). URL: https://www.acaps.org/en/countries/italy (дата обращения: 10.11.2025).
86. Access to the territory and push backs – Italy. Asylum Information Database. URL: https://asylumineurope.org/reports/country/italy/asylum-procedure-access-procedure-and-registration/access-territory-and-push-backs/ (дата обращения: 10.11.2025).
87. Al Jazeera. 2024: A Year that Turned the Tables in War-Torn Syria. 02 Jan 2025. URL: https://www.aljazeera.com/gallery/2025/1/2/2024-a-year-that-turned-the-tables-in-war-torn-syria (дата обращения: 10.11.2025).
88. Al Jazeera. World Leaders React to Trump’s Middle East Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/1/29/world-leaders-react-to-trumps-middle-east-plan (дата обращения: 10.11.2025).
89. Alex Vines. Building security: How Europeans can help reform Libya. European Council on Foreign Relations (ECFR), 25 Feb 2022. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (датаобращения: 21.11.2025).
90. Anti-migrant Security Decree bis becomes law in Italy. Fairplanet. URL: https://www.fairplanet.org/story/anti-migrant-security-decree-bis-becomes-law-in-italy/ (дата обращения: 10.11.2025).
91. ASGI. Decreto Rilancio: regolarizzazione dei lavoratori stranieri. URL: https://www.asgi.it/allontamento-espulsione/decreto-rilancio-regolarizzazione-migranti-2020/ (дата обращения: 10.11.2025).
92. Assindatcolf. Lavoro domestico e pandemia: i dati del 2020. URL: https://www.assindatcolf.it/news/lavoro-domestico-pandemia-2020 (дата обращения: 10.11.2025).

93. Asylum in Italy between human rights and the Constitution. Lorenzo Durante Viola. URL: https://repository.gchumanrights.org/bitstreams/a2c17437-a541-43d6-92e9-65bc47cc535c/download (дата обращения: 10.11.2025).
94. Brandolini A. “Italy’s Demographic Decline and Prospects for Economic Growth.” Banca d’Italia, paper 2025. URL: https://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/qef/2025-0969/QEF_969.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
95. CBS News. Palestinian President Mahmoud Abbas Rejects Trump’s Middle East Peace Plan. 29 Jan 2020. URL: https://www.cbsnews.com/news/palestinians-mahmoud-abbas-rejects-trumps-middle-east-peace-plan (дата обращения: 10.11.2025).
96. Center for Strategic and International Studies (CSIS). New and Old Crises and Instability in the Middle East and North Africa. Washington, 2016. URL: https://www.csis.org/analysis/new-old-crises-and-instability-middle-east-and-north-africa-2016 (дата обращения: 10.11.2025).
97. Chatham House. Conclusions: implications for disarmament, demobilization and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/10/sprint-41/06-conclusions-implications-disarmament-demobilization-and-reintegration (дата обращения: 21.11.2025).
98. Chatham House. Security actors in Misrata, Zawiya and Zintan since 2011: Conclusions – Implications for disarmament, demobilisation and reintegration in Libya. URL: https://www.chathamhouse.org/2023/12/security-actors-misrata-zawiya-and-zintan-2011/06-conclusions-implications-disarmament (дата обращения: 21.11.2025).
99. Clingendael Institute. One thousand and one failings: The prospects for security sector development in Libya. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-04/one-thousand-and-one-failings.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
100. Confindustria. “Foreign companies: how many are in Italy and how to attract new ones”. URL: https://www.confindustria.it/en/news/testing-how-many-foreign-

companies-there-are-and-how-to-attract-new-ones/ (дата обращения: 10.11.2025).

101. Corte dei Conti. La gestione del Fondo nazionale per le politiche e i servizi dell’asilo (2013–2016). Roma, 2017. URL: https://www.corteconti.it (дата обращения: 10.11.2025).
102. Ecfr.eu. Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).
103. Elizabeth Dent, «US Policy and the Resurgence of ISIS in Iraq and Syria», Middle East Institute, 21 октября 2020. URL: https://www.mei.edu/publications/us-policy-and-resurgence-isis-iraq-and-syria (дата обращения: 10.11.2025).
104. EU. “Migration flows on the Western routes.” URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/western-routes/ (дата обращения: 10.11.2025).
105. Eurispes. Rapporto Italia 2021: Lavoro e immigrazione nel settore agricolo. URL: https://eurispes.eu/publication/rapporto-italia-2021-lavoro-immigrazione-agricolo/ (дата обращения: 10.11.2025).
106. EUR-Lex. “Illegal border crossings into EU fell by 10% in first ten months of 2020” (European Commission press release). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0093 (дата обращения: 10.11.2025).
107. European Commission. Employment and Social Developments in Europe 2023. Brussels, 2024. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8718 (дата обращения: 10.11.2025).
108. European Commission. Search and Rescue Operations in the Mediterranean. Brussels, 2020. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-07/202007_search_and_rescue_mediterranean_en.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

109. European Council on Foreign Relations (ECFR). Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).
110. European Council on Foreign Relations. Building security: How Europeans can help reform Libya. URL: https://ecfr.eu/publication/building-security-how-europeans-can-help-reform-libya/ (дата обращения: 21.11.2025).
111. European Council on Foreign Relations. Libya's migrant-smuggling highway: Lessons for Europe. (2015). URL: https://www.ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR-147_Libyas_Migrant_Smuggling_Highway1.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
112. European Papers. Mireia Estrada-Cañamares. "Operation Sophia Before and After UNSC Resolution No 2240 (2015)." URL: https://www.europeanpapers.eu/… (дата обращения: 10.11.2025).
113. European Parliament Research Service (EPRS). The role of NGOs in EU migration governance. Brussels, 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733558 (дата обращения: 27.11.2025).
114. European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental rights considerations in the migration context. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2021. URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2021/migration-fundamental-rights (дата обращения: 27.11.2025).
115. Fondazione Leone Moressa. Rapporto sull'economia dell'immigrazione 2016. Bologna, 2016. URL: https://www.fondazioneleonemoressa.org/it/rapporto-immigrazione-2016 (дата обращения: 10.11.2025).
116. France 24. "Turkey's Erdogan visits the United Arab Emirates to improve long-strained ties". 15 Feb 2022. URL: https://www.france24.com/en/middle-east/20220215-turkey-s-erdogan-visits-the-united-arab-emirates-to-improve-long-strained-ties (дата обращения: 21.11.2025).
117. Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya. URL:

https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

118. Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
119. Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
120. Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Rethinking Security Sector Reform in Post-Conflict Libya. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
121. Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF). Security Sector Stabilization: Defining a Path in the Libyan Context. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/The_Road_to_Stability11.11.2021.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
122. Georgetown Journal of International Affairs. The Fall of Bashar al-Assad: Winners, Losers, and Challenges Ahead. 07 May 2025. URL: https://gjia.georgetown.edu/2025/05/07/the-fall-of-bashar-al-assad-winners-losers-and-challenges-ahead/ (дата обращения: 10.11.2025).
123. Hoover Institution. Assad’s Fall: Syria Embraces Freedom but Faces Huge Challenges. Stanford, 2025. URL: https://www.hoover.org/research/assads-fall-syria-embraces-freedom-faces-huge-challenges (дата обращения: 10.11.2025).
124. How conflict in Libya facilitated transnational expansion of migrant smuggling and trafficking. ChathamHouse. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/02/how-conflict-libya-facilitated-transnational-expansion-migrant-smuggling-and-trafficking (дата обращения: 10.10.2025).

125. IDOS & Centro Studi Confronti. Dossier Statistico Immigrazione 2020. URL: https://www.dossierimmigrazione.it/ (дата обращения: 10.11.2025).
126. IntegrazioneMigranti.gov.it. «Regularisation 2020 – analysis of the scheme». URL: https://integrazionemigranti.gov.it/en-gb/Dettaglio-approfondimento/id/3/Regularisation-2020 (дата обращения: 10.11.2025).
127. International Organization for Migration (IOM). Migrant Smuggling Data and Research: Mediterranean Routes. Geneva, 2022. URL: https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-mediterranean-route (дата обращения: 27.11.2025).
128. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale (ISPI). ISPI Fact-Checking on Migration in Italy (Part 1). 9 May 2018. URL: https://www.infomigrants.net/en/post/9158/ispi-fact-checking-on-migration-in-italy-part-1 (дата обращения: 10.11.2025).
129. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale (ISPI). Migrants and integration: a challenge for Italy. 2018. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/cesvienglish_web_3.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
130. Italy/Libya: Documents Unveil Post-Gaddafi Cooperation Agreement on Immigration, Statewatch News, 13 Sept. 2012. URL: https://www.statewatch.org/news/2012/september/italy-libya-documents-unveil-post-gaddafi-cooperation-agreement-on-immigration/ (дата обращения: 24.10.2025).
131. Italy: Complicit in Grave Human Rights Abuse? Global Detention Project. URL: https://www.globaldetentionproject.org/italy-complicit-in-grave-human-rights-abuse (дата обращения: 10.11.2025).
132. J Street. Reactions from Congress to Trump’s Plan. 2020. URL: https://jstreet.org/the-trump-peace-sham/reactions-from-congress (дата обращения: 10.11.2025).

133. J Street. Reactions from Congress to Trump’s Plan. 2020. URL: https://jstreet.org/the-trump-peace-sham/reactions-from-congress (дата обращения: 10.11.2025).
134. Jesutimilehin O. Akamo, Caterina Bedin, Dario Cristiani. The Vicious Circle of Fragmentation: The EU and the Limits of Its Approach to Libya. FRS, 2023. URL: https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/autres/2023/joint_rp_15.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
135. Labbate S. Italy and its oil dealings with Libya. Limits and obligations of a dependency: the difficult 1970s and 1980s. Middle Eastern Studies, 2019. DOI: 10.1080/00263206.2019.1625333. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00263206.2019.1625333 (дата обращения: 24.10.2025).
136. Lexia Avvocati. «Regularization of undocumented workers – Italy, Decreto Rilancio». URL: https://italianvisa.it/regularization-of-undocumented-workers/ (дата обращения: 10.11.2025).
137. Libya Agreements and Their Impact on Italy’s Migration Policy // Polish Institute of International Affairs (PISM). 4 Nov. 2019. URL: https://www.pism.pl/publications/Libya_Agreements_Impact_on_Italys_Migration_Policy (дата обращения: 10.10.2025).
138. M. Ilardo. «The Rivalry between France and Italy over Libya and its Southwest Theatre». AIESFocus, 2018. URL: https://www.aies.at/download/2018/AIES-Fokus_2018-05.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
139. MigrationPolicy.org. «Italy migrant farmworker exploitation during COVID-19». URL: https://www.migrationpolicy.org/article/italy-migrant-farmworker-exploitation (дата обращения: 10.11.2025).
140. Ministero del Lavoro e delle Politiche Sociali. XIII Report “Foreigners in the labour market in Italy”. URL: https://integrazionemigranti.gov.it/en-gb/Dettaglio-approfondimento/id/52/XIII-Report-Foreigners-in-the-labour-market-in-Italy- (дата обращения: 10.11.2025).

141. More foreigners in Italy, now 5.4 million — immigration report. Infomigrants, 16 Oct 2025. URL: https://www.infomigrants.net/en/post/67542/more-foreigners-in-italy-now-54-million--immigration-report (дата обращения: 10.11.2025).
142. New Libya government creates ‘Presidential Guard’, The Peninsula / AFP. URL: https://thepeninsulaqatar.com/article/10/05/2016/New-Libya-government-creates-Presidential-Guard (дата обращения: 21.11.2025).
143. Once a Destination for Migrants, Post-Gaddafi Libya Has Gone from Destination to Transit Route. Migration Policy Institute. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/once-destination-migrants-post-gaddafi-libya (дата обращения: 10.10.2025).
144. Open Migration. How Immigrants Are Saving the Italian Economy and Pensions. 2024. URL: https://openmigration.org/en/op-ed/how-immigrants-are-saving-the-italian-economy-and-pensions (дата обращения: 10.11.2025).
145. PICUM. Italy: the 2020 regularisation scheme leaves many behind. URL: https://picum.org/blog/italy-2020-regularisation-scheme-leaves-many-behind/ (дата обращения: 10.11.2025).
146. PubMed Central. «The Impact of the COVID-19 Crisis on Marginal Migrant Populations in Europe, Italy Case». URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7992102/ (дата обращения: 10.11.2025).
147. Reuters. “A decade after EU’s migrant crisis, hundreds still dying in Mediterranean” (18 Aug 2025). URL: https://www.reuters.com/graphics/MIGRATION-EUROPE/MEDITERRANEAN/myvmxjemwpr/ (дата обращения: 10.11.2025).
148. Reuters. “FSB foils militant attacks in southern Russia, RIA reports.” 27 July 2024. URL: https://www.reuters.com/world/europe/fsb-foils-militant-attacks-southern-russia-ria-reports-2024-07-27/ (дата обращения: 10.11.2025).
149. Reuters. “Turkey, UAE sign agreements on trade, industry during Erdogan’s visit”. 14 Feb 2022. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-visits-uae-first-time-decade-2022-02-14/ (дата обращения: 21.11.2025).

150. Reuters. Bulgaria to extend fence at Turkish border to bar refugee influx. 14 Jan 2015. URL: https://www.reuters.com/article/world/bulgaria-to-extend-fence-at-turkish-border-to-bar-refugee-influx-idUSKBN0KN1JG/ (дата обращения: 10.11.2025).
151. SWP Berlin. The Great Carve-Up: Libya’s internationalised conflicts and the implications for Europe. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2020C25_LibyaHaftar.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
152. The EU’s Externalisation of Borders in Libya: Historical Path and Main Consequences. The Square Centre. URL: https://www.thesquarecentre.org/2023/05/31/the-eus-externalisation-of-borders-in-libya-historical-path-and-main-consequences/ (дата обращения: 10.10.2025).
153. The Guardian / NCBI. “Lived Experiences of African Migrants Crossing the Strait of Gibraltar.” URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8431138/ (дата обращения: 10.11.2025).
154. The Guardian. Crowds build at border with Serbia as Hungary cracks down on refugees. 15 Sep 2015. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/sep/15/hungary-strict-new-border-controls-crackdown-refugees-serbia (дата обращения: 10.11.2025).
155. The Guardian. More than 2,200 People Died Trying to Reach Europe in 2024. 3 Jan 2025. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/jan/03/more-than-2200-people-died-trying-to-reach-europe-2024 (дата обращения: 10.11.2025).
156. The Presidential Guard (2016-18), Clingendael Institute. URL: https://www.clingendael.org/pub/2020/one-thousand-and-one-failings/3-analysis-of-major-national-security-initiatives-in-libya-20112018/ (дата обращения: 21.11.2025).
157. Time. Over 1 Million Refugees and Migrants Have Reached Europe by Sea This Year. 30 Dec 2015. URL: https://time.com/4163932/europe-sea-migrant-crisis-refugees-arrivals-million (дата обращения: 10.11.2025).

158. UNHCR. Operational Data Portal: Mediterranean Situation. Geneva, 2023. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean (дата обращения: 27.11.2025).
159. Unioncamere – Infocamere. Imprese e Imprenditori Stranieri in Italia 2015. Roma, 2016. URL: https://www.unioncamere.gov.it (дата обращения: 10.11.2025).
160. Vision of Humanity. “Moscow Attack: Why is ISIS Targeting Russia?” 25 March 2024. URL: https://www.visionofhumanity.org/why-is-isis-targetting-russia/ (дата обращения: 10.11.2025).
161. West Point CTC / Al-Jazeera. Wilayat Sinai risks backlash after Metrojet bombing. URL: https://ctc.westpoint.edu/wilayat-sinai-risks-backlash-after-metrojet-bombing/ (дата обращения: 10.11.2025).
162. Wilson Center. Libya. URL: https://www.wilsoncenter.org/libya (дата обращения: 10.11.2025).

5. Статистические:

163. Frontex. Risk Analysis Reports, Annual/Quarterly Statistical Data.URL: https://frontex.europa.eu (датаобращения: 27.11.2025).
164. International Organization for Migration (IOM). Displacement Tracking Matrix. URL: https://dtm.iom.int (датаобращения: 27.11.2025).
165. ISPI. Matteo Villa. Dati e analisi sui flussi migratori nel Mediterraneo. URL: https://www.ispionline.it (дата обращения: 27.11.2025).
166. Ministero dell’Interno. Dipartimento della Pubblica Sicurezza. Cruscotto Statistico Giornaliero. URL: https://www.interno.gov.it (датаобращения: 27.11.2025).
167. Trading Economics. Senegal — Unemployment Rate. 2025. URL: https://tradingeconomics.com/senegal/unemployment-rate (дата обращения: 10.11.2025).

168. UNHCR. Operational Data Portal. Mediterranean Situation. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean (дата обращения: 27.11.2025).

II. Литература

1. На русском языке:

169. Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 429–440.
170. Агафошин М. М. От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы. М.: Институт Африки РАН, 2023. 222 с.
171. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, 2001. 288 с.
172. Арбатова Н. К., Басов Ф. А., Васильев В. И. [и др.] Невоенные угрозы безопасности ЕС. М.: Весь мир, 2023. 658 с.
173. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / пер. с франц. Ю. М. Колкер. М.: Международные отношения, 1993. 350 с.
174. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. А. Утина. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
175. Биссон Л. С. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М.: Институт Европы РАН, 2020. 150 с.
176. Брубейкер Р. Национализм как политика и практика. М.: Логос, 2012. 320 с.
177. Бхабха Х. К. Нация и нарратив. Культура, идентичность, литературная теория / пер. с англ. С. Малахова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 608 с.

178. Бхабха Х. Местоположение культуры. М.: Логос, 2003. 384 с.
179. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 552 с.
180. Валлерстайн И. Мир-система современности. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
181. Видясова, М. Ф. Ливия. Куда идет страна 140 племен? / М. Ф. Видясова. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Садра», 2019. 208 с.
182. Высочина Е. С. Ливия — африканское поле битвы мировых держав: к изданию книги М. Ф. Видясовой «Ливия. Куда идет страна 140 племен?» // Новый исторический вестник. 2021. № 1(67). С. 150-165.
183. Высочина Е. С. Политика Италии в отношении Ливии (2011–2015 гг.): спец. 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)»: дис. … канд. ист. наук. 2022. 229 с.
184. Гасанов К. Н. Геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье после «арабской весны» // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 64-74.
185. Гасанов К. Н. Европейское единство во время гражданской войны в Ливии (2015-2020 гг.) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 3. С. 46-62.
186. Глубокая О. А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 3(39). С. 19-30.
187. Глубокая О. А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022-2024) // Политика и общество. 2025. № 2. С. 99-113.
188. Данилова Е. В., Данилов В. В. Правовые основы миграционной политики Италии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 10(74). С. 2896–2904.
189. Дель Бока А. Итальянцы в Ливии: от фашизма до Каддафи / пер. с итал. Е. И. Петровой. СПб: Изд-во «Европейский дом», 2012. 448 с.

190. Демкин И. Л. Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС // Закон и власть. 2022. № 3. С. 3–8.
191. Европейский союз в глобальной политике / под ред. Н. Ю. Кавешникова. М.: МГИМО-Университет, 2016. 368 с.
192. Иванов Д. В., Егорова Е. Н., Алиев Д. М., Левина М. М. Международно-правовая политика Европейского союза в области вынужденной и трудовой миграции: учеб.пособие. М.: Проспект, 2024. 312 с.
193. Иксанов И. С. Конституционно-правовое регулирование миграции в Республике Италии // Российский судья. 2020. № 11. С. 46–50.
194. Ионов Д. Д., Кретов А. Д. Место «арабской весны» во внешней политике Франции // Конфликтология / Nota Bene. 2024. № 3. С. 28-44.
195. Исламская Ливия (XIX-XX века) / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 468 с.
196. Каддафи М. Зеленая книга. М.: Международные отношения, 1989. 160 с.
197. Карр Э. Двадцатилетний кризис 1919–1939. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
198. Клинова М. В., Трофимова О. Е. Европейский союз и страны Магриба: новая «старая» стратегия // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4(128). С. 50-67.
199. Коробов С. А. Социально-политическая трансформация Ливии в период итальянского колониального правления в 1911–1940 гг.: дис. … канд. ист. наук. 2023. 167 с.
200. Коробов С. А. Трансформация общественной идеологии в Италии под влиянием колониальной политики в период итальянско-турецкой войны 1911–1912 гг. // Клио. 2020. № 2(158). С. 31–35.
201. Коробов С. Влияние французской политики умиротворения Италии на Ливию и Эфиопию // Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества: Материалы XIX Всероссийской школы молодых африканистов, Москва, 25 ноября 2020 года. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 155–156.

202. Коробов С. Триполитанский и киренаикский парламенты — последняя попытка либеральной Италии умиротворить Ливию // Материалы конференции «Школа молодого африканиста». 2017. № 8. С. 68-69.
203. Кочеткова С. Необходимость интервенции в Ливию в 2011. Взгляд из Италии // Материалы конференции «Школа молодого африканиста». 2018. № 9. С. 84-85.
204. Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 2. С. 261-278.
205. Лангенхове Л. ван. Создание регионов в международной политике. М.: Весь Мир, 2013. 256 с.
206. Лекаренко О. Г., Гостев К. В. Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011-2020 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2(86). С. 350-359.
207. Ливия после Каддафи / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб; Институт востоковедения РАН. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 410 с.
208. Ливия: эпоха Каддафи / С. Э. Бабкин, А. З. Егорин, Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб. Том 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 242 с.
209. Лихоносов А.Г., Васецкий Н.А., Пивоваров Ю.Ф. Применение системной методологии для исследования политических процессов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 5. С. 24–30.
210. Лихоносов А.Г., Чичулин Н.А., Бурчаков Д.Ю. Система обеспечения этнополитической безопасности России: отечественный опыт и современность // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2026. Т. 17. № 2 (51). С. 30–36.
211. Лихоносов А.Г., Шевцов В.М. Традиционные общественные отношения в стране – основа устойчивости государства // III Международный

демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: сборник статей форума. Воронеж, 2024. С. 631–636.

212. Лобанов К. Военное противоборство на Украине в ракурсе моделирования конфликтинга и процессов социальной деструкции // Балканске Синтезе. 2023. Т. 10. № 1. С. 51–68.
213. Лобанов К.Н. Российская внешнеполитическая стратегия в контексте тенденций современных межгосударственных отношений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ежегодник: в 3 ч. М., 2026. С. 223–227.
214. Лобанов К.Н. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку // Via in Tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 2. С. 474–485.
215. Маслова Е. А., Ушакова Н. В. Средиземноморская политика Италии (начало) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1(35). С. 111-116.
216. Массей Д. и др. Миры в движении: международная миграция в конце тысячелетия. М.: Идея-Пресс, 2006. 376 с.
217. Матвеева И. А., Меренков И. А. Теория «расширенного Средиземноморья» в современной внешней политике Италии // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики государств: Сб. науч. статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. С. 131–136.
218. Мачадо Ортега Ш. Э., Рыжов И. В. Иммиграционная политика ЕС в 2020 году: анализ изменений и перспективы в контексте Пакта о миграции и убежище // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. науч. статей. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024. С. 55–59.

219. Моргентау Г. Политика между нациями: борьба за власть и мир. М.: АСТ, 2009. 800 с.
220. Огнева В.В. Эренджженов А.А. Тенденции изменений в реализации политики безопасности регионов российского пограничья в контексте политического кризиса вокруг Украины // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 3-14.
221. Омарова Т. Р., Шангараев Р. Н. История миграционного вопроса и его влияние на внешнюю политику Италии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 5(98). С. 2204–2211.
222. Покудов З. В., Садыкова Э. Л. Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 году // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 159-168.
223. Попенков О. Н. Борьба эмира ас-Сенуси за независимость Ливии и особенности государственного строительства в Королевстве Ливия (1951-1969 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 1(201). С. 77-83.
224. Потемкина О.Ю. Африканское направление Пакта о миграции и убежище ЕС // Современная Европа. 2025. № 7 (135). С. 41–51.
225. Потемкина О.Ю. Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 5. С. 44–54.
226. Прудников А. С., Тузов Л. Л., Прудникова Т. А. [и др.] Реализация миграционной политики уполномоченными органами в сфере миграции в ряде зарубежных стран. М.: Юнити-Дана, 2020. 247 с.
227. Родионова М. Е. Электоральные процессы в современной Европе: тенденции и перспективы. М.: КноРус, 2020. 206 с.
228. Рыжкин Е. Н. Анализ соотношения внешнеполитического потенциала Италии и ее национальных интересов в Ливии в 2011–2020 годах // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 9(85). С. 3121–3132.

229. Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в // Региональные исследования. 2015. № 4(50). С. 56-65.

230. Саид Э. В. Ориентализм / пер. с англ. А. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 424 с.

231. Сёдербаум Ф. Теория нового регионализма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 272 с.

232. Смолькова К. Д. Миграционная дипломатия как инструмент внешней политики в современных международных отношениях // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 6(118). С. 2558-2565.

233. Современные теории международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2012. 448 с.

234. Сорока А. Ю. Вопросы социально-культурной интеграции беженцев в Италии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 6(75). С. 1970–1975.

235. Теории международной миграции / под ред. О. Д. Воробьевой. М.: Институт социологии РАН, 2014. 256 с.

236. Тимакова О. А. Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 29–37.

237. Тимофеев П. П., Хорольская М. В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4(116). С. 134–159.

238. Фомин А. М. Англо-французское военное планирование в Восточном Средиземноморье и в регионе Красного моря в преддверии Второй мировой войны: штабные переговоры в марте — июне 1939 года // Новая и новейшая история. 2025. № 3. С. 120-133.

239. Хришкевич Т. Г. Миграционный кризис 2014–2016 гг. в Европейском Союзе как «экзистенциальная» угроза для прибалтийских государств // Клио. 2023. № 12(204). С. 83–88.

240. Царева Е. Ю. Нормативно-правовые основы миграционной политики в Италии // Право и политика. 2014. № 10. С. 1497-1505.
241. Чихарев И. А., Гарас Л. Н. Миграционные процессы в регионе Средиземноморья: итальянский контекст // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 5. С. 90–109.
242. Шибкова М. О. Итальянская государственная политика в области интеграции мигрантов на примере тунисской общины // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3(123). С. 142–160.
243. Шумилин А. И. Ближневосточное эхо европейской войны. Часть 1. Посредники // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 5(29).– С. 17-25.
244. Щукин А. И. Контрмеры Европейского союза по блокировке иностранного законодательства о санкциях экстерриториального характера // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 10. С. 167-183.
245. Юсифзаде А. М. Итальянская агрессия в Северной Африке // Вопросы истории. 2024. № 2. С. 166–175.
246. Ястребова А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 580 с.

2. На иностранных языках:

247. Ahmida A.A. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. New York: Routledge, 2010. 124 p.
248. Al-Gaddafi, Muammar. The Green Book. English edition. People’s Committee for Publication, Distribution & Advertising, Libya-London, 1976. 110p.
249. Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976. 367 p.
250. Amnesty International. Syria: Human Rights and Forced Displacement. London: Amnesty International Publications, 2021. 132 p.

251. Badi E. Dismantling the Security Sector in Libya: Hybrid Actors, Militias and Future Stability. London : Routledge, 2023. 210 p.
252. Bashagha F. Public Speech on State Security and Migration Policy, Tripoli, 2022. Libya Observer Transcript. 12 p.
253. Castles S., Miller M. The Age of Migration. New York: Guilford Press, 2019. 512 p.
254. Colombo S., Sartori P. (eds.) EU–Mediterranean Relations in the 21st Century: Trends, Challenges and Policy Options. Cham : Springer, 2020. 342 p.
255. Denaro C., Pastore F., Simone R. (eds.) Migration Control in the Mediterranean: The Role of States and Non-State Actors. Cham : Springer, 2022. 310 p.
256. El-Khazen F. The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976. Bloomsbury Publishing, 2020. 400 p.
257. European Commission. Labour Market and Skills in the EU. Brussels, 2021. 98 p.
258. Fargues P., Bonfanti S. Migration in the Central Mediterranean: Dynamics, Drivers and Policy Responses. Cham : Springer, 2021. 278 p.
259. Fuchs S. Geopolitics of Human Mobility: Migration as a Strategic Factor. London: Palgrave Macmillan, 2021. 276 p.
260. Galasso V., Zotti A. Italy and the Mediterranean: Foreign Policy, Migration and Geopolitics. London : Routledge, 2022. 236 p.
261. Gennari L. The Italian American Manuscript. Rome: Carocci, 2017. 312 c.
262. Hamid A., Varvelli A. (eds.) Libya’s Future: Between Political Deadlock and Security Fragmentation. Milan : ISPI / Ledizioni, 2021. 290 p.
263. Harchaoui J., Eaton T. Proxy War in Libya: Foreign Intervention and Local Fragmentation. London : IISS / Routledge, 2020. 200 p.
264. Human Rights Watch. “We Lived on the Edge”: Structural Vulnerabilities and Forced Migration in MENA. New York: Human Rights Watch, 2020. 98 p.
265. International Organization for Migration. Glossary on Migration. Geneva: IOM, 2019. 140 p.
266. Lacher W. Libya’s Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict. London : I.B. Tauris / Bloomsbury, 2020. 288 p.

267. Laqueur W., Rubin B. The Middle East in Crisis: External Interventions and Regional Instability. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2019. 284 p.
268. Lee E. A Theory of Migration. Berlin: Springer, 1966. 284 p.
269. Lynch M., Anderson K., Gaffney F. Hybrid Conflict Dynamics in the MENA Region. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies, 2020. 112 p.
270. Mearsheimer J. Great-Power Competition and Displacement: A Realist Interpretation. New York: Columbia University Press, 2021. 312 p.
271. Médecins Sans Frontières. Mediterranean SAR Operations: Annual Report 2020. Geneva: Médecins Sans Frontières, 2021. 64 p.
272. Micallef M., Reitano T. The Human Conveyor Belt Broken: Understanding Human Smuggling across Libya. Geneva : Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2018. 150 p.
273. Murphy A. Geopolitics in a Changing World. New York: Routledge, 2020. 214 p.
274. Pack J., Smith R., Mezran K. The Origins and Evolution of the Libyan Conflict. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. 254 p.
275. Paul R. M. Reflex Actions: Colonialism, Corruption and the Politics of Technocracy in the Early Twentieth-Century United States // Challenging US Foreign Policy: America and the World in the Long Twentieth Century / ed. by B. Sewell, S. Lucas. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 183-200.
276. Posner E. Rational Choice Perspectives on Forced Migration. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 210 p.
277. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Urbana: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
278. Spykman N. J. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. 170 p.
279. Tillisi K.M. Mu'jam Ma'arik al Jihad fi Libia: 1911–31. Tripoli: Arabic Book House, 1972. 560 p. (in Arabic).
280. UNHCR. Global Trends: Forced Displacement 2023. Geneva: UNHCR, 2023. 104 p.

281. United Nations Development Programme; International Organization for Migration. Governance Fragility Assessment in the Middle East and North Africa. UNDP–IOM Joint Report. New York: UNDP Press, 2021. 76 p.

282. United Nations. International Migration Report 2022. New York: UN DESA, 2022. 78 p.

283. Vandewalle, D. J. A history of modern Libya // D. J. Vandewalle. – Cambridge [etc.]: Cambridge university press, 2006. 274 p.